

1
2011

РОСССНЯ XXI

1.2011 январь-февраль

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Суть времени _____ **6**

Геоглобалистика

Владимир Аватков

Статическая или динамическая стабильность?
Новейшие российско-турецкие отношения _ **48**

Мария Рыжова

Ибероамерика: проблемы и ожидания _____ **60**

Россия в мире

Владимир Дегоев

Сближение по сложной траектории:
Россия и Осетия в середине XVIII века ____ **80**

Пути духовных исканий

Вячеслав Найдыш

Теория эволюции в духовной
культуре нашего времени ____ **106**

Андрей Ранчин

Филология или философия? __ **140**

Страницы истории

Юрий Парсамов

За кулисами журнальной полемики
вокруг «Конармии» Бабеля ____ **154**

Памяти друга _____ **184**

Contents in English look at the page 192

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

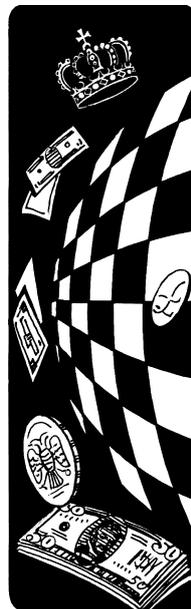
Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

Настоящий момент выступает как самое трудное, невыполнимое требование. Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество.

Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни.

Карл Ясперс

Сергей Кургинян

СУТЬ ВРЕМЕНИ¹

УДК
323.2

The author focuses on history and time, perennial problems of the world science and philosophy. However these abstract theoretical problems should not be considered apart from the present and comparatively recent political context. The problem of history as time which has dense meaning content of its own is investigated in connection with historical experience of Russia which has come through temptations of the liberal epoch. This experience, however, is the legacy which allows understanding of the present day state of the society and to work out the tactics and trajectory of the further development. History and time are burning issues that require profound analytical activity of the society and representatives of its intellectual elite.

Ключевые слова: проблема истории как времени; исторический опыт России; современное состояние общества; искушения либеральной эпохи; тактика и траектория развития.

Key words: problem of history as time; historical experience of Russia; present day state of the society; temptations of the liberal epoch; tactics and trajectory of the further development.

E-mail:ecc@ecc.ru

¹ *Выступление 01.02.2011 и 08.02.2011 в видеопередаче «Суть времени» в Интернете. www.kurginyan.ru*

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Мы начали выпуск новой видеопередачи в Интернете и решили назвать ее «Суть времени». Не потому, что в этом есть забавное созвучие с «Судом времени» – большим шоу-проектом Пятого канала, в котором я полгода активно участвовал, а потому, что действительно хотим обсудить **суть** времени, **суть** эпохи, в которой мы живем, ее проблемы, ее болевые точки, перспективы, а также генезис, происхождение той ситуации, в которой мы все оказались. Это и есть главное. Но это невозможно обсудить на телевизионном шоу, особенно когда споришь с людьми противоположных убеждений, страстно отстаивая свою позицию. Это можно обсуждать только спокойно, когда не боишься задевать болезненные проблемные точки, когда ищешь ответ вместе с другими в реальном масштабе времени, что называется «онлайн», т.е. прямо вот здесь и сейчас.

Вопрос заключается в том, кому это будет нужно. Дело не в количестве. Да, я понимаю, что передачу «Суд времени» смотрели миллионы. Эту передачу будут смотреть сотни, десятки людей. Вопрос заключается в качестве этих людей, в том, насколько для них затрагиваемые здесь проблемы важны и имеют такое фундаментальное, я бы сказал экзистенциальное, окончательное человеческое значение. Только об этом и идет речь. При этом, ну как бы сказать точнее... Я никоим образом не считаю, что с первого раза должно быть попадание в десятку. Давайте вместе с другими людьми, с теми, кто это станет слушать, выбирать жанр. Мне очевидно, что это должно быть АНТИшоу. Будем обсуждать, должны ли мы действовать в режиме монологов, таких вот постоянных рассуждений вашего покорного слуги или в режиме каких-то диалогов, коллективных полемик. Я только на одном настаиваю, чтобы эти полемик были между людьми, способными понять друг друга. Людьми, которые действительно в ходе диалога готовы сблизить свои позиции или уточнить их. А не с людьми, которые всегда будут стоять на своем и в любой ситуации будут просто оппонентами, то есть такими стенками, от которых брошенный теннисный мяч доказательств будет упруго отскакивать и только, что неинтересно, как мне кажется.

Итак, начать передачу «Суть времени» я хочу с выяснения того, в чем действительно состоит суть нашего времени. Потому что разговоры о времени – это очень известная и такая ключевая в исторической, а также в художественной, философской литературе вещь. Я мог бы добавить сюда и Евангелие, потому что именно в нем говорится: «Ваше время и власть тьмы». В другом, художественном, произведении на

библейскую тему по поводу судьбы Иосифа, которого братья продают в рабство, один из братьев, мне помнится, говорит: «Будем, друзья, в ладу со временем и продадим Иосифа». Перед этим он рассуждает, что вот убить Иосифа вроде можно было вчера, освободить можно будет завтра, а сейчас вот такое время, что, в ладу с ним будучи, его надо продать. Я имею в виду произведение Томаса Манна «Иосиф и его братья». Я могу также сказать: «Профессор, снимите очки-велосипед! Я сам расскажу о времени и о себе» – и это будет Маяковский, ну а уж дальше – со всеми остановками.

*Время –
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что смутная тоска
стала ясною
 осознанною болью.*

Тот же Маяковский. Список размышлений и высказываний по поводу времени – «Давай с тобой, Время, покурим», говорит Андрей Вознесенский, – можно продолжить. Сутью времени занимались много и специалисты разных профессий. В конечном итоге тайна самого этого времени есть еще и физическая тайна. Что такое активное и пассивное время, обсуждал астрофизик Козырев. Способно ли время само создавать что-нибудь из себя – тема, обсужденная многими астрофизиками. Что такое время, начиная со взрыва нашей Вселенной, – первые десять в минус двадцать четвертой или двадцать пятой секунды, – обсуждают до сих пор. Спорят, каково оно было, чем являлось, было ли похоже на то время, которое существует сейчас? Чем время в музыке отличается от обычного времени? Что такое время художественного восприятия произведения? И так далее и тому подобное... Аспектов, связанных с проблемами времени, много. Ну а что есть, в конце концов, история? Это процесс, развивающийся во времени. Если мы обсуждаем историю и смысл истории, мы не можем миновать проблему времени. Тесно, кстати говоря, связанную в религиозно-философской литературе с проблемой души. Время и душа – понятия близкие.

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Но я-то хочу говорить о нашем времени и хочу говорить о нем с позиции одновременно и философской, и политически актуальной. И так, мне хотелось бы прежде всего обсудить степень катастрофичности того времени, в котором мы живем. Степень катастрофичности ситуации в России сегодня, а значит, и перспективы, способы выхода из этой ситуации. А также, собственно, и судьбы тех, с кем я разговариваю, и свою собственную, потому что я из России уезжать не собираюсь, что бы здесь ни случилось. Так что же произошло со страной и чем является то, что одни называют «революцией здравого смысла», победившей революцией демократов, которые «вывели страну на магистральный путь истории», а другие называют «катастрофой», «преступлением» и еще неизвестно чем. И те и другие названия уже ни о чем не говорят потому, что на сегодняшний день надо попытаться понять, в чем качество ситуации. Как я неоднократно говорил в той самой предыдущей передаче «Суд времени», сейчас время не проклинать и не прославлять, а понимать.

Выскажу по этому поводу свою точку зрения. Она, безусловно, спорна и, может быть, в чем-то является усложненной, но иначе я ее сформулировать не могу. И мне кажется, что я не видел, к сожалению, формулировок, которые давали бы (пусть усложненные) рецепты того, как действовать исходя из того, что случилось. А отрывать «что случилось?» от «как действовать?», от «как преодолеть случившееся?», невозможно, как нельзя, в принципе, отрывать диагноз болезни от способов ее лечения. Конечно, может оказаться, что болезнь неизлечима, но даже в этом случае люди волевые и мужественные идут до конца и лечат больного, даже не имея никаких шансов на успех. И, как говорит опыт медицины подобного типа, иногда и достигают успеха, и совершается чудо, которое для меня, например, является не чудом, а предельным сосредоточением воли, интеллекта, желания добиться результата вопреки всему, а также таланта того, кто этого результата добивается.

Так что же все-таки случилось со страной, как я понимаю случившееся, все то, что Путин, будучи президентом, называл «геополитической катастрофой»? Я говорил об этом и в своей книге «Исав и Иаков», и во множестве статей, выступлений на клубе, по телевидению и на радио. Я говорил много раз о том, что, с моей точки зрения, определение «геополитическая катастрофа» недостаточно. Конечно, произошла геополитическая катастрофа – распад СССР, – но перед этим или парал-

лельно с этим произошла совсем другая и гораздо более важная для граждан страны катастрофа, которую я называю катастрофой метафизической, или падением. Я постараюсь, принося заранее извинения за некоторую усложненность, разъяснить, что я имею в виду под метафизической катастрофой, особенно для тех, кто, как и ваш покорный слуга, в принципе, не сопричастен религии. Я считаю себя человеком, как бы это сказать ...обладающим определенной метафизикой и при этом вполне светским.

Итак, что же все-таки произошло? Обсуждая это, мы не можем не давать представление о человеке, о человеческом обществе. Мы должны договориться сначала (и это всем очевидно), что, кем бы ни был человек, тайна человека велика, и она будет исследоваться до тех пор, пока человек существует, и, вероятно, до этих же пор останется тайной, достаточно неразгаданной. Что в любом случае человек не зверь, мы все понимаем. И что он не зверь не только потому, что имеет разум. Он обладает чем-то еще, да? Кто-то называет это душой, кто-то говорит о том, что он обладает сверхсознанием или чем-то еще, какой-то способностью ориентироваться на смыслы. В любом случае человек принадлежит не только природе, хотя он принадлежит, конечно, и природе тоже. Он, как и зверь, ест, спит, пьет, производит потомство, защищает территорию, конкурирует с себе подобными, с кем-то кооперируется в коллективы (что на зверином языке называется стаей) и т.д. и т.п. Он во многом подобен зверю, но он не равен ему, не тождествен. Он представляет собой качественно другое. Разница между человеком и зверем столь же велика, как разница между культурой и природой. Человек создает свой социальный мир, свою среду, в которой он живет, и т.д. и т.п. Внутри этого различия между человеком и природой возникает как бы двухслойность, как бы бинарность человека. Человек, с одной стороны, является в каком-то смысле зверем, а в каком-то смысле чем-то другим. В том смысле, в котором он является зверем, у него есть потребности, физические, отчасти психофизиологические и другие. В том смысле, в котором он является чем-то другим, у него есть высшие мотивы, он реагирует на смыслы, он живет в мире ценностей, он имеет представление о чести, долге и о многом другом. Это можно называть по-разному. Можно просто остаться при тех определениях, которые я сейчас даю, и их совершенно достаточно, но почему-то мне захотелось (и я об этом не жалею) адресоваться здесь к библейским сюжетам и сказать, что все, в чем человек является

СУТЬ ВРЕМЕНИ

зверем, все, что связано с ним материального, животного, элементарного, – это все можно назвать «чечевичной похлебкой», а все то, что в человеке есть сверх этого, – высокого, идеального, духовного, устремленного к чему-то, кроме этого скотского звериного существования, – вот это все и есть «первородство». Я использую эти понятия, или эти символы, метафоры, эти лингвемы, условно и прошу не требовать от меня, чтобы я глубоко вдавался в библейские сюжеты, размышлял, чем колено Иакова отличается от колена Исав и что произошло там на самом деле между Иаковом и Исавом. В каком смысле Иаков совершил мошенничество, обменяв чечевичную похлебку на первородство, мне в данном случае совершенно неинтересно. Я очень люблю эти сюжеты и готов бесконечно их обсуждать, но сейчас не в них дело. Хотите, говорите «высшее – низшее», хотите, «первородство – чечевичная похлебка», главное, что человек бинарен, в нем есть и то и другое.

Те, кто обрушил Советский Союз, послал в наше общество, которое почему-то к этому было готово, два главных мессиджа. Мессидж №1 состоял в том, что, знаете ли, ваше первородство настолько тухлое, что дальше некуда! Сталин убил десятки миллионов людей, чуть не сто миллионов людей. Каждый день вас убивали, ели живьем, унижали, топтали, договаривались с Гитлером, творили чудовищные дела – ни одной живой молекулы чести и совести в вашей истории нет. И если вы будете держаться за это первородство, вы сумасшедшие. Это был первый мессидж. И я очень хорошо понял, как он был организован, за время передачи «Суд времени». Это довольно забавно, и я считаю, что тут есть, о чем поразмыслить. Американцы (не будь дураками) заказали своим нормальным, вменяемым, не слишком талантливым, но достаточно добросовестным исследователям идеологически ориентированные исследования по каждому эпизоду нашей советской истории. По стахановскому движению, по началу войны, по коллективизации, по чему угодно еще – по всему! Это был широкий спектр среднеоплачиваемых исследований, которые исследователи провели в меру добросовестно и в меру тенденциозно, поскольку тенденциозность была им задана. Они должны были каждую из молекул нашей истории разделить, как бог черепаху. Они должны были дискредитировать нашу историю достаточно убедительно, на основе фактического материала. Они это сделали, и результаты легли на полки. И если б они продолжали лежать

на полках, ничего бы не было. В сущности, в СССР тоже занимались американским империализмом и критиковали его сколько угодно.

Но! Американские исследования не остались на полках, перешли в наш спецхран, были переведены на русский и ... начали функционировать под рубрикой «для служебного пользования», малой серией, не важно как еще, это зависело от того, какие были авторы – Коэн, Конквест, Бжезинский, – и так далее и тому подобное. Все это существовало для некоего круга, который должен был знакомиться с буржуазными теориями и с тем, как они наводят тень на наш плетень, дабы лучше вести идеологическую информационную войну. Среди этих людей были фронтеры, то есть люди в погонах или с соответствующими допусками и при довольно высоких политических функциях, но давно уже относящиеся весьма скептически к советской истории и советскому обществу. Не говорю, что наша история и наше общество не давали к этому определенных оснований, но сейчас не в этом дело.

Итак, такие люди были, и я их называю «фронтерами». Фронтерами в погонах или фронтерами при определенном общественном положении. И они это все читали. Не скажу, что ксерокопировали, но каким-то образом давали с этим знакомиться своим друзьям-диссидентам. И рано или поздно вся упомянутая литература, переведенная на русский язык, чаще всего нашими, и доставленная сюда тоже чаще всего нашими, становилась достоянием так называемых диссидентских кухонь, где ее десятилетиями обсуждали люди, которые уже окончательно разорвали отношения с советским обществом по тем или иным основаниям. Не буду обсуждать, насколько эти основания были глубокими, насколько поверхностными, насколько корыстными, насколько идеальными, – они были разные. Короче говоря, эти люди разорвали отношения со своим обществом по принципу того известного анекдота, где диссидент пишет объявление в газету: «Пропала собака... Сука... – дальше матерное слово – ... как я ненавижу эту страну!» Диссиденты, собиравшиеся на кухнях, могли быть в «отказе» или преследовались властями, а могли находиться и в достаточно комфортном положении, – в любом случае они подолгу все это обсуждали. Обсуждали детально, подробно, накапливая яд ненависти, как бы обучаясь на этих книгах, запоминая все, что там написано, в основном факты, факты, факты, которые им казались убийственными и неоспоримыми. Так постепенно формировался наш отечественный диссидентско-фронтерский дискурс. То есть объем

СУТЬ ВРЕМЕНИ

определенной литературы по каждому элементу истории, который обсуждался и проговаривался в достаточно узких кругах. Ради бога, он мог проговариваться до второго пришествия, это ничего бы не меняло.

Но! Произошло следующее... Как только началась перестройка, немногочисленные высокие партийные функционеры, которые ее замыслили (а в сущности, один человек Александр Николаевич Яковлев), осуществили следующий прием. Они соединили этих диссидентов, уже пропитанных ядом, владевших проработанным контентом или дискурсом (потому что все эти знания были не только выучены наизусть, но и оформлены в определенные идеологемы, в определенные интеллектуальные комплексы) – всех этих самообразовавшихся и отточивших на диссидентских кухнях свою злость и аргументированность людей соединили со средствами массовой информации, прежде всего, конечно же, телевидением, но и не только, которые монополично на тот момент контролировались правящей партией. Таким образом они дали диссидентам излить весь яд на общество, весь накопленный ими яд, который, опять-таки повторяю, был изготовлен по принципу: сначала американские исследования, потом их перевод и хранение в спецхранах, их обсуждение на диссидентских кухнях, детальная проработка, формирование дискурса и наконец – вперед!

Было ли это так смертельно опасно, что в этой ситуации общество было обречено? Ниоим образом. Достаточно было разрешить нормальную демократическую дискуссию и людям, которые обладали другим представлением о процессе, а главное – тем людям, которые умели разговаривать и спорить, дать возможность вести полемику. Тогда, возможно, Советский Союз был бы спасен, а главное, население не сошло бы с ума настолько, насколько оно сошло, крыша бы поехала не так сильно, удар был бы не так силен, это бы не носило характер когнитивного шока, характер широкой социокультурной травмы. Травмы не индивидуальной, хотя и индивидуальной тоже, но коллективной, общественной, так сказать, национальной, назовите ее как хотите. Но! Тем, другим, людям, говорить не дали, или им дали говорить на таких площадках, где их не слышали, или же вместо них выдвигались оппоненты, которые заведомо могли только дискредитировать саму идею оппонирования таким замечательным, интеллигентным, образованным противникам, какими были эти диссиденты, получившие телеэфир и наиболее

популярные газеты, полностью подконтрольные на том этапе правящей партии.

Итак, удар был чудовищно силен! Никакого противодействия этому удару не было. Более того, на этом этапе полемика носила заведомо тупиковый характер. С одной стороны, были люди, которые обладали знаниями или тем, что они называли знанием, дискурсом, совокупностью фактов, аргументов: вот как это было на самом деле, вот архивы, вот данные, вот факты и так далее. А с другой стороны, находились люди, которые говорили: «Злопыхатели, не смейте трогать наш советский миф, нашу замечательную легенду о стране и обществе!» Если бы наше общество было традиционным и охраняло бы свой миф так, как католики в каком-нибудь XVII веке охраняли миф о непорочном зачатии... то есть на любое оскорбление своих святынь отвечали бы просто ударом или, скажем, выхватываемой шпагой, то, возможно, в этом бы не было ничего страшного. Но наше общество было уже модернизированным, современным, оно не сакрализировало свои мифы и не готово было подобным образом их защищать. Оно хотело не мифов, а правды. И как только сторонники Советского Союза и советского общества начинали говорить о том, что вот-де, мол, у нас есть священное, у нас есть мифы, их оппоненты тут же отвечали: «Подожди, подожди, а на самом-то деле, может, все было пакостным, может, ты нам просто врешь, может быть, это идеологическая мультка?» и так далее и тому подобное.

Таким образом, произошел колоссальный, непоправимый, фантастический разгром, который начался, по-видимому, все-таки где-нибудь в году 1986-м либо в конце 1986-го – начале 1987-го и закончился в 1990-ом, 1991-ом. Это был недолгий период, который определил безумно многое в нашей истории. Потому что за это время широчайшим общественным слоям было доказано, что их первородство тухлое, порченное! И слои это признали. Слои нашего общества, наши соотечественники. Я видел это, я являюсь очевидцем, я участвовал тогда в дебатах на какой-нибудь «горячей линии», на московском телевидении, на различных открытых площадках. Я видел людей с безумными глазами, которые уже приняли в себя дозу этого диссидентского яда и которые просто сходили с ума от злобы, ненависти, разочарования, от ощущения того, насколько они обмануты, как им вешали лапшу на уши так много лет и как «на самом деле» все это было. В оправдание своих соотечественников могу сказать, что по ним ударили очень сильно. По ним ударили так

СУТЬ ВРЕМЕНИ

сильно, как никогда. Это случилось, повторяю, из-за монополии правящей партии, которая, конечно, во всем виновата, в первую очередь, ибо всегда виноват тот, кто властвует. Но если бы одновременно с этим была свободная равноправная дискуссия, которую не допустила все та же правящая партия... Если бы это все было в нормальных демократических формах полноценной равновесной дискуссии, то, возможно, наши соотечественники не были бы так сильно травмированы.

Но это было так, как это было... В этом смысле история не имеет солагательного наклона. Это уже произошло! Сознание было взорвано! Этим страшным ударом, этим первым мессиджем...

Но был и второй мессидж, ничуть не менее важный. Он заключался в следующем, этот мессидж №2. А зачем вам вообще нужно первородство?! Одна живем! Мы живем сегодняшним днем, дайте пожить, да? Откуда все эти бредни о том, что необходимы какие-то идеалы, что нужна жертвенность, что мы должны жить какими-то смыслами и так далее и тому подобное. Да не этим живем! В конце 80-х годов было много публикаций, где идеалы были вообще – вообще! – дискредитированы. Очень сильно, всеми возможными способами. Осмеяны, дискредитированы не только конкретно как советские идеалы, но как идеалы вообще! Американская мечта никогда не отменяется, она всегда существует, как и американская миссия и многое другое. Русским с этого момента сказали, что ни миссии, ни мечты быть не должно вообще. Не только советской, которая как бы ложна и порочна, ужасна и омерзительна, но и вообще никакой! Жить надо интересами, то есть «чечевичной похлебкой». Эрих Фромм называл это «гуляш», но мне ближе термин «чечевичная похлебка».

Оба эти мессиджа проникли в сознание наших соотечественников, огромного количества этих соотечественников, и в итоге они отказались от своего первородства. Причем в 90-м году, в 91-м, и даже в 92-м, можно было считать, что отказались они во имя демократии, свободы, права и всего прочего, то есть во имя другого идеала, что в принципе является допустимым. В конце концов, что такое революция 1917-го года? Один идеал – православная империя (крест над Святой Софией, православная симфония и все прочее) – меняется на другой идеал – коммунизм и все прочее. Идеал на идеал – это такой бартер, идеальный обмен... такая, так сказать, рокировка. Это и есть История. Она каждый раз зависает над бездной потому, что каждый раз обрушение одного идеала тяжелейшим образом травмирует общество, но тут же другой идеал заменяет

этот идеал и что-то устанавливается. К 93-му году стало ясно, что наши соотечественники в значительном количестве поддержали Ельцина, уже поняв, что они обмануты. Уже имея некий символ в виде Белого Дома, над которым были подняты все знамена, включая красное. Уже зная, что Ельцин к этому моменту нарушил Конституцию и выпустил указ 1400, который был заведомо неправовым, они все равно не поддержали другую сторону. Некоторые ссылались на то, что там неприятный чеченец Хасбулатов, но это полная чушь, потому что управлял не Хасбулатов, а Верховный Совет, избранный самими этими гражданами, которые могли в конце концов его потом переизбрать, и большинство в котором составляли люди с очень разными убеждениями, как некоммунистическо-патриотическими, так и отчасти коммунистическими. Поэтому все адресации в адрес Хасбулатова не имеют совершенно никакого права на существование.

Граждане просто поверили, поверили тому, что Ельцин ляжет на рельсы, если рынок и вообще реформы не наполнят корыто очень вкусной чечевичной похлебкой. Гораздо более вкусной похлебкой, чем та похлебка, которую предлагал советский, во многом действительно аскетический и скудный, строй. Граждане в это поверили и в этот момент совершили, завершили, оформили, подвели черту под этапом, который называется метафизическим падением. Ибо смена первородства на чечевичную похлебку и есть такое метафизическое падение. Я должен сказать, что интеллигенция, которая в этом участвовала, и не просто участвовала, а фактически науськивала граждан, двигала их этим путем, совершила нечто чудовищное. Ибо она действительно к мессиджу №1, согласно которому советское первородство порченное, добавила мессидж №2, согласно которому идеалы – это вообще фуфло. Ни одно общество, если оно хочет существовать, ни одна власть, если она хочет властвовать, никогда не рубит сук, на котором сидит. Она не уничтожает идеальное вообще. Уничтожая какое-то исторически обусловленное идеальное, например советское или досоветское, она тут же вставляет на его место другое идеальное.

Ленин мучительно задумывался над тем, от какого наследства мы отказываемся, а от какого не отказываемся, потому что он понимал, что от всего отказаться невозможно, ведь тогда не сумеешь никуда вставить свои новые идеалы. Они не сростутся, а если они не сростутся немедленно, если не возникнет нового идеального содержания, то ты обществом управлять не можешь, власти быть не может, не может быть леги-

СУТЬ ВРЕМЕНИ

тимности, не может быть ничего! Есть только полузвериное стадо, растерянное и беспомощное, которое не способно быть опорой никакой власти.

В этом смысле интеллигенция совершила двойное преступление. Она, во-первых, действительно огульно дискредитировала то, в чем не разобралась, я имею в виду советское общество, во-вторых, она дискредитировала идеальное вообще. Дискредитировав его, она и себя лишила будущего, потому что оказалась не нужна. Интеллигенция была жрецом идеального. Если она отказалась от идеального, то зачем она нужна вообще? И власть была обречена на жалкое прозябание, потому что опереться на безыдеальное общество невозможно, можно только плыть вместе с ним по какому-то страшному течению. Это даже не река Стикс, эта какая-то такая бесконечно вонючая, зловонная речка, которая постепенно-постепенно течет в какие-то поля орошения, даже не в поля Аида или в Элизиум. Нет, она течет в нечто гораздо более страшное и стыдное. И можно, только лавируя, плыть по этому течению. Вот что было сделано.

С того момента как это было сделано, а это было окончательно сделано, конечно, в 1993-м году, 1991-й тут не могу считать окончательной вехой просто потому, что существовала неоднозначность фактора Горбачева, фактора растерянности, непонятность будущих перспектив, частичная незаконность действий ГКЧП и многое другое, там была неопределенность... В 1993-м году была полная определенность, но к Белому Дому пришло не пятьсот тысяч человек и не триста тысяч человек, а сорок-пятьдесят, что бы кто ни говорил. На этот расстрел смотрели достаточно хладнокровно, после чего оказалось растоптанным все. Право в его демократическом понимании, демократические выборы в том подлинном смысле слова, который мог бы как-то ассоциироваться со свободой, а свобода – величайшая ценность. И уже было понятно, что все это сделано только ради того, чтобы кто-то обогатился и после этого развился вот этот самый капитализм. Но ведь это делалось не ради капитализма как такового, потому что никто уже не воспринимал в этот момент капитализм как нечто идеальное. Я подчеркиваю, идеальное рухнуло! Это делалось ради каких-то конкретных приобретений именно материального характера. Ради большего процветания, процветания, ради большего количества чечевичной похлебки, которая окажется в корыте. Граждане, отбросив первородство, совершили метафизическое падение и этим завершили первый этап своей мистерии.

Но возник второй этап. Этап расплаты. Потому что когда ты продаешь первородство за чечевичную похлебку, то потом начинает медленно или быстро исчезать эта чечевичная похлебка. Так действует князь мира сего... Хозяин времени тьмы. Он именно таким способом, в этом его суть, разбирается с теми, кто отказался от идеального.

Почему же граждане считали, что они каким-то образом получают больше чечевичной похлебки? Если, скажем, советское общество давало некий X этой похлебки, то почему граждане считали, что ее будет больше? То, что я здесь назвал метафизическим падением, для людей, которым не близка религиозная терминология, может быть названо регрессом, сбросом, социокультурным падением или инволюцией. Эти все слова уже не имеют строго религиозного смысла, они имеют другой смысл, и очень сходный. Если действительно считать, что суть в том, что отказ от идеального – этот слом, эта катастрофа общественного сознания – порождает регрессивный процесс. А я в этом убежден, вижу это каждый день и не могу в своих прогнозах, оценках или в рекомендациях исходить из чего-нибудь, кроме того, что я вижу.

Я буду страшно рад обмануться. Я буду очень рад, если процесс не так неблагоприятен. Потому что единственное, что я хочу, это жить в стране, которая не превращается на моих глазах в место одной из самых главных катастроф XXI века, и жить в ней вместе с другими, работать. Мне вполне достаточно просто ставить спектакли и радовать ими зрителей. Если я еще смогу при этом издавать журналы, разговаривать с людьми по массмедиа и прочее, то это была бы абсолютно наполненная жизнь и никакого другого типа жизни мне не нужно. Вопрос заключается в том, что эта катастрофа, естественно, пройдет по мне так же, как и по всем остальным гражданам, и все, что мне хочется – это ее избежать. Но если я вижу, как дело к ней идет, то закрывать на это глаза и говорить «нет, нет, это не катастрофа, не сброс, не регресс, а что-то совсем другое, ну что ли происки мафии, козни ЦРУ и больше ничто» я не могу. Я не говорю, что ЦРУ не участвовало в процессах, которые здесь происходят, и не говорю, что мафия не захватила отчасти власть, превратившись уже давно во что-то другое, гораздо более страшное, чем мафия. У нас нет мафии и нет коррупции в привычном значении этого слова – у нас есть новые формы социально-политической организации общества. Конечно, это не окончательный диагноз. Это компоненты произошедшего. Сутью же, ядром произошедшего является, с моей

точки зрения, метафизическая катастрофа падения. Когда она произошла, завершилась первая часть мистерии. Начался регресс.

Но граждане-то твердо считали, что теперь они получают что-то взамен, и им было важно понять, что же они получают. Что они получают вместо этого X, повторяю, советского потребления, скромного, неидеального, скудного, в чем-то не лишеного униженности (очередей и всего прочего). Они должны были получить больше, чем X. За счет чего? Я уже сказал, что происходящее, являющееся метафизическим падением, для человека, который мыслит духовными категориями, может быть названо регрессом, сбросом или инволюцией. Так вот, в процессе инволюции особь, которая начала двигаться по пути инволюции или регресса, или коллектив, который начал двигаться по этому пути, или макроколлектив, именуемый «нация», «общество» и так далее, – любое такое сообщество или индивидуум, начав двигаться по этой траектории, мыслит для себя любые приобретения как отказ от обременений. Где в итоге при очень глубокой инволюции обременением может оказаться все, что угодно. Больной, а то и здоровый ребенок, больная, а то и здоровая жена – все, что угодно! Старик-отец, старуха-мать – все, что угодно! В пределе все, что угодно, если человек начал падать, встал на путь этой инволюции.

Граждане мыслили некими скромными отказами от обременений. Первое, от чего они хотели отказаться, и считали это очень разумным, это от того, чтобы «кормить» так называемые братские страны: Кубу, Анголу или, например, страны Варшавского договора. Пресловутая поговорка «Куба – си, мясо – но» как бы отскакивала от зубов наших не только диссидентствующих, но и вообще скептически настроенных по отношению к происходящему граждан.

Давайте, сказали граждане, раз уж мы не строим коммунизм во всем мире, то есть мы отказались от первородства, давайте-ка теперь откажемся от того, чтобы кормить Кубу, Анголу, СЭВ и прочих, и мы получим к X добавку в виде некоего Y. Потому что мы, освободившись от этого обременения, можем все эти средства направить на потребление. И у нас потребление станет больше! X+Y больше, чем X. Вроде все логично.

Второе – оборона, военно-промышленный комплекс. Давайте, сказали граждане, если уж мы не воюем с Америкой за коммунизм, у нас нет с ней идеологического конфликта, а также всего другого, давайте не будем создавать такой военно-промышленный комплекс, такую армию,

чтобы она так сверхдержавно поддерживала наши интересы аж на Кубе и бог знает где, в Никарагуа или неизвестно где еще... В Афганистане... Давайте наше обременение еще уменьшим и за счет некоего Z . Это Z тоже пустим на потребление. $X+Y+Z$ еще больше X ! Намного больше X ! Смотрите, как мы уже движемся к своему счастью чечевичной похлебкой! И вроде бы эти первые два шага были логичны в том смысле, что сними эти обременения, направь их на потребление, купи шмоток, продуктов и чего-нибудь еще – и действительно окажется больше!

Но граждан соблазнили на третий шаг. Им сказали: нужно сделать еще один шаг ради увеличения количества чечевичной похлебкой, причем радикального. У нас неэффективная экономика, неэффективное советское государство, весь этот «совок» производит очень мало! Он неэффективно производит, он не способен наполнить прилавки, произвести очень много разного рода продуктов, он на это не способен! Давайте заменим его на наш капитализм! Тогда вместо X наш капитализм произведет, ну допустим, $100 X$! Да, он возьмет себе, например, 70% . Потому что богатые должны быть богатыми, потому что капитализм не будет иначе работать. Но 30% -то он оставит нам! Мы в 30 раз повысим свое потребление за счет только одного действия – мы быстро построим капитализм! Или, как говорил Ельцин, заработает дремлющая рука рынка, дремлющие силы! Мне так и виделась Гекатонхейры, их кажется так звали в Греции, да? Такие сторукие существа, которые сразу зарабатывают, и вообще такое начнется, пойдет музыка и металл, у нас заплашут лес и горы!

Граждане согласились и начали строить капитализм, причем поскольку им $100 X$ захотелось быстро, то они решили построить его в несколько лет. Мы много раз спрашивали их, можете прочитать мои ранние книги, например «Постперестройку», или статью «О механизме соскальзывания», с какой стати в стране, где законные накопления ничтожны, где даже академик или крупный юрист не может накопить за свою жизнь больше ста тысяч рублей, с какой стати в такой стране сформируется нормальный капитал? Кто купит эти заводы и фабрики? Магазины и, я не знаю, спортивные залы? Кто это все купит?! Было сказано тогда же – да, это купит мафия! Цеховики, мафия... Ну, во-первых, поскольку все «совки» – люди нездоровые, то все «антисовки» – люди здоровые, они-то и есть соль земли нашей. Во-вторых, не важно, что они преступники и кто угодно, они, когда купят, станут хорошими! То есть фактически была дана санкция на построение не капитализма

вообще, а ускоренное построение криминального капитализма. Который и построили! И который, оформившись, вовсе не захотел отказываться от своей криминальности и никогда от нее не откажется! Это был наилучший способ построения капитализма в России... А я-то считаю, что построение капитализма в России вообще дело довольно дохлое, если этот капитализм сдал все позиции в 1917-ом году, в феврале, когда состоял из действительно совсем не худших и достаточно честных людей, много жертвующих на культуру, науку и на все остальное. Если он тогда не выдержал политически, то возникает много вопросов о том, в какой степени Россия с капитализмом сочетаема в принципе. Есть и вопросы о том, каково вообще будущее капитализма в мире, вопросов очень много, мы подходим к концу классической капиталистической эпохи или эпохи Модерна, и это тоже видно... Но в любом случае наилучшим был способ построения капитализма, который выбрали наши граждане. Именно он! Потому что хотелось быстро, быстро, как говорится в фильме «Вокзал для двоих» – быстренько, быстренько, сама, сама, сама!

Итак, создали эту зубастую зверюгу под названием «данный капитализм». Зверюга сначала – или одновременно, как вам больше нравится, – съела все, что раньше поедали братские страны, то есть Y. Потом съела то, что съедали армия и ВПК, то есть Z. А потом взялась за X, который остался у населения. И она жрет этот скудный советский X! Она его сожрала до 0,8 X... до 0,7... до 0,5... и она его сожрет до конца! Граждане этой зверюгой будут съедены до конца. Ибо тот, кто отказался от первородства, чечевичной похлебki не получит! Чечевичную похлебку будут кушать те, кто его соблазнил, чтобы он сдал первородство, и в этом для меня диалектика происходящего. В этом вторая часть мистерии. Вторая часть мистерии падения. Окончательно граждане поняли, что их дожирают до костей... буквально сейчас!

Я не знаю, почему они это понимали так долго. Может быть, им сначала казалось, что все дело в том, что существует какой-то переходный период, а потом будет лучше. Может быть, потом оказалось, что все дело в том, что у них такой плохой правитель или такое плохое правительство. Дело не в правителях. Вообще бесконечное обсуждение правителей – занятие тяжелое и бесперспективное, потому что в данном случае речь идет о классе, об опорной базе, о макросоциальном псевдосубъекте, который это все делает и который выдвигает тех или иных ставленников. Эти ставленники оказываются в сложнейшем положении

потому, что, с одной стороны, им все-таки приходится хоть в какой-то степени считаться с народным мнением – порвут-то не макросоциальный субъект, не класс этот в целом, а их конкретно! А с другой стороны, они полностью должны опираться на этот класс и выражать их интересы.

Итак, вопрос в качестве этого класса. Он ничего не произвел. То есть совсем ничего! Это не значит, что все эти люди, которые сейчас загребают миллиарды, не выдают на-гора какие-то продукты. Они их выдают. Подчас те же, что в Советском Союзе. Ту же нефть, тот же алюминий и так далее и тому подобное. В тех же количествах. Наладив как-то заводы, подремонтировав их. Но они не создали ни сверхчистого кремния, циркония или германия, ни каких-нибудь новых микросхем, ни каких-нибудь суперпрограммных продуктов – ничего этого они не создали. Как не создали они и качественно нового индустриального производства. Нет ничего... Говорят, что были плохие самолеты, плохие машины и плохие вагоны и паровозы. Но теперь нет никаких, кроме купленных за нефть и другое сырье. Просто никаких! Это суть данного класса! Это его природа, это его неотменяемая социальная онтология. Он так – это его генезис – произошел, он на это запрограммирован, он таков по своей сути. В тот момент, когда граждане поняли, что он их начинает жрать до костей, они поняли это по реальности, которая оформилась.

Суть-то заключается не в том, что эта реальность сейчас более страшна, чем была десять лет назад, а в том, что она сейчас оформилась, и видно, как она неумолимо движется в строго определенном направлении, вот в этом, ни в каком-то другом... Граждане это поняли на своей шкуре, когда их реально стали кушать.

Я много раз спрашивал своих друзей, которые ведут наиболее скромный образ жизни, ограничены в средствах в силу наличия большой семьи или небольшой зарплаты и должны экономить: сколько надо денег, чтобы здоровый, сильный, нормальный мужчина средних лет дома поел три раза в день, как полагается, с мясом, овощами, фруктами, молочными продуктами и всем остальным? Люди называют разные цифры. Кто-то говорит 300 рублей, кто-то 400, кто-то говорит 500 рублей в день. О'кей, возьмем среднюю цифру, пусть 400, и пусть я даже ошибаюсь, хотя посчитать это нетрудно и каждый может это сделать сам. Помножим это на 30 дней, получим 12 тысяч. Дальше начинается оплата ЖКХ, которая непрерывно растет, транспорт, неотменяемые

СУТЬ ВРЕМЕНИ

расходы. Вы же должны купить себе одежду, постирать ее, т.е. еще купить и стиральный порошок, стиральную машину, починить ее, если она сломается, вы же как-то все это должны делать. Постепенно получается из этих расчетов, что самый скудный средний образ жизни, да, не бедственный, а такой вот уныло как бы допустимый образ жизни в том, что касается питания, одежды и общественного транспорта, это что-нибудь в районе 20–25 тысяч рублей в Москве. Значит все, кто получает меньше, уже проиграли необратимо! Необратимо, раз и навсегда, по отношению к советскому X, потому что их зарплата меньше, чем было X, которое равнялось 200 рублям советского времени. А есть люди, у которых зарплата еще меньше. Кроме того, представим себе, что у этого человека дети. Далее представим себе, что ему надо, я не скажу сделать сложную операцию, а просверлить дырку в зубе. Ему надо отдыхать. О, ужас! Или представим себе, что он должен дать детям образование. Тогда он проиграл уже тотально! И он это понимает. А у него есть еще одна проблема, которая вообще в этой ситуации не решаема. Это жильё.

У меня есть хороший друг, который очень верно и вопреки всем тяготам и лишениям служил в армии, дослужился до высокой должности, работал в генеральном штабе, при этом жил в арендуемой коммунальной квартире. И, наконец, озверев от того, что, несмотря на все свои способности (он окончил аспирантуру и защитился на философском факультете МГУ) он не только не может это все реализовать, ну просто он не может честно служить (по причинам всем понятным, да?), он ушел в крупную, очень крупную бизнес-группу и получил очень высокую зарплату, которую, будучи человеком, правильно организованным и экономным, большей частью копил. Наконец он купил себе двухкомнатную квартиру, чему был страшно рад. У них с женой двое детей. Через какое-то время сын его привел в эту квартиру жену, а дочь привела мужа, родились дети, возникла двухкомнатная квартира на три семьи. Теперь другу надо купить еще две квартиры, пусть дешевые, для сына и для дочери. Для этого нужна сумма, превышающая полмиллиона долларов, которую этот друг уже никогда не получит. Значит, оказалось, что проиграло не 90% населения, а 95%, а возможно, и больше. Где группа, которая по чечевичной похлебке выиграла? Она очень мала. Любая революция для того, чтобы сделать реставрацию необратимой, осуществляет очень простые вещи. Она что-нибудь такое дает народу, что потом народ назад не отдаст. Великая Французская революция дала землю крестьянам и наполеоновский кодекс, т.е. какие-то права, сло-

мавшие сословные перегородки. И кто ни приходил после того, как Наполеона отправили на Эльбу, а потом на Святую Елену, какие бы это ни были реставрационные силы, они то, что получил народ, назад уже вернуть не могли, потому что понимали: народ это не отдаст никогда. Революция 1917-го года тоже что-то дала и каким-то образом закрыла дверь для реставрации.

Я хочу спросить, что даже в плане чечевичной похлебки дала последняя в России социальная трансформация? Вот что?.. Говорят, что она дала право ездить за рубеж. Кому?.. На передаче «Суд времени» выступала педагог из Томска. Она получает 8000 рублей. Восемь тысяч! Она не может съездить даже в Омск из Томска. Когда ее пригласили в Москву, для нее эта поездка как сон была, как абсолютно фантастическая возможность. Она может поехать за границу? В Париж? В Лувр? Вы не смешите людей. Про кого вы говорите? Про себя? Так сколько таких? Я могу ездить по миру, куда угодно, и я езжу по миру, куда угодно, но я принадлежу примерно к 3% своих сограждан, которые никоим образом не могут говорить от лица других.

Что еще получили эти люди? Что? Открытую социальную перспективу? Какую? Что получили ученые, инженеры, педагоги, то есть группы, которые в любой стране мира, включая Египет и чуть ли не Анголу, все равно живут лучше остальных? Они получили счастье, эти группы, которые сами волокли на себе всю эту перестройку? Они получили «счастье» жить хуже других! Заведомо хуже! И они знают про это... Удар был нанесен по ним, и после этого мы говорим о модернизации? Мы будем создавать отдельные точки роста, твердо зная, что мы недофинансировали науку, образование, инженерный комплекс раз в 10–12? О чем мы говорим?.. О каких приобретениях? Для кого?.. Для людей, которые раньше хоть по стране могли ездить, а теперь из Томска в Москву не могут? Для кого?..

Люди это постепенно осознают. Это осознание рождает недовольство. Очень мягкое, вялое, беспомощное, но массовое! Это недовольство носит сугубо социальный характер. Оно связано с тем, что стало ясно: взамен советского X получили меньше, а получают еще меньше, чем было.

Что такое общественные фонды потребления? Сколько же реально из общественных фондов потребления получал советский человек? Мои расчеты могут быть неточными, и я знаю, что многих они глубоко возмутят, но я-то считаю, что советский человек из общественных фондов

СУТЬ ВРЕМЕНИ

потребления получал, переводя на современные деньги, не меньше 3000\$ в месяц. Можно обойтись без общественных фондов? В каком-то смысле можно. Но тогда отдайте это, а не выдумывайте какой-то фантастический прожиточный минимум, очень напоминающий цифры из Освенцима. Какие-то там 5000 рублей, на которые должны жить люди. И что они должны есть, как они должны воспроизводиться, каким образом они должны оплачивать расходы, непонятно... Общественные фонды потребления – это и был социализм. Реальный, живой, грубый и неловкий, но он был. Советское предприятие, о котором много говорили и которое хаяли, как только могли, оно ведь было не только предприятием. Там были профилактории, санатории, пионерлагеря, какие-нибудь подшефные совхозы, там строилось жилье. Это был очень сложный социальный организм. Когда его уничтожали, этот организм сопротивлялся все девяностые годы...

Все девяностые годы красные директора, которые уже встали на путь приватизации, больше всего боялись, что будет утрачена социалка. Любой ценой пытались ее сохранить... Как только это исчезло, о чем говорит бюджет? Бюджет ни о чем не говорит. Вопрос же не в бюджетной сфере, вопрос в этой гигантской производственной сфере, которая охватывала всю страну. В стране был определенный материальный уклад. Конечно же, мне лично ближе не материальный уклад, а нечто другое. Я, например, аскетизм советский очень даже ценил. Никогда не понимал, почему разных шмоток должно быть бесконечное количество и они должны быть в каком-то невероятном числе видов, разновидностей. Ну, есть несколько костюмов, три-четыре пальто, и достаточно. Тебе они не нравятся, походи к портному. Это будет чуть-чуть подороже, но ведь чуть-чуть. Мне нравилось то, что в районе улицы Чернышевского, где я жил, было четыре кинотеатра, и в каждом из них шли какие-то фильмы, между прочим, иногда далеко не плохие. Да, там было меньше, чем теперь, кафе, но я никогда не понимал, почему все надо превратить в такое место, где кто-то непрерывно жует, жует и покупает, жует и покупает? Как можно все настолько очечевичить?! Мне это не нравится, но я не хочу навязывать свои взгляды остальным согражданам.

Сограждане же отреагировали на уменьшение чечевицы. Но! Перед этим сограждане отказались от первородства, а человек, который отказался от первородства, сломан! Сломанный человек бороться за свое материальное благополучие не может, как и ни за что другое. Он сломан и потому обездвижен. Отсюда гигантский паралич социального дейст-

вия. Александр Николаевич Яковлев, который говорил о сломанном хребте, знал толк в метафорах. Он выбрал точную метафору. Существо с переломанным хребтом не может рукой, сжатой в кулак, отразить атаку на него. Оно еле шевелится, а может быть, не шевелится вообще. Может быть, оно только мычит: мммммээээ, ммээ, мэ! Но ведь этого недостаточно для того, чтобы сделать необратимое обратимым. Эту мистерию каждый из вас может лицезреть два раза в день, утром и вечером, когда он выдавливает из тюбика зубную пасту. Ее выдавить очень легко, но назад она не всасывается. Но главное-то заключается не в этом, а в том, что до тех пор, пока мы не обсудим проблему первородства, все негодования по поводу того, как уменьшается количество чечевницы, не стоят и ломаного гроша. С одной стороны, это живая страшная трагедия огромного большинства наших сограждан. Это социальный нагнетаемый ад, в который их погружают. С другой стороны, сограждане должны признать каким-то образом, что они в этом участвовали, что весь этот переход осуществлялся в условиях максимальной для России демократии, максимально реального волеизъявления. Да, большинство проголосовало за Советский Союз, а Советский Союз разрушили. Но ведь возможности выйти и протестовать против этого разрушения были! И никто сразу в черные воронки бы не посадил. Или нет? Или это не так? Давайте-ка обсудим подробнее этот главный вопрос о первородстве, который все-таки с какой-то легкостью отдала историческая личность, которую мы все любим, наша страна, наше общество, наш народ. Если мы этот вопрос не обсудим, мы путей выхода не найдем.

В 91-м году один из моих бывших сотрудников поместил против меня разоблачительный материал, который назывался «Таинственный советник кремлевских вождей» (в «Независимой газете» был такой заказной разворот), где опубликовал свои записки как мои, и сделал все возможное для того, чтобы определенным образом меня дискредитировать в соответствии с представлениями той эпохи. Поскольку представления были такие, что «тайный советник кремлевских вождей» означало нечто чудовищное, то начались бури негодований в среде той интеллигенции, которая перед этим относилась ко мне совсем иначе. Люди, окружавшие меня, восприняли это по-разному. Мать моей жены тем, кто говорил обо мне плохо, отвечала: «Вы мне больше не звоните. Все. Отношения порваны». А супруга моя какое-то время пыталась сохранить отношения с некоторой частью знакомых – теми людьми, которых

она любила, – и все им пыталась растолковать, что на самом деле ее муж ничего плохого не хочет и не злоумышляет ни против нормальной демократии, ни против нормальной интеллигенции, а борется с чем-то другим. По этому поводу шли страшные крики: «Нет. Это не так. Он спасает эту чудовищную совдеповскую систему, он спасает номенклатуру и все прочее». И тогда в отчаянии, делая последнюю попытку, она говорила: «Да он с мафией борется! С мафией!!!» Ей говорят: «Какая еще мафия?» «Ну, как же?» (Она хотела популярно объяснить.) «Ну, вы же видите, видите? "Спрут". Вы смотрите этот фильм?». Тогда фильм шел про итальянскую мафию. На что очень высокоинтеллигентная, рафинированная дама отвечала ей: «Да, да, да. Я вижу этот фильм по телевидению. Мафия, не мафия, но я понимаю там только одно: там на столе стоит очень красивая лампа, очень красивая лампа. И я понимаю, что я всю жизнь, всю жизнь хотела такую лампу!!!» С этого момента моя супруга перестала пытаться сохранить отношения с этим высокоинтеллектуальным и духовным субстратом, который на поверку оказался чем-то совсем другим. Это мелкий, частный эпизод, а через много лет после этого я встретился с одним человеком из очень потаенных православных монастырей в Южной Европе. И человек этот начал петь мне какие-то дифирамбы по поводу того, что я тогда выстоял, а другие не выстояли. А я не очень падаю на подобные вещи и сказал ему: «Да ладно Вам. Не выстояли. Энергия от Бога. А дьявол, дьявол! А черт-то, черт? Почему им черт энергию не дает? Все ходят такие вялые». И этот человек (а он относился к довольно высоким уровням православной, духовной иерархии) мне ответил: «Эх, милый. Черт не дурак. Черт как вербует, где приманки ставит? Сначала на теле. Костюмы, машины, тоссе. Всякие радости жизни. Не получается, – тогда на власти. Мигалки, привилегии, всем другим поучения делать, расправляться с ними и так далее. А вот уже когда и на теле, и на власти не получается, тогда черт делится своей энергией. Да потому что он не Бог. Ему эта энергия очень дорого дается, он ее по крупницам собирает, милый. А у вас что произошло? У вас все пали уже на теле. Те немногие, которые не пали на теле, пали на власти. Ну и зачем же черту давать им эту злую энергию? Ну, он же не дурак. Он же ее копит. Зачем ему тратиться?» В принципе, эта история про то же. «А я всегда, всю жизнь, всю жизнь хотела такую лампу». Так что ты всю жизнь хотела? Свободу или лампу? Интеллигенция наша показывала, что она такая вот бескорыстная, скромная.

Ковбоечки, очки на веревочке и все прочее, а потом вдруг оказалось, что ужасно хочется, ужасно хочется лампу. Это метафора, конечно.

Я слышал в Баден-Бадене, как в фирме, встречающей новых русских элитариев, говорили об одном известном и высокоинтеллектуальном политике: «О! Это замечательный человек! Замечательный! Он только за два дня сообщает, какого цвета "Роллс-ройс" ему должны подать, чтобы в цвет его пиджака, и как именно мы должны его дальше принимать». Этот политик в эпоху Советского Союза был образцом интеллигентности и скромности.

Я могу приводить бесконечное количество примеров потрясающего потребительского безумия, охватившего нашу элиту. Именно безумия. Не входящего ни в какие рамки, когда вдруг оказалось, что ничего, кроме этой материальности, этой чечевичной похлебки – нет. Что нет никаких высоких идеальных ценностей. Тех, что совпадают с нашими, или прямо противоположных. Их нет вообще. А что такое человек, отключенный от всего этого высокого? Если он подключен к очень злой энергии, энергии убийств, разрушений и всего прочего, то это просто машина зла. А если он ни к чему не подключен, то это такая амеба. Жадно пожирающая окружающую ее среду и не способная ни на что больше. От того, что часть этих людей оказалась на голодном пайке, хоть и отрекшись от самих себя, ничего не меняется. Я помню, что я стоял на митинге в конце 80-х годов у гостиницы «Москва». С этой гостиницы кричали что-то: «Господа! Господа!» Стояла женщина в стоптанных туфлях и говорила: «Нас назвали господа». Я говорю: «Милая, почему Вы решили, что это Вас назвали? Там, где есть господа, есть и рабы». Она посмотрела на меня и зашипела: «Прислужник номенклатуры! В наших рядах прислужник номенклатуры». Ей казалось, что «господа» – это относится к ней. Но в тот момент, когда оказывается, что сломлено чувство первородства, какая-то внутренняя верность своим идеалам, человек превращается в раба, или в вещь, или в бесконечно манипулируемый предмет. Причем именно все то, что за последние 70 лет уходило из мира, – эта бесконечная иерархия, ощущение, что господин – это господин до конца, а раб – это раб до предела, – назад возвращается в мир. Мы уже видим книги, в которых говорится о фактическом отказе от идеалов не только нашей революции 1917-го года, но и Великой Французской революции. Чего стоит название – «Свобода от равенства и братства»? Где-нибудь в мире это может быть сказано? Или разговор с представителями довольно высоких фондов, занимающихся проблема-

ми образования. «Ну, вы знаете, частное образование это очень хорошая вещь, замечательная. У нас такие хорошие преподаватели, даже из Гарварда. В бизнес-школах они все учат очень правильно. Это очень высококолубые люди. Люди будут получать настоящее образование». Корреспондент говорит: «Простите, простите. А если у него нет денег на такое платное образование? Что же он тогда должен делать?» Ответ интервьюируемого: «Ну, это не так страшно, потому что, знаете ли, ум и богатство находятся в положительной корреляции». Где-нибудь в мире хоть одна сволочь может позволить себе сказать, что ум и богатство находятся в положительной корреляции? Где этот сумасшедший или хам, который так говорит?

Но это уже можно здесь. Потому что здесь люди с поломанным хребтом, отказавшиеся от первородства, рассматриваются как слизь. Я знаю очень высоких либеральных политиков, которые давным-давно говорили, что этот народ после того, как он отрекся от себя, – воск, из которого будут лепить все, что захотят. Это ощущение вседозволенности («пипл схавает») опирается на какие-то конкретные вещи, на какие-то черты действительности. Нужно было все отдать, чтобы потом разрешить другим думать о тебе, что ты воск в их руках, что из тебя можно лепить все, что угодно. Эти другие имеют право так думать, потому что произошло отречение, произошло падение. Произошел отказ от себя. А дальше наступает ад. А ад на то и ад, чтобы установить в нем абсолютную иерархию господства, абсолютную. Не относительную, а абсолютную. Россия в этом смысле становится местом для очень скверного и очень опасного эксперимента. Слабым звеном в цепи гуманизма. В цепи понимания того, что сильный должен помогать слабому. В цепи сострадания. В цепи солидарности. В конечном итоге, в цепи великой христианской культуры. Великой культуры, в которой человек человеку – брат. Не волк, нет, это все ахинея. Думали, что откажутся только от идеалов, которые прославлялись последние 70 лет. Так не бывает. Когда начинается такой отказ – это, как говорили в армии, «копать отсюда и до обеда». То есть до беспредела. Следующий горизонт – христианство. В том понимании, в каком Христос пришел к бедным. Пришел к обездоленным. Пришел и сказал, что в каком-то смысле все равны. Или даже «и последние станут первыми». Значит, бедные обладают некими прерогативами по отношению к богатым. Теперь все, что говорилось в этом отношении и уравнивало людей, отменяется, и отменяется именно здесь, у нас. Сначала слова о положительной корреляции между богат-

ством и умом, а потом эта новая система образования. И все кричат: «Боже мой! Что же это такое! Как же это! Как же это, что так мало бесплатных предметов. К чему готовят наших детей?» Как к чему? К жизни рабов, в лучшем случае. Или ненужных людей. Потому что очень широко обсуждается и другое.

Обсуждается фраза, якобы принадлежащая Тэтчер, о том, что нашей стране достаточно (я не помню точно) 30 миллионов человек населения. «Нет! Сорок, что Вы! Тридцать маловато». «А может пятьдесят? Нет. Ну что Вы, коллега. Пятьдесят многовато». Я долго обсуждал в одном высоколобом собрании, вполне таком привилегированном, вопросы модернизации. Говорю: «Где модернизация? Вы говорили, что все это делаете ради модернизации? Весь 91-й год – отказ от Советского Союза и от всего ради модернизации? Ради построения подлинного национального государства и ради того, чтобы оно начало развиваться? Где модернизация? Где?» У меня есть такая способность, говорить эмоционально и раздражать при этом собеседников. Особенно, если собеседники из элиты. В результате главный из них сказал: «Что это Кургинян нас совсем достал. Какая модернизация? Он ничего не понимает! Мы вам объясним, господин Кургинян. Речь шла не о модернизации нации или народа, а о модернизации элиты». Я спрашиваю: «За счет чего?» Он смотрит холодными глазами и произносит: «За счет всего». Тогда не выдерживает другой участник беседы: «Господа! Будучи настолько либералами, можно же быть хоть чуть-чуть гуманистами».

Нельзя, потому что именно гуманизм отменяется. И опять-таки, отменяется на данной территории. Он отменяется с далеко идущими последствиями. Отменить его невозможно, если ты не работаешь со сломленными людьми, которые сначала отказались от первородства, а теперь будут хныкать по поводу того, почему мало чечевичной похлебки. Да потому что отказавшийся от первородства есть раб. А с рабом можно делать все, что угодно. И совершенно непонятно, нужен ли он вообще. Кто сказал, что здесь нужно 140 миллионов? Определенного типа элите нужно гораздо меньше. И она говорит об этом достаточно прямо. Только ее до сих пор не умеют понимать. Вот что такое, например, разговор о том, что весь этот охлос – никому не нужная, вредная субстанция? Что «быдло, совки, идиоты» – и одновременно разговор о том, что у нас будет демократия. Это разговор о том, что большая часть населения просто не нужна. А большая часть населения ходит и думает: «Что же они с нами делают? Они хотят нас превратить в Латинскую Америку.

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Или во что-то другое?» Люди еще не осознали до конца, что ни во что их не хотят превратить. Они просто абсолютно не нужны тем, кто так рассуждает. Меньшинству данное большинство не нужно. Да, в стране есть, может быть, жесткие представители элиты, которые еще грезят о государстве. Какое государство? Какое государство в условиях, когда правящий класс пожирает все? Он на государство денег не оставляет. Он для государства не оставляет возможностей. И у него к этому душа не лежит. Это же очень важно.

Какое государство при тридцати миллионах? Это будет государство? Это невозможно. Будет зона! Зона бедствия, по которой будут проходить какие-то охраняемые трубопроводы, что-то еще. И вокруг – клубиться все остальное. Какая модернизация? Кому нужна здесь модернизация? Модернизация – это на сегодняшний день благие пожелания. Суть-то в другом. Идет деиндустриализация, демодернизация. Идет архаизация. Регресс запускает очень много процессов. Часть населения дичает, звереет. Другая часть аплодирует этому. Ей это нравится, потому что ей кажется, что таким пиплом легче управлять.

Архаизируемым, дичающим, упрощающимся человеком очень легко управлять. Что такое регресс? Это вторичное упрощение. Это когда сложное превращается в более простое. Во все более и более примитивное. И тогда надо понять, в чем тут общемировой смысл запущенного процесса, который, в противоположность революции, легче всего назвать инволюцией. То есть опусканием, скольжением. Сдвигом вниз. Все больше, больше, больше вниз. Что же происходит? Откуда берется этот новый процесс? Каким мировым реалиям отвечает? Почему в России проходит такой, между прочим, очень серьезный и очень глубокий эксперимент? Для того чтобы это обсуждать, нужно затрагивать какие-то вещи, достаточно сложные. Тут надо поговорить о сложности вообще.

Такой разговор для меня был актуален всегда и особенно в последнее время, когда на мои спектакли стали приходить люди, которых можно назвать православными неофитами. Не люди, которые глубоко интегрированы в православную культуру, а те, которым вдруг показалось, что они новый свет узрели. На спектакль такие зрители готовы кричать, топтать ногами. Их раздражает сложность. И я на них не только не злюсь, я их глубоко понимаю. Потому что в нормальной стране, в нормальных условиях все бы было правильно. Эти люди ходили бы в театры, где все излагается на более простом языке. Они бы смотрели не

мистерии Кургиняна, а спектакли, скажем, в театре «Современник», еще лучше – в театре Маяковского и так далее. Они бы читали Пикуля, а не Гессе и Борхеса. А мой театр ездил бы по Академцентрам и разговаривал бы с другой частью населения, которая жаждет более сложного, чего-то более глубокого и многомерного. И это никого бы не обижало. Не обижало бы меня, что я нахожусь вне населения, которое ходит в театр Маяковского и читает Пикуля. Это нормально. Так происходит в любой стране мира.

Но после того, что произошло, население оказывается перед гигантским вызовом. Вызов в том, что если население хочет защитить себя, превратиться из населения снова в народ, в нацию – восстановить макросоциальную общность, – оно должно понять, что значительная часть тех, кто в нашей стране отвечал за сложность, его, это население, предало. Она к нему безразлична. Она послала его на три буквы и не хочет им заниматься. А те немногие обладатели сложностей, кто протягивает населению руку и говорит: «Да, мы друг другу нужны. Да, мы понимаем: то, что происходит здесь, судьбоносно, да, без вас не будет мира, мир погибнет, если вы погибнете» – вынуждены идти в мир, к этой сложности не готовый. Он бы и не должен был быть к ней готов, но возникает совершенно другой текст в этой трагедии, если есть еще какие-то, хоть малые, шансы избежать катастрофы. Вы хотите этого избежать? Когда-то вы отказались от первородства, и теперь вам придется взять барьер сложности, даже если вы к этому не готовы. Придется взять.

Как вообще выглядит проблема людей, отказавшихся от чего-то, которые снова должны восстанавливать себя после этого отказа? Вот если чашку уронили и она разбилась, то после этого, конечно, можно ее склеить. Но ведь это же поломанная чашка, она не выдержит прежних нагрузок. Неизвестно даже, можно ли воду в нее налить. Или вы поломали на части металлический предмет, например, шпагу. И что теперь? Будете соединять сваркой? Но ведь шпага, которую сварили из поломанных кусков, уже не шпага, а так, произвольный предмет, можно им ковыряться чуть-чуть, где-нибудь в песке. Но сражаться невозможно. В чем тогда задача? Что можно сделать и можно ли что-то сделать вообще? Можно сделать только одно: развести огонь, взять металл, который остался от этой шпаги, расплавить его и заново выковать новую шпагу.

Но что такое огонь в этом смысле? Это великая любовь. Это великое страдание. Это способность человека к очень сильным, очень глубоким

СУТЬ ВРЕМЕНИ

переживаниям случившегося. Если человек к этим переживаниям способен и способен соединить эти переживания с умом, тогда шанс есть. Если он только переживает, то он сгорит в переживаниях, сломается, сойдет с ума. Многие уже выгорели. Если ум будет отдельно, а переживания отдельно, тоже ничего не произойдет. Ночью он будет переживать, а днем зарабатывать деньги. Но если соединится одно с другим, вот тогда есть шанс.

Кто-то из людей, писавших мне о том, что нужно срочно, срочно великую идею какую-нибудь разрабатывать, дать новые великие проекты, говорил: «Вот когда мы это все поймем...» Он случайно назвал правильное слово. Потому что он-то считал, что просто поймет, разберется, увидит правильный путь и пойдет по нему. Так не бывает. Но он назвал слово – понимание. А в высокой философской культуре, например, у Дильтея, в философии жизни, сразу было противопоставление: объяснение и понимание. Объяснение – сфера естественных наук. Ты там умом понимаешь, у тебя эмоциональный аппарат или не работает, или работает параллельно, либо – мало. А понимание – это сфера, где ты без любви, без глубины чувства не проникнешь в суть. Это сфера, где кончается противопоставление субъекта и объекта, начинаются другие способы постижения наличествующего. Некрасов писал про свою поэзию:

*Не русский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу.*

Вот этот взгляд без любви не проникает в суть предмета, не достигает его подлинных центров, его подлинной сущности.

И этот взгляд вдруг оказывается взглядом слепца. Значит, нам нужно двигаться в сторону других форм сочетания ума и чувств. А если все работает на то, чтобы чувства были подавлены, если происходит сенсорная депривация, если люди говорят так, будто находятся в состоянии глубокой депрессии, если на любое эмоциональное высказывание, любое небезразличие отвечают: «А что тебе надо?», – тогда путь к глубине и страстности закрыт. Дальше закрывается путь к глубине понимания, к способности соединить ум и чувства. И тогда человек лишен способности на катарсис, то есть на такую переплавку самого себя, в которой все эти полочки исчезают и возникает что-то новое.

Предположим, что новое возникло, что есть глубина понимания, причем понимания подлинного, не разменянного на конспирологию, разного рода глупости, на какие-то выдумки, которые только уведут человека в сторону от подлинного осознания случившегося. Понимание достигнуто. Ум работает. И предположим, что глубина чувств есть. Что тогда происходит с человеком? Происходит то, что мы называем само-трансцендентацией – выводом самого себя на другие уровни. Как это происходит? Человек говорит: «Вот есть я. Вот я нахожусь где-то здесь внизу. Я понимаю, что я должен изменить реальность. Но я также трагически понимаю, что не могу этого сделать. Не могу. Между этим "должен" и "не могу" возникает трагический, горизонтальный конфликт. Он может меня истребить. Он может бросить меня в бездну. Он может меня спалить, почти полностью. Но рано или поздно, когда я переживу это до конца, во мне возникнет не умственное, а подлинное, тотальное чувство. Тот, кто это сделает, будет я–другой». И вот это вертикальное преобразование от я, который не может, к я–другому, который может из Савла превратиться в Павла, – трансцендентация, осуществленная как на личном, так и на коллективном уровне, – способно вернуть людям первородство.

Человек – более сложная система, чем поломанная шпага, на порядок сложнее. Он всегда может совершенствоваться. Вопрос заключается в том, в какой степени воля и ум работают на это. Какова глубина хотения. Потому что преобразует только страсть. Научить человека идти определенным путем можно, но научить его хотеть – на три порядка труднее. Поломанное существо очень часто теряет способность хотеть. И это следующая стадия падения. Потом оно начинает хотеть только низкого, а потом просто сворачивается в позу зародыша. Почитайте про регресс. Вы ведь образованные люди. Посмотрите, что происходит реально в процессе регресса, как культурного, так и индивидуально-личностного, каковы фазы деградации личности. Свяжите это с отказом от смысла, от самого себя. Очень часто говорят, что жертва, рано или поздно, начинает любить палача – так называемый «стокгольмский синдром». Вас очень сильно обманывают. «Стокгольмский синдром» возникает не у каждого человека. Не каждая жертва, оказавшаяся рядом с палачом, начинает его любить, лизать ему ноги. Во многих американских фильмах мы видим, как террористы захватывают самолет и там начинается: «Ах, я тебя люблю» или «Ой-ё-ёй! А-ааа», крики «Боже мой!» и так далее. Такое происходит, если хотите знать, с меньшинст-

вом людей. Другие ведут себя совсем иначе. Мне рассказывали мои друзья, которые совершенно не склонны кубинцев прославлять, что было несколько попыток захватить кубинские самолеты. Так вот, кубинские мужики просто живо скручивали тех, кто пытался это сделать. Шли на нож, и все. Даже служба безопасности оказывалась лишней. Так что совсем не все поддаются стокгольмскому синдрому.

Есть опыт концлагерей, гигантская библиотека информации о психологических экспериментах, которые вели фашисты. Там не только доктор Менгеле работал, там работали психологи, которые занимались проблемой слома личности. И вывезли все наработки в Соединенные Штаты, на Запад. Не только сведения по ракетам или атомным реакторам, по биологии, по всякого рода запрещенным экспериментам над людьми, но и данные по психологии. Еще раньше начинал психологические исследования Курт Левин, один из величайших психологов двадцатого века, создатель топологической теории личности. Так вот, стало ясно, что человек, отказавшийся от смыслов – от первородства, от своей тяги к идеальному – ломается тут же. И любой это знает, даже уголовники: «У, у этого дух есть! А этот просто сильный. Он сломается». Сила духа определяет все. Но сила духа определяется смыслами. Логосом. Нет его – нет ничего. У Курта Левина, когда он создавал психологическую топологическую теорию, работали, между прочим, психологи из Советского Союза, в двадцатые годы до нацизма приезжавшие учиться у него. Виктор Франкл, побывавший в фашистских лагерях, автор концепции логотерапии, занимавшийся логопсихологией (психологией логоса), написал книгу «Человек в поисках смысла». И он очень точно понял, что важно именно держаться за смысл, держаться до конца. Не потерять идеальное даже в самых страшных условиях. Тогда можно выжить. Тогда можно выдержать. Тогда можно преобразовать себя и выйти из самых тяжелых положений.

Сейчас просчитано все. Кто-то начнет дергаться истерически, скажут: «Зверь из бездны вылез». Будет сидеть пассивно – скажут: «Можно и дальше давить». И будут давить. То, что произошло с образованием, это часть давления, оказываемого на человека здесь. И это давление будет нарастать. Больше и больше нарастать. Единственное, что здесь не просчитано, это то, что у человека хватит ума и любви для того, чтобы и самого себя преобразовать, и то, что рядом. Сначала микросоциальную сферу, потом макросоциальную. Вот это не просчитано. Потому

что это подвиг. Это почти чудо. Это невозможно. Это то, что требует гигантской работы над собой. Но без этой работы состоявшееся падение, состоявшаяся инволюция, состоявшийся регресс станут необратимой смертью страны. Невозможно без этого ничего сделать. Никакая ностальгия по поводу того, что «ах, ах, ах, как у нас много отняли социальных возможностей», сама по себе ничего не сделает. Сделать это можно только в том случае, если загорится огонь. Огонь страстного переживания, огонь страстной любви.

Одиссей хотел вернуться в Итаку. Будем считать, что Советский Союз – это Итака. Но посмотрите, что прошел Одиссей на своем пути. Почитайте внимательнее «Одиссею». И вы поймете, что это мистерия возвращения. Что все ее образы неслучайны. Я уже не раз говорил про еврейский народ, который тысячи лет повторял: «До встречи в Иерусалиме!», и теперь он находится в нем. Он не позволил себя сломать, не отдал веру. Часто слышишь: «Плевать на эту веру, на все остальное. Главное – сохранить материальные возможности». Материальные возможности надо, конечно же, сохранять. Но вспомним, когда армянский народ боролся за христианскую веру, он понимал, что рядом с ним находятся народы, которые могут его уничтожить просто на раз. Ну, был бы он народом, если бы отдал свою религию?

Здесь отдали ценности семидесяти лет. Отдали их с легкостью, за материальные приобретения. Просто так эти ценности не вернуть, дескать: «Мы их отдали, а теперь вернем». Повторяю снова, поломанную чашку можно склеить, поломанную шпагу можно сварить, но это не полноценные предметы. Если люди поняли, что они должны вернуться, они, как говорится в фольклоре, стопчут сто пар железных сапог. Они вернутся, так, как возвращался Одиссей, который хотел, хотел назад.

Я однажды, очень уставший, чтобы как-то успокоить нервную систему, включил телевизор перед тем, как лечь спать. Идет какой-то полудетский фильм. Какие-то драконы хватают людей и все прочее. Все это называется «Одиссей». И вдруг меня привлекает то, что хоть вроде как сказка, как бы все не слишком серьезно и частично гламурно, но есть какой-то художественный нерв внутри. Какой-то художественный нерв. Нет, думаю, я досмотрю. Еще не понимаю, о чем речь. Потом этот Одиссей добирается до Итаки. Он берет хлеб и говорит: «Это мой хлеб. Запах моего хлеба». Берет вино и говорит: «Это мое вино». Трогает землю, говорит: «Это моя земля». Потом он встречается с женихами, и

СУТЬ ВРЕМЕНИ

женихи говорят ему: «Ну, что здесь такого особенного. Ну, да. Мы чуть-чуть поворовали, сожрали быков твоих и, может быть, что-то еще. Но мы же не нарушили твоих прав. Если ты умер, то царица должна получить нового мужа. Что мы такое особенное нарушили?» Одиссей говорит: «Вы посягнули на мой хлеб, на мое вино, на мою землю». После чего он натягивает лук и начинается страшная бойня. Мне захотелось досмотреть до титров. Дальше написано: «Фрэнсис Коппола». И я понимаю, о чем идет речь. Что все это – пристальное внимание Копполы к Сицилии, вообще к людям, которые понимают, что такое «мой хлеб». Есенин писал:

*Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!».
Я скажу: «Не надо рая. Дайте родину мою».*

Между прочим, для православного человека сказать «не надо рая» – это очень серьезно. Еще надо объяснить, что такое тогда «родина моя». Маяковский называл ее «весной человечества». Священный, высший смысл собственной Родины, любовь к ней и понимание, что произошло что-то катастрофическое, – вот что способно преобразовать человека. Но легкой ценой это не получается. Халявы не получается. Во-первых, глубина чувства и страсти. Во-вторых, глубина ума. И, в-третьих, соединение того и другого в процессе сложности. И если раньше эта сложность могла быть уделом пяти процентов людей и это было нормально, то теперь так не будет. Тот человек, который раньше в спокойной, стационарной, не катастрофической ситуации мог, сколько хотел, читать Пикуля или «Золотого тельца», работать у станка и быть нормальным, хорошим гражданином своей родины, сейчас, отдавший первородство и все прочее, оказавшийся в зоне катастрофы, не может на халяву вернуть себе родину. Ему придется идти в ту сложность, которая была уделом людей, для которых он пек хлеб, выплавлял металл и все прочее. Тех людей, которые его предали. Ему придется сейчас этот новый субъект из себя создавать. Из субстанции. Он из нее должен вынуть все возможности. Если он их не вынет, тогда конец. Тогда страны не будет.

Итак, речь идет о достаточно сложных вещах, с которыми действительно надо работать, разбираться. И здесь возникает вопрос о революции. Революция – это борьба классов и других крупнейших социальных полноценных субъектов в условиях восходящего исторического процесса. Ее эталон – это Великая Французская революция. Это полноценная

революция почему? Потому что в недрах предыдущего уклада, в условиях прогрессивного движения, стимулированного в том числе и тем, что французское национальное государство хотело бороться с другими государствами, – в условиях этого восходящего процесса буржуазия уже сформировала полноценный уклад внутри себя. И когда предыдущий феодальный уклад стал отмирать, буржуазия вышла и небольшим, хотя и страшным усилием, кровавым и безумным, но все-таки относительно небольшим, сместила феодальный класс, завоевала новые позиции, дала народу новые идеалы, как это и полагается делать «классу для других», а не «классу для себя». Оформила новый порядок вещей. Дала землю, наполеоновский кодекс, от чего отказаться впоследствии народ уже не хотел. Поэтому любая дверь к реставрации была закрыта. И началась новая фаза исторического процесса.

В России так не происходило. Великая Октябрьская Социалистическая революция в этом смысле не есть революция. Она есть катастрофа. Когда все политические силы, которые были более или менее оформлены, та же буржуазия, попробовали удержать власть после ее падения, вызванного отречением царя, осталась последняя сила, которая партией и не была, а была просто катакомбной сектой, очень плотной, консолидированной, принявшей на себя удар падающего тела страны. В теории систем это называется аттрактор. Пружина такая, пружинная сетка, на которую падает живой предмет. Она приняла его и выдержала этот удар. Тогда и началось восходящее движение. Она – эта большевистская секта – и была катакомбой. В ней были люди отстраненные, как от скверны, от определенного порядка вещей. И когда этот порядок вещей исчерпал себя, только тогда, когда он исчерпал себя до конца и все стало падать, она просто приняла на себя удар. И выдержала. А могла и не выдержать. И тогда не было бы ни России, ни русского народа, ни русского государства – ничего.

Никакая политическая партия уже не могла ничего сделать. Когда Ленин говорил: «Есть такая партия», он говорил и правду, и неправду, потому что это была не партия. Был ли это орден меченосцев, как потом якобы сказал Сталин? Никто не может мне сказать, когда и где он это говорил. Но это не была партия. Это было гиперплотное сообщество. И они сами себя называли как? «Партией нового типа». Про себя они говорили: «У нас нет пролетариата как развитого класса на Западе. Но мы сначала построим партию пролетариата, а потом пролетариат». Маркс

СУТЬ ВРЕМЕНИ

трижды в гробу бы перевернулся от такой формулы. Но только она и оказалась эффективной.

Итак, это была замкнутая, плотная общность, содержащая в себе геном будущего развертывания системы и оказавшаяся в нужном месте только тогда, когда все упало. Произошла катастрофа, которая была преодолена этим плотным сообществом, в каком-то смысле сектой. Светской сектой, красной сектой. Назовите это как угодно. Я, как понимаете, говорю об этом со знаком плюс, ибо именно она и спасла все, содержа в себе и новый великий идеал, и новые возможности, и новую правду. И какую-то правду, которую еще предстоит понять, которая была безумно созвучна России, русскому народу, глубоким, потаенным мечтам крестьянства. В первом приближении это называется хилиазмом, мечтой о тысячелетнем царстве, о царстве божьем на земле, но это только в первом приближении. Возможно, это было и глубже. Нам еще придется с этим разбираться.

Есть другой случай – Римская империя времени упадка. Читаю Верлена:

*Я – римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акростихи слагают в забытьи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.
Душе со скуки нестерпимо гадко.
А говорят, на рубежах бои.*

Вот это состояние Рима, состояние полного его падения было инволюционным. Римляне отказались от свободы и многого другого и закричали: «Хлеба и зрелищ!», то есть чечевичной похлебки. Кто тогда спас Рим? И историю западного человечества, а в этом смысле и историю вообще. Кто спас? Христианские катакомбы, потому что там люди сказали: «Мы в этой скверне не участвуем. Мы от нее отстраняемся. Мы не бремся за власть в этом Риме. Мы просто отстраняемся от скверны и защищаем новое качество своей человечности». Там внутри созрел новый геном для человечества. Новый социокультурный геном. И эта секта сумела развить его мощно и плотно, не только внутри себя сберегла этот зародыш, но и начала его разворачивать. Что потом, все знают. Константин, оглядываясь вокруг и поняв, что никакая другая социальная сила вообще не может быть опорой, потому что все рыхлое, все падшее, все труха, ушел в эту катакомбу.

Что произошло после этого? Во-первых, Рим продлил свою историю еще надолго. Это была отнюдь не безупречная история. Я сейчас объясню, почему она была важна, безумно важна для человечества. Став христианским, Рим распространил институт папства повсюду и вывел Европу Средних веков из состояния враждующих дикарей. Враждующих, обезумевших баронов, называющих себя королями. Не было бы Рима, не было бы Европы.

Очень скоро возникла новая мечта о Риме. Священная римская империя, в разных ее вариантах. Империя Карла Великого, потом Империя Страсбурггов и так далее. Это постоянная мечта о Риме. Она в сочетании с христианством и институтом папства вывела Европу из состояния абсолютного ничтожества. И этим спасла часть Западной цивилизации. Другая же часть – это Восточный Рим. Говорят, что Византия – это совсем другое. Но они называли себя ромеи – римляне. Это Восточный Рим. Что Константин делал, когда переносил на Восток столицу? Он искал место начального Рима. Поскольку вся римская история проникнута «Энеидой», Вергилием и образом Энея, который вместе со своим отцом Анхизом бежал из Трои, поскольку римские войны, стирая греческие города, писали на них «Месть за Троию», то Константин вначале хотел переместить столицу в Троию. Потом возник Константинополь.

И так появился Восточный, новый, другой Рим – Византия, который переместился затем в Россию, и создалась другая часть Западной цивилизации, альтернативная ей. Конфликт и диалог между этими двумя частями и создали историческую динамику в пределах западной христианской культуры. Вот что сделал один жест Константина. Итак, либо катакомбы плюс Константин, то есть протянутая туда рука и новый альянс от безысходности и понимания, что опереться не на что, либо просто катакомбы. Катакомбы минус Константин – это большевики. Но в любом случае судьбу России, возможность спасти ее от катастрофы определяет наличие катакомб, которые к падению, к инволюции не присоединятся, которые найдут в себе силы не просто для того, чтобы как-то оказаться в стороне, а для того, чтобы запустить, хотя бы внутри себя сначала, контррегрессивный процесс. Что нельзя сделать, не уйдя из этого падения, не трансцендируя, не меняя состояния. Вот о чем идет разговор. Вот в чем цена вопроса.

Попытка в этой ситуации изобразить случившееся как схему Великой Французской революции отрицает факт инволюции, регресса. Где

вы видите классы для классовой борьбы, для истории? Пространство выпало из исторического процесса. Оно превратилось в царство, с одной стороны, полуживотных джунглей, какого-то зооциума, который не имеет отношения к социуму вообще и изображает из себя «элиту», а с другой стороны, в пространство катастрофы, деградации. Когда не нужны восходящие производительные силы. А раз они не нужны, то на них и не тратятся. А раз на них не тратятся, то это ненужные доходяги. И они не могут решить историческую задачу, потому что все сломано. Нет крупных классов, готовых к исторической роли. Нет «классов для других» – классов для народа. Нет исторической миссии. Нет классов вообще. Есть нисходящее сообщество.

Социальный регресс – это переход от несостоявшегося капитализма к феодализму, от феодализма к рабовладению. Что мы уже и видим. Есть зоны, где к этому уже идет. Кто сказал, что все ограничится только падением на капиталистический уклад? Где капиталистический уклад? Я много раз спрашивал: «Что, фомка воровская – это «средство производства»? Что, мы не видим, что все падает и дальше? Что никакого настоящего капитализма нет? Что есть паразитарное существование в щелях советского уклада. Рухнул Советский Союз, рухнул советский уклад. Что-то держат советские скрепы, остальное пожирается. Это паразитариум. Это субуклады, субкультуры. Но в пределах всего этого и при этой степени пластичности социального вещества можно все же очень многое. Для того, чтобы вещество обрело упругость, оно должно создать альтернативные уклады и – пусть в их пределах – контррегрессивные тенденции. Вы хотите учить детей иначе? Учите. Для этого нужна воля? Да. Вы хотите создавать другое телевидение? Создавайте. Вы хотите создавать другую культуру? Создавайте. И тогда, может быть, станете катакомбами и аттрактором, на который сможет упасть и спастись ваше многострадальное отечество. Между прочим, часть планеты, без которой вся остальная планета обречена на гибель.

Чем именно является советское наследство? Ведь при работе с советским наследством для понимания его, понимания собственного первоисточника, есть несколько уровней. Первый уровень – это уровень фактов. Вы должны, в конце концов, восстановить фактическую реальность. Вы можете быть либералами, националистами, коммунистами. Кем угодно. Но вам нужны факты, правда о реальности. Почти все «просвещенное сообщество» страны, использующее постоянно слова

«как известно», утверждает, что, «как известно», Сталин назвал кибернетику продажной девкой империализма, после чего кибернетика погибла, в ней погибла вся вычислительная техника. После того, как погибла вычислительная техника, рухнул весь советский уклад, потому что он был неконкурентоспособен.

Я спрашиваю: «Где и когда Сталин, или Жданов, или Маленков, Микоян и, не знаю, кто еще, Сулов назвали кибернетику продажной девкой империализма?» Номер страницы. Источник. Где и когда это было? Назовите. Вы – либералы. Вы ненавидите Советский Союз, как тоталитарное государство. Вы, допустим, монархисты. Вы ненавидите Советский Союз как-то иначе. Но вы же должны знать, кто произнес эту фразу и на какой странице это написано. Так вот, ее никто не произносил, никогда! Ни Сталин, ни Маленков, ни Жданов – никто. Нет следов этого. А вам говорят в глаза, как примитивным существам, «как известно, как известно, это было произнесено, это все погубило». Аргоро и справки ради, могу вам сказать, что между кибернетикой Норберта-Винера и вычислительным техникoprogramмированием и всем прочим такой прямой связи, как это кажется, нет.

Да, действительно, без кибернетики нет полноценной сферы вычислительных машин и всего прочего. Но гораздо большее значение имеют Джон фон Нейман или все эти машины Тьюринга и так далее. Они имеют прямое отношение к вычислительной технике. Винер, между прочим, занимался зенитками. Обратной связью при их наведении и сбивании самолетов. Да, он авторитетен, но не является решающим авторитетом. Главное не в этом. Поскольку никто и никогда не называл кибернетику продажной девкой империализма, поскольку мне не могут назвать ни одного пострадавшего кибернетика и поскольку Сталин, наоборот, по записке Лебедева, создал институт, занимавшийся кибернетикой, который очень успешно конкурировал с институтами Соединенных Штатов, то все, что вам говорят, является банальной ложью. Банальной. И вы, если уважаете себя, являетесь ли вы либералами, монархистами, кем угодно, вы от банальной лжи, вешаемой на уши, должны уйти. Это просто чувство исторического достоинства. Во-вторых, мы не проиграли гонку софтвера, то есть гонку программных продуктов. БЭСМ-6 и Ай-Би-Эм 360 были примерно равные машины. И если БЭСМ-6 выигрывала у Ай-Би-Эм 360, то она выигрывала как раз за счет лучшего софтвера. Мы не проиграли его и сейчас, потому что к созданию каждой сложной программы приходится привлекать русских, а не индийских

программистов. Для задач средней сложности – индийцы. Для задач высокой сложности – наши соотечественники, уехавшие на Запад или оставшиеся здесь. Не в этом дело.

Мы проиграли совсем другую гонку. Катастрофически проиграли. Мы проиграли гонку за размеры элементной базы. Мы проиграли гонку микронизации этой базы. И сейчас продолжаем ее проигрывать. Мы не создали достаточно чистых материалов, мы не создали элементной базы для ЭВМ. Ну, при чем здесь кибернетика? Она к этому вообще не имеет никакого отношения. Так давайте разбираться. За счет чего мы проиграли гонку элементной базы? За счет того, что у нас рынка не было? Что за ерунда! Силиконовая долина? Силиконовая долина делалась при поддержке Пентагона. А вам все время рассказывают, что там ребята собрались и что-то в сарае сооружали. Что за ерунда!

Так что первая наша задача – избавиться от первичного уровня ерунды. Восстановить просто факты. Реальную, гигантскую фактологию. Вторая задача – понять природу наших явлений. Уже говорил и повторяю, советское предприятие не было предприятием классического типа. Это особый был мир. Кто вам сказал, что этот мир был устроен плохо? Что этот принцип устройства не адресует к современным явлениям, типа суперкорпораций? Кто сказал, что это плохо? Давайте разбираться, как это?

Кто сказал, что планирование, даже директивное, а не только индикативное, обречено? Кто это сказал? Если завтра весь Запад к нему перейдет? Сейчас немцы объединили две партии – классическую социал-демократическую и ряд региональных движений. И создали левое движение. Оно получило, я не знаю, чуть ли не 12 процентов в бундестаге. Вы знаете, что оно говорит? О чем оно теперь говорит? Не только о том, что его задача – построение социализма в Германии, а о том, что они не отменяют, а восстанавливают задачу построения коммунизма. Немцы, заседающие в парламенте, об этом говорят.

Мы отбрасывали свое прошлое. Неуважительно. Не рассматривая, не разбирая его элементы. Первая задача – восстановить факты. Вторая задача – восстановить смысл явлений. Третья задача – проанализировать, что в этих явлениях было неочевидного или зря отброшенного, что можно восстановить и вернуть в XXI век. Четвертая задача – понять, чего там не хватало. Вот атеизм, якобы обязательный в коммунистической доктрине. Но его же нет у Фиделя Кастро, там «теология освобож-

дения». Сейчас очень много говорят о новой науке, которая вполне сопрягается с метафизикой.

Мы находимся на переломе, когда без обновления, возможно, наука превратится в средство уничтожения человечества в силу цепного размножения дисциплин, в силу усложнения и отсутствия интегрирующих связей, в силу отсутствия какого-то ядра внутри этого познания, в силу, если уж говорить о сложных вещах, расщепления прекрасного (эстетики), справедливого (этики) и истинного (гносеологии). Это расщепление началось когда-то, но сейчас наступает эпоха, когда оно должно кончиться. И возможно, в отброшенном нами коммунизме это в каком-то скрытом виде существовало. Может быть, русские там что-то угадали? При этом нагородили массу глупостей. Так почему вместе с водой нужно выплескивать ребенка и отказываться от всего ценного, что есть? «Потому что там были глупости». Откуда это огульное отрицание?

Нужно восстановить смыслы, нужно все это достроить. Это работа с реальностью. Ведь ценно не то, что это какая-то утопия, это целый пласт реальности. Ну, создадим мы сейчас новую утопию, ну, нарисуем ее. По принципу, что нам стоит дом построить, нарисуем, будем жить. На каждую утопию будет другая утопия. На одно фэнтэзи будет другое. А там целый пласт – советское кино, советское искусство, советская жизнь, советская наука, советское производство. Этот пласт является гипертекстом, который надо познавать заново. Не только дописывать, но и познавать и защищать.

Это огромный пласт деятельности, без которого первородство восстановлено не будет. Это наследство. Отказ от него, осквернение его надо преодолевать. И это будет гигантской работой. Пускай это будет называться кружками любителей истории, как угодно. Пусть это будет называться клубами. Главное, чтобы эта работа шла. Чтобы хватило мужества на нее. Если бы не появились историки, которые заново начали переосмысливать один эпизод за другим советского прошлого, если бы не возникли люди, которые дали огромный фактологический материал и сами стали с ним разбираться, никакая победа над либералами на «Суде времени» была бы невозможна. Победа состоялась потому, что возник новый дискурс. Новая совокупность рациональных знаний и пониманий. Но этих знаний и пониманий мало.

Нужно, повторяю, понять, во-первых, чем было то, по отношению к чему нам дана фактологическая база. Чем были феномены, явления?

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Для этого нужно иметь аппарат. Во-вторых, что было отброшено. И, наконец, в-третьих, что было не найдено. И тогда совокупность не найденного, отброшенного, заново понятого, восстановленной фактологической базы и усилий людей, которые готовы подвижнически на это работать и которые объединяются вокруг этого, может быть частью восстановления первородства, но только частью. Потому что если внутри этого не будет живой, человеческой страсти, если к этой догматике, говоря на церковном языке, не будет литургии, то есть высшего эмоционального смысла, то это не сработает. И, наконец, человек должен иметь возможность вобрать это все в себя и не взорваться, а воспользоваться этим как механизмом преобразования и себя и других.

Тогда, может быть, произойдет то, что произошло с Одиссеем, – Одиссей вернется на Итаку. От того, что люди зануют, что хочется в СССР, ничего не произойдет. Нужно другое эмоциональное и другое интеллектуальное качество для того, чтобы это произошло. И здесь мы должны спросить себя о том, в чем ценность этого для будущего? Для этого надо твердо понять, что такое настоящее, в котором мы живем. Это есть еще один крайне сложный и важный предмет.

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

Логически история ведет к политике через наблюдаемые закономерности. Вся проблема состоит в определении природы этих закономерностей... Мы снова находим диалектику прошлого и настоящего, устремленного в будущее, созерцания и действия... Как часто думают, речь идет не о том, чтобы знать, должна или нет политика использовать историю, но о том, как она должна ее использовать.

Но если всякая политика носит исторический характер, то нельзя ли, не уничтожая противоположностей разных политик, обязать их к ведению диалога, анализируя логически неизбежное содержание доктрины?

Реймон Арон

Владимир Аватков

**СТАТИЧЕСКАЯ
ИЛИ
ДИНАМИЧЕСКАЯ
СТАБИЛЬНОСТЬ?**

**НОВЕЙШИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ
ОТНОШЕНИЯ**

УДК
327

The author deals with peculiarities of Russia-Turkey relations at their present stage. The author considers all aspects of these relations stability in a wide context and draws analogies with form and content of relations over the extended period of history. A particular emphasis is made on geopolitical rivalry of powers and issues of interest balance. The article is intended for international relations and global politics specialists as well as for general readers.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения; статическая стабильность; динамическая стабильность; экономическое сотрудничество; борьба с терроризмом.

Key words: Russian-Turkish relations; static stability; dynamic stability; economic cooperation; struggle against terrorisms.

E-mail: VladimirAvatkov@rambler.ru

Во времена биполярной конфронтации взаимоотношения СССР и Турции находились на уровне поддержания сложившегося статус-кво. Баланс интересов государств жестко устоялся в рамках противостояния двух лагерей – Варшавского блока и НАТО. Более того, государства старались практически не контактировать, опасаясь изменения хрупкого соотношения сил. В связи с этим особо важно проанализировать имевшийся баланс сил между СССР и Турцией и то, как он изменился с развалом Советского Союза и выходом на арену Российской Федерации.

СТАТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

После распада Османской империи первой протянула руку создававшейся в условиях национально-освободительной войны Турецкой Республике именно РСФСР, которая

сама недавно образовалась и в которой шла гражданская война. Ленин помогал лидеру турецкой нации Мустафе Кемалю Ататюрку оружием, надеясь, что последний включится в мировое движение по распространению коммунизма. «Отец турок» с радостью принимал щедрые подарки, не стеснялся использовать коммунистическую риторику, однако вскоре после создания Республики (1924) дальновидно стал развивать отношения и с западными игроками.

В 1936 году в условиях, когда отношения СССР и Турции находились на высоком уровне, в весьма напряженной обстановке, при недоверии западных игроков к Советскому Союзу (что можно расценивать как первые признаки начала века конфронтации), подписывается конвенция Монтрё¹. Этот документ стал одним из факторов, сформировавших статическую стабильность в советско-турецких отношениях.

¹ Конференция о режиме Черноморских проливов проходила в Швейцарии, куда прибыли представители Австралии, Болгарии, Великобритании, Греции, Румынии, СССР, Турции, Франции, Югославии, Японии. 20 июля участники конференции, «воодушевленные желанием упорядочить проход и судоходство в проливе Дарданеллы, в Мраморном море и в Босфоре», подписали итоговый документ (в 1938 году к нему присоединилась Италия). Конвенция сохранила за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы, как в мирное, так и в военное время. Правила прохода военных кораблей были различны для черноморских и нечерноморских держав. Первые могли проводить через проливы в мирное время корабли любого класса, предварительно уведомив турецкие власти. Для кораблей нечерноморских государств вводились существенные ограничения по классу и по

Другим фактором явилась негласная договоренность турецкой и советской сторон о невмешательстве первой в дела тюркских регионов Союза. Несмотря на свои имперские привычки, турецкий народ в лице своего первого лидера Ататюрка выбрал путь по созданию абсолютно нового государства, а не по восстановлению империи. Именно поэтому в условиях имевшейся диспропорции сил и потенциалов Турция приняла решение заморозить на долгое время свое стремление воссоединить все тюркские земли в едином государстве.

После Второй мировой войны сформировался еще один фактор статической стабильности в отношениях между двумя странами – фактор границ безопасности. Опасаясь послевоенного роста влияния своего соседа – Советского Союза, – в 1951 году Турция вступила в НАТО и стала «правой рукой Америки в регионе»². Вскоре после произошедшего Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило текст ноты турецкому правительству. В ней говорилось, что приглашение в блок Турции, не имеющей никакого отношения к Северной Атлантике, преследует цель империалистических государств использовать ее территорию для агрессии против Советского Союза и создания военной базы вблизи его границ. Советское правительство требовало объяснений от турецкой стороны и объявляло, что как соседнее государство не останется безучастным к этому вопросу³. Однако впоследствии вопрос о расширении НАТО на территорию Турции медленно угас, и страна прочно утвердилась как активный член Альянса, армия которого со временем стала второй по численности среди членов организации. Более того, в одном из системных кризисов международных отношений времен биполярной конфронтации – Кубинском, 1962 года, – Турция играла не последнюю роль.

В экономических вопросах между СССР и Турцией также установился своеобразный статус-кво. Вернее сказать, в условиях «железного занавеса» экономические контакты между странами практически отсутствовали.

тоннажу. При участии Турции в войне или если она предположит непосредственную для себя угрозу войны, Анкара получает право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов. При неучастии Турции в войне проливы должны закрываться для военных судов любой воюющей страны.

² Киреев Н.Г. История России, XX век. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2007. С.278.

³ Решение Политбюро ЦК ВКП (б). О заявлении турецкому правительству в связи с приглашением Турции в Атлантический блок. 31.10.1951 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.3. Д.1091. Л.266–267.

СТАТИЧЕСКАЯ ИЛИ ДИНАМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ?

Иными словами, во второй половине XX века между СССР и Турцией имела место статическая стабильность, в условиях которой статус-кво существовал практически по всем вопросам, государства были разделены «железным занавесом» сложившегося баланса – своеобразной стеной, разводившей по разные стороны сталкивавшиеся интересы держав.

Кардинальные изменения произошли лишь с распадом Советского Союза и разрушением биполярной системы международных отношений.

Сегодня Турция – держава с «промежуточным»⁴ статусом, государство с ревизионистским потенциалом. Широта его политики охватывает сферы, ранее присущие лишь великим державам. В 2010 году Турецкая Республика является непостоянным членом Совета Безопасности, активным актором в рамках европейской, ближневосточной, балканской, складывающихся черноморской и каспийской подсистем международных отношений. Более того, она позиционирует себя как создатель наднационального интеграционного объединения тюркских государств.

По потенциалу развития человеческого капитала, военной мощи и положения на международной арене Турция стоит на весьма высоких позициях. Растущая мощь государства несопоставима с подчиненной ролью в рамках НАТО, где Турция являлась младшим союзником, форпостом на границе с советским лагерем. Несопоставима она и с вынужденными унижениями, которые терпит страна на пути вступления в Евросоюз. В сложившихся условиях среди всех слоев населения Турции растет желание избавиться от той ноши, которую страна вынуждена была нести в XX веке. Основа государственной внешней политики – стремление стать членом ЕС – уже открыто ставится под сомнение даже ведущими политиками страны. Турецкие политологи утвердились в мысли о необходимости развития программы действующего премьер-министра государства Давутоглу «Ноль проблем с соседями».

Доминирует точка зрения, согласно которой, прежде всего, необходимо укреплять авторитет страны среди соседей, расширять сотрудничество с арабским миром, странами Востока и Россией. В связи с этим лидеры Турецкой Республики – выразители умеренно-

⁴ Белокреницкий В.Я. *Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный Университет, 2009.*

исламских взглядов в политике – ограничивают роль армии, которая в XX веке была авторитетом номер один в стране по защите светских ценностей республики, ее устремлений в ЕС и проамериканского вектора развития. Более того, они позволяют себе вести более независимую, чем раньше, политику в рамках НАТО. Так, широко известно, что Турция долгое время не пропускала через свои проливы американские корабли с «гуманитарной помощью» Грузии во время августовских событий 2008 года. Чрезвычайно важен для России и отказ страны предоставить свои базы для американских самолетов во время начала войны в Ираке.

В то же время более сдержанную политику Турецкой Республики в отношении Запада в целом и Северно-атлантического, Европейского союзов в частности не стоит воспринимать как дрейф в сторону Москвы. Причинами нынешней деятельности власти являются стремления, во-первых, укрепить независимое положение страны на международной арене; во-вторых, повысить ее роль в регионе; в-третьих, создать новый имидж государства, которое не является частью ни европейской, ни азиатской цивилизации, а скрепляет их своеобразным «мостом». Нельзя не отметить в стане турецкой оппозиции левоцентристского толка мнение о том, что находящаяся у власти Партия Справедливости и Развития лишь прикрывается популярными среди граждан тенденциями, а в реальности по рукам и ногам связана американскими и арабскими «спонсорами». На связь партии с организациями известного исламского деятеля Гюлена и в целом с «зеленым капиталом» указывают многие, в том числе и российские, исследователи⁵.

Современные российско-турецкие отношения не сравнимы ни с периодом создания Турецкой Республики и РСФСР, ни с эпохой биполярной конфронтации. Статическая стабильность ушла в прошлое, за практически двадцатилетие, прошедшее со времени распада Союза, резко возросли контакты на высшем уровне, стали обсуждаться вопросы регионального и глобального характера, даже самые сложные проблемы в двусторонних отношениях.

При этом нельзя сказать, что бурное развитие контактов после изменения политической среды привело к исключительно позитивным для российской стороны изменениям. В условиях динамической стабильности государства добились развития открытого диалога – того, что было

⁵ Зиганшина Г.М. *Ислам в общественно-политической жизни Турции*. М.; Бишкек: Кыргызско-Российский славянский университет, 2007.

СТАТИЧЕСКАЯ ИЛИ ДИНАМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ?

невозможно во времена холодной войны. Однако вместе с расширением контактов на поверхность всплыли те непростые вопросы, которые были характерны для истории российско-турецких отношений, но на десятилетия закрыты стеной «холодного занавеса».

ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Среди позитивных моментов в развитии российско-турецких отношений после распада СССР стоит отметить, прежде всего, их экономизацию. На первый план вышло со-

трудничество в энергетической сфере, был проложен газовый трубопровод по дну Черного моря «Голубой поток»; имеются проекты по созданию «Голубого потока-2»; в процессе и совместное строительство хранилища газа. Более того, в соответствии с достигнутым в 2010 году соглашением президентов Медведева и Гюля, именно российским ученым предстоит построить первую в Турции атомную электростанцию.

Нельзя не отметить и все увеличивающуюся координацию усилий России и Турции в Черноморском, Каспийском регионах, на Кавказе и в Центральной Азии.

Важным фактором динамической стабильности является и сотрудничество в борьбе с терроризмом, в рамках которого достигнуты договоренности об объявлении террористической на территории РФ действующей в Турции под разными названиями Рабочей Партии Курдистана. С турецкой же стороны незамедлительно последовало более активное содействие в борьбе с чеченскими сепаратистами, прежде всего с теми, которые проникли в Турецкую Республику со стороны Грузии и скрывались на турецкой земле. Активно идет взаимодействие и в борьбе с так называемыми новыми вызовами безопасности, среди которых миграция, наркоторговля, отмывание денег, экологические угрозы и угрозы энергетической безопасности⁶.

Важнейшим фактором статической стабильности отношений СССР и Турции был вопрос проливов. Для современных России и Турции это необычайно деликатная проблема. В условиях поиска нового баланса в данном вопросе турецкая сторона пошла на фактическое нарушение конвенции Монтрё и вынудила российскую сторону в 1994 году согласиться с новым регламентом прохода судов через Босфор и Дарданеллы.

⁶ Колдунова Е.В. *Сравнительный анализ региональных особенностей новых угроз безопасности*. М.: Проспект, 2010. С.69.

В начале 1994 года на сессии ИМО⁷ рассматривался новый предложенный Турцией Регламент судоходства в проливах – «Регулирование морского судоходства в проливах Турции и районе Мраморного моря». Этот документ основан на требованиях международных конвенций и Регламенте порта Стамбул 1994 года. Регламент 1994 года не соответствовал положениям конвенции Монре, что признано многими государствами и отражено в ряде решений ИМО и других международных организаций. Против действий Турции выступили представители Болгарии, Греции, Кипра, России, Румынии и Украины. Однако это не помешало Турции в одностороннем порядке ввести (с 1 июля 1994 г.) новые правила регулирования судоходства в черноморских проливах, согласно вышеупомянутому документу.

Регламент предусматривает право турецких властей приостанавливать судоходство в проливах в ряде случаев⁸, а также вводить по своему усмотрению обязательную лоцманскую проводку. Нововведения, в частности, таковы:

- Корабли длиной свыше 200 м (как правило, танкеры или военные корабли Черноморского флота) должны проходить проливы в светлое время суток и обязательно с турецким лоцманом.
- Турецкие власти получили право досматривать торговые суда, прежде всего танкеры, на предмет их соответствия национальным и международным эксплуатационно-экологическим стандартам.
- Введены санкции за несоблюдение этих стандартов – вплоть до отправки судна обратно, ограничения стоянки (заправки) в примыкающих портах и др.
- В несколько раз повышена стоимость лоцманской проводки и портовой стоянки проблемных судов и грузов.

В связи с интенсификацией судоходства, увеличением габаритов судов и перспективой дальнейшего роста перевозки нефти и нефтепродуктов через черноморские проливы Турция в 1998 году в одностороннем порядке ввела в действие новые правила судоходства в проливах, которые предусматривают существенные ограничения транзита крупных

⁷ Международная Морская организация.

⁸ В том числе при проведении строительных работ, включая подводные бурения, тушение пожара, научно-исследовательскую деятельность и спортивные мероприятия, акты спасания и оказания помощи, мероприятия по предотвращению и устранению последствий загрязнения морской среды, операции по расследованию преступлений и аварий и т.п.

нефтеналивных судов. А в октябре 2002 года в Турции была принята новая инструкция о применении правил судоходства в проливах. По разъяснениям турецких властей, требования этого «чисто внутреннего» документа лишь уточняют и детализируют порядок применения уже имеющихся правил и не направлены на их ужесточение⁹.

Целесообразно обратить особое внимание на то, что интересы российского и турецкого государств исторически сталкивались на Кавказе и в Средней Азии.

После развала СССР на постсоветском пространстве образовался своеобразный вакуум, который, как известно, не может долго существовать, вскоре заполняется – если не одной, то другой силой. На развитие центральноазиатских, кавказских республик, тюркских субъектов РФ стала существенно влиять Турция. В борьбу за господство в южных регионах бывшего Советского Союза вновь включился и Иран. Именно в условиях изменения баланса сил, нарушения глобального равновесия, ослабления России, усиления Ирана и Турции, на повестке дня вновь оказалось противостояние в центральноазиатском и кавказском регионах, характерное для трех держав в прошлые века. Однако это противостояние перешло на другой уровень, стало часто, как это ни парадоксально, выражаться в сотрудничестве. Например, в рамках культурного сотрудничества некоторых регионов России с Турцией шло активное внедрение неправительственных и правительственных организаций, специалистов в сфере образования и религии Турецкой Республики в культурологическую среду нашей страны.

После распада СССР Турция начала свое проникновение в Центральную Азию и Закавказье сразу на нескольких направлениях – политическом, идеологическом и экономическом. При этом турецкое руководство использовало как возможности госаппарата, так и активно подключало потенциал частного турецкого бизнеса, а также возможности различных общественных, религиозных и политических организаций¹⁰.

В декабре 1990 года Турция созвала в Стамбуле Международный курултай Туркестана, где в центре внимания оказались «внешние тюрки» (*diş türkler*). А уже в 1992 году Анкара создала первую межтюркскую организацию – Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (турецкая аббр. ТІКА), главной целью которого является координа-

⁹ URL: <http://flot2017.com/show/history/1387>

¹⁰ Егоров В.К. *Россия и Турция: линия противоречий // Ближний Восток и современность. Сборник статей. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. Вып.9.*

ция связей в области банковского дела, а также подготовка государственных служащих и создание компьютерных сетей. На пресс-конференции (март 1992 г.) Сулейман Демирель заявил, что Турция станет «культурным центром и историческим магнитом для новосуверенных государств»¹¹. После вышеупомянутых мероприятий турки все активнее пытаются внедриться на Кавказ и в Среднюю Азию.

При прямой и опосредованной поддержке со стороны государственного руководства и соответствующих ведомств в Турции резко активизировались общественные организации, землячества, общины, фонды, имеющие целью установление и развитие контактов и реализацию совместных программ и проектов с общественностью мусульманских республик СНГ и республик в составе России. Стимулирующую роль в появлении и активизации этих организаций сыграли в тот период высказывания высшего руководства Турции. Под влиянием дипломатических успехов в 1992 году президент Турции Т.Озал провозгласил XXI столетие «веком Турции», а премьер-министр С.Демирель говорил о «турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены». В наиболее концентрированной форме характер отношений Турции с целым рядом республик СНГ выразил министр Турции по связям с тюркоязычными республиками СНГ А.Чей. Он заявил, что «Турецкая республика – преемница великой Османской империи» и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией.

Важно подчеркнуть, что сегодня Турция понимает: в краткосрочной перспективе сложно реализовать идеи о создании новой тюркской империи на основе «старшебратства» Турции. Связано это не только с нежеланием тюркских народов бывшего СССР быть младшими братьями, но и с широкими связями среднеазиатских и кавказских республик с Россией. В этих условиях Республика Турция делает ставку на будущее: внедряет свои образовательные, религиозные учреждения в республиках бывшего СССР.

В этом направлении принимаются меры, в том числе с использованием возможностей сети Интернет. Кроме того, сделаны определенные шаги по созданию «Информационного банка тюркского мира», а также

¹¹ Демоян Г.А. *Культурно-образовательный пантюркизм: история и современность* // Востокведный сборник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. Вып. 4 / Под ред. А.В.Федорченко, А.О.Филоника.

по усовершенствованию информационного обмена между библиотеками и университетами этих стран. С целью расширения культурного сотрудничества тюркоязычных стран в 1994 году было создано «Совместное управление тюркских культур и искусств» (турецкая аббр. – TÜRKSOY).

**РЕЛИГИЯ.
ИДЕОЛОГИЯ.
ПОЛИТИКА**

По конституции Турция является светским государством, однако ислам на протяжении истории был и остается неотъемлемой частью турецкого этноса. Несмотря на рефор-

мы, проведенные в 1920-х годах Ататюрком, ислам так и не ушел из жизни простых людей, существовавшие в стране исламские секты (тарикаты) просто-напросто временно ушли в тень, ожидая того дня, когда вновь смогут вернуться и открыто заниматься своей деятельностью.

Сегодня одним из наиболее острых вопросов в Турции является совместимость политики и религии. В турецкой политической элите все чаще появляются люди, состоящие в различных исламских организациях. Турецкое правительство реализовывало и реализует программы в области религиозного обучения. Стараясь поднять религиозное самосознание студентов и школьников, оно выделяет большие средства на строительство и восстановление мечетей и организацию при них религиозных школ. В сфере исламского образования и воспитания наиболее активно выступает религиозная секта суфийского толка «Нурджулар» и ее глава Фетхулах Гюлен. Только на Северном Кавказе свободно функционируют порядка 30-ти, а в странах СНГ – более 200 лицеев, связанных с названной организацией. Организации исламского толка намеренно внедрялись и внедряются на территорию бывшего Советского Союза. У них существуют свои фонды и печатные издания. Яркий пример издания исламского толка – турецкая газета «Заман», которая распространяется по всему миру. Сам Гюлен так охарактеризовал главную задачу этих школ: «Наши школы являются миссионерскими, как другие миссионерские школы европейцев и американцев. Наша цель – выполнять миссионерскую деятельность, и подготовить подходящие условия для создания турецкого лобби, и обучать госслужащих»¹². В 2009 году на совещании МИД Турции было отмечено, что школы Ф.Гюлена в

¹² URL: http://www.karabah88.ru/history/azerbaidjan/120_kulturno-obrazovatelnyy_pantiurkizm.html

странах Центральной Азии и Азербайджана играют позитивную роль. В то же время Совет национальной безопасности Турции воспринимает его деятельность как вызов секулярному режиму страны.

Уместно привести слова бывшего президента Турции С.Демиреля, прозвучавшие на восьмом тюркском саммите в Астане. «Именно образованная, знающая самые современные технологии молодежь сможет обеспечить тюркским странам ведущие позиции в XXI веке – веке конкуренции геополитических центров». Продолжая свою мысль, он добавил: «Наша цель – не только написание новой истории наших народов, но и восстановление прежней»¹³.

Особое внимание стоит обратить на событие, которое прошло уже более года назад. 2–3 октября 2009 года в Нахичевани прошел девятый саммит глав тюркских государств, в котором участвовали президенты Азербайджана, Турции, Казахстана и Киргизии. Туркмения была представлена на уровне заместителя председателя правительства, а Узбекистан от участия отказался.

По словам президента Турции А.Гюля, саммиты представляют собой платформу солидарности и обмена мнениями – как по вопросам отношений между тюркскими странами, так и по глобальным проблемам. В своем выступлении А.Гюль отметил, что сам факт проведения очередного саммита в Нахичевани – в районе, где проходит турецко-азербайджанская граница, – имеет символическое значение. Протяженность границы между Турцией и Азербайджаном составляет всего 11 км, однако политическое значение данной границы чрезвычайно велико, поскольку она отражает географическое единство тюркского мира. А.Гюль сообщил, что принято решение о ежегодном проведении саммитов и выразил надежду, что на следующих встречах состав участников будет более полным. Президент озвучил концепцию развития отношений с тюркскими странами, которой руководствуется Анкара: «Миллионы человек, проживающих на обширном географическом пространстве, чувствуют себя тюрками. В настоящее время в лоне единой нации существуют отдельные независимые государства, каждое из которых успешно развивается. Сотрудничество этих независимых государств на основе взаимного уважения и равенства является естественным правом тюрков».

На встрече в Нахичевани было объявлено о создании новой институциональной структуры тюркского сотрудничества – Совета сотрудни-

¹³ Демоян Г.А. Указ. соч. С.136.

СТАТИЧЕСКАЯ ИЛИ ДИНАМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ?

чества тюркских государств (Тюркского совета) – и подписан учредительный договор новой организации. Штаб-квартира Тюркского совета будет располагаться в Стамбуле. После церемонии подписания договора о создании Тюркского совета А.Гюль заявил, что это событие носит исторический характер, поскольку впервые появилась подобная институциональная структура, объединяющая тюркский мир.

Очевидно, что официальная Анкара рассчитывает не только на экономические и политические дивиденды от развития интеграционных процессов в тюркском мире, но также надеется, что участие в общих структурах будет способствовать укреплению связей между тюркскими государствами и усилению чувства тюркской идентичности. Руководство Турции все время акцентирует духовное единство тюрков. Примечательно, что, говоря об основных направлениях внешней политики Турецкой Республики, А.Гюль подчеркнул: в ее основе лежат традиционные ценности тюркизма, присущие всему тюркскому миру, такие как терпимость, добрососедство и взаимное уважение¹⁴.

* * *

Перспектива развития российско-турецких отношений зависит не только от двусторонних экономических контактов, но прежде всего – от геополитики государств, от того, будет ли превалировать и создаваться политическая среда диалога или конфронтации, сумеют ли страны преодолеть разрыв в понимании принадлежности тюркских регионов СССР.

Представляется, что в условиях динамической стабильности в отношениях между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в ближайшей перспективе стороны будут всячески стараться найти баланс по всем вопросам, понимая, что от конфронтации потеряют намного больше, чем смогут приобрести от сотрудничества. Однако в более отдаленном будущем именно геополитические, территориальные и конфессиональные расхождения, борьба «за место под солнцем» в рамках повсеместной глобализации могут стать основой конфликтов, которые неоднократно проявлялись в истории двусторонних отношений.

¹⁴ URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2009/10-10-09c.htm>

Мария Рыжова

**ИБЕРОАМЕРИКА:
ПРОБЛЕМЫ
И
ОЖИДАНИЯ**

**РОЛЬ ИСПАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
В ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЯХ**

УДК
327.82

Since 1991 states of Latin America, Spain and Portugal hold meetings of heads of states, Ibero-American conferences. Spain, one of the principal sponsors of these conferences notes their importance in its Ibero-American policy and in formation of Spain's relations with the EU. However such important issues as composition of summit participants, regulations of summits and their agenda are unresolved heretofore. Meanwhile new problems arise. For instance states of Bolivarian bloc as well as Argentine, Brazil, and Mexico are loosing interest in the Ibero-American cooperation. Greater efforts are required from the Spanish diplomacy for development of relations with states of the region and for alignment of Ibero-American and European vectors in Spanish foreign policy. So far hopes pinned at the Spanish Socialist Worker Party government headed by J.L.Rodriguez Zapatero have not proved true.

Ключевые слова: Ибероамерика; Ибероамериканские конференции; Боливарианский блок; Аснар; Сапатеро.

Key words: Ibero-America; Ibero-American conferences; Bolivarian bloc; Jose Luis Rodriguez Zapatero; Jose Maria Aznar Lopez.

E-mail: maria.rijova@gmail.com

Введение

В декабре 2010 года в Аргентине прошла XX Иberoамериканская конференция – встреча глав государств Испании, Португалии и Латинской Америки¹. Двадцатилетний

срок – достаточное основание для того, чтобы сделать выводы, призванные если не подвести итог задуманному проекту, то хотя бы выявить главные проблемы, мешающие ему стать успешным. Наличие таких проблем было обозначено политическими обозревателями, журналистами и самими участниками встреч практически сразу после их начала.

Энтузиазм, вызванный возникновением Иberoамериканского сообщества наций, быстро себя исчерпал. На смену первоначальным плановым определениям Иberoамерики² пришло понимание, что исторических и культурных связей для существования сообщества недостаточно. Так, мексиканская газета «Сгонса», комментируя VII Иberoамериканский саммит, прошедший в 1997 году в Венесуэле, отметила, что встреча в верхах в очередной раз продемонстрировала «скорее исторически-лингвистическую, чем геополитическую общность» иberoамериканских государств. Что, по мнению газеты, «не сулит такого рода встречам многообещающих перспектив»³.

В испанской прессе не раз указывалось, что ценность встреч, к сожалению, заключается в возможности неформального общения представителей делегаций иberoамериканских стран, а не в принимаемых декларациях, полных благих намерений и принципов, которые каждая страна интерпретирует по своему вкусу⁴. Недовольство динамикой развития саммитов высказывали и сами участники конференций. Эрнесто Сампер, занимавший в 1994–1998 годах пост президента Колумбии, не раз упрекал Испанию в попытке избежать обсуждения наболевших вопросов. По его мнению, Иberoамериканские встречи должны послужить

¹ Первая конференция состоялась в 1991 году в мексиканском городе Гвадалахара и с тех пор, по предложению мексиканской стороны, встречи стали проводиться ежегодно.

² Аргентинский писатель Э.М.Барба: «...ничто так много не значит для иberoамериканского сообщества, как самоосознание, иberoамериканцы верят, что у них общая судьба» (*Iberoamerica una comunidad*. Madrid, 1989. P.808).

³ Цит. по: ИТАР-ТАСС. КОМПАС. 20.11.1997.

⁴ *El Pais*. 17.11.1999.

для решения ибероамериканских проблем, если они будут не замалчиваться, а активно обсуждаться и решаться⁵.

Признавая справедливость критики, раздающейся в адрес конференций, необходимо все же зафиксировать: изначально формат, заданный главными организаторами встреч в верхах – Испанией и Мексикой, – был рассчитан на создание максимально эффективного форума сотрудничества ибероамериканских стран.

Принципы организации саммита и определение состава участников

Уже решение вопроса об участниках Ибероамериканских встреч призвано было продемонстрировать, что организаторы намерены создать политическое объединение, а не группу

любителей испанского языка и культуры.

Пуэрто-Рико, государство, свободно ассоциированное с США, получило на первых конференциях только статус наблюдателя, несмотря на то что географически оно относится к латиноамериканскому региону и государственным языком в нем наряду с английским является испанский⁶. Таким образом, была отрезана возможность участия или косвенного присутствия на саммите США, которые вынуждены были ограничиться заявлением, что будут внимательно следить за развитием нового международного института.

Дипломат Пико де Коанья, в 1992 году координировавший работу министров иностранных дел ибероамериканских стран, заявил, что на Ибероамериканской встрече имеют право присутствовать только «суверенные государства, в которых официальным языком является испанский или португальский, и принадлежащие в географическом плане к Европе или Америке»⁷.

Испания не скрывала, что в организации саммита намерена руководствоваться принципами, отличающимися от внешнеполитических принципов США. Еще в 1977 году король Испании Хуан-Карлос во время поездки по Латинской Америке подчеркнул, что одна из главных задач испанской дипломатии – построить отношения, в которых не бу-

⁵ *Cambio* 16. 10.05.1993. P.77.

⁶ С 1991 по 1993 год в Пуэрто-Рико действовал закон, по которому единственным государственным языком был испанский.

⁷ *El Pais*. 28.02.1992.

дет места дискриминации, независимо от политической роли, которую та или другая страна призвана сыграть в современном мире⁸. То есть Испания заявила, что ее политика будет отличаться от политики США, во многом построенной на выделении ключевых партнеров, через которых оказывается влияние на регион.

Испанский МИД неоднократно призывал учитывать реалии политического и социального развития в странах Латинской Америки. А значит, не следовать примеру США, то и дело вносящих какую-нибудь страну региона в «черный список» по борьбе с наркотиками, экономическим рискам и т.д. Также подчеркивалось, что испанцы, пережившие переход к демократии, понимают все сложности, с которыми сталкиваются молодые демократические правительства латиноамериканских стран. Испанский МИД много раз заявлял, что принцип государственного суверенитета является одним из основных принципов международного права.

Перечисленные принципы были использованы при организации Иberoамериканских конференций. Представители всех стран на конференциях имеют одинаковое время на выступление, и на конференции действует правило: одна страна – один голос.

Встречи проходят по очереди в разных странах региона, в том числе и в маленьких, таких как Коста-Рика или Сальвадор, несмотря на то, что у небольших латиноамериканских стран нет организационного опыта для проведения встреч подобного уровня.

**Португалия
и
Иberoамериканское
сообщество**

Нельзя не отметить сложное отношение к Иberoамериканским саммитам Португалии. Лиссабон с самого начала справедливо рассудил, что проведение Иberoамериканской встречи в верхах является, прежде всего, крупным успехом испанской дипломатии. На подготовительных встречах к первой конференции представитель Португалии неоднократно подчеркивал, что термин «Иberoамериканская конференция» носит подчеркнuto испанский характер и значит почти то же, что испано-американский, и в качестве примера приводил испанскую авиакомпанию «Иберия».

⁸ *Современная Испания. М., 1983. С.114.*

Португальская сторона предложила найти альтернативное название, которое включало бы слово «lusa». Иберы – это автохтонные жители Испании, в то время как юго-западную часть Пиренейского полуострова, примерно соответствующую территории Португалии, заселяли племена лузитан, которых и имел в виду представитель Португалии, говоря о необходимости сделать название Иberoамериканского сообщества «менее испанским». Несогласие с названием «Иberoамериканское сообщество» приписывают лично Анибалу Каваку Силве, занимавшему в тот момент пост португальского премьер-министра.

Судя по всему, вопрос об участии Португалии в первой конференции обсуждался до самого последнего момента. Накануне встречи в верхах по португальскому государственному телевидению прошло сообщение о том, что ни Анибал Каваку Силва, ни президент страны Марио Соареш не будут присутствовать на саммите.

Министр иностранных дел Испании Франсиско Фернандес Ордоньес выразил надежду, что трудности удастся преодолеть и оба португальских политика, в конце концов, будут присутствовать на встрече⁹. Так и получилось. М.Соареш все же решил приехать в Мексику на Иberoамериканскую встречу, представляющую, по его собственным словам, «небольшой интерес для португальской внешней политики»¹⁰.

IV Иberoамериканская встреча предположительно должна была состояться в Португалии. Интересно, что эти ожидания не сбылись и конференция первый раз прошла в Порту только в 1998 году, что также может свидетельствовать о сложном отношении португальской политической элиты к Иberoамериканским саммитам.

Дальнейшее расширение Иberoамериканского сообщества

Перед вторым Иberoамериканским саммитом МИД Испании заявил, что в нем примут участие только государства, главы которых присутствовали на первом саммите. Такое

уточнение было сделано в связи с желанием Экваториальной Гвинеи и Румынии принять участие в работе конференции. Газета «El Pais», ссылаясь на источники в МИДе, сообщила, что разрешение участвовать в конференции Экваториальной Гвинеи потребовало бы в дальнейшем

⁹ *El Pais*. 15.07.1991.

¹⁰ *Ibid.*

интегрировать в Иberoамериканское сообщество бывшие африканские колонии Португалии, что привело бы к еще большему усложнению состава участников саммита. Желание Румынии принять участие в Иberoамериканском форуме испанские дипломаты объяснили попыткой восточноевропейской страны после распада Варшавского договора как можно быстрее найти новые форумы сотрудничества¹¹.

Проблема расширения состава участников саммита снова возникла в 2001–2002 годах, когда о желании участвовать в его работе заявили Белиз, Восточный Тимор и Филиппины. К этому моменту уже обсуждалась тема полноправного участия в конференциях Пуэрто-Рико.

Включение в Иberoамериканский форум новых государств сразу поставило на повестку дня вопрос о том, как участники конференций видят дальнейшие перспективы развития Иberoамериканского сообщества. В начале 90-х годов Иberoамериканские встречи организационно оформили отношения бывших колоний с метрополиями. Произошло это в период, когда и бывшие колонии (латиноамериканские страны), и метрополии (Испания, Португалия) искали новые возможности сотрудничества и конференции стали результатом чайний многих политиков.

Непонятно, на каких основаниях и по какому принципу это объединение может расширяться. Особенно, если учесть высказанное с самого начала желание не размывать и не усложнять его структуру.

В 2004 году на XIV конференции, прошедшей в Коста-Рике, в Иberoамериканское сообщество приняли Андорру. Одно из условий: в сообществе Андорру будет представлять только премьер-министр (в стране функции главы государства выполняют соправители – президент Франции и епископ Урхельский)¹². Андорра также согласилась использовать в работе саммита испанский или португальский языки и не действовать французский и каталонский, являющиеся на ее территории государственными.

В 2008 году иberoамериканские страны приняли «Сальвадорское соглашение о моделях участия в Иberoамериканских конференциях». В частности, в документе говорится о создании института ассоциированных наблюдателей (*Observadores Asociados*; речь идет об отдельных

¹¹ *El Pais*. 28.02.1992.

¹² В Иberoамериканском сообществе только Испанию и Португалию представляют сразу и глава государства, и премьер-министр в силу конституционного устройства этих стран.

странах) и консультативных наблюдателей (*Observadores Consultivos*; имеются в виду международные организации)¹³. Целью новых институтов является «продвижение более тесного институционального сотрудничества с другими членами и действующими субъектами международного сообщества»¹⁴. В настоящий момент в Иberoамериканских конференциях в качестве ассоциированных наблюдателей участвуют Бельгия, Голландия, Италия, Марокко, Филиппины, Экваториальная Гвинея и Франция.

Интерес европейских стран показывает, что в рамках встреч удалось выработать эффективные механизмы взаимодействия между ЕС и Латинской Америкой. Фидель Кастро даже отметил, что саммит в Рио-де-Жанейро¹⁵ мог состояться только благодаря тому, что Мексика инициировала иberoамериканское сотрудничество.

Иberoамерика и Боливарианский блок

В работе саммитов с самого начала принимала участие Куба, для которой в начале 90-х годов это был один из немногих выходов на международную арену. Участники кон-

ференции пресекали любые попытки сделать вопрос о государственном устройстве Кубы одной из проблем саммита. Тем больший резонанс вызвало неожиданное обращение испанского премьер-министра Хосе-Марио Аснара, возглавившего правительство в 1996 году, к Кастро с требованием провести в стране демократизацию.

Испанская общественность оценила действия нового правительства как грубейшую ошибку во внешней политике. «Мы знаем, что Аснар уверен, что его галстуки более красивые и дорогие, чем те, которые носит Фидель. Хорошо. Абель Матутес¹⁶ считает, что легче демократизировать 11 миллионов кубинцев, чем попытаться сделать это с более чем 1100 миллионами китайцев. Но мы сильно сомневаемся, что сеньор

¹³ *Consenso de San Salvador sobre Modalidades de Participación en la Conferencia Iberoamericana (segib.org/files/2010/02/Consenso-de-San-Salvador.pdf)*

¹⁴ *Secretaría de relaciones exteriores (http://www.sre.gob.mx/index.php/inicio/432)*

¹⁵ *В июне 1999 года в Рио-де-Жанейро состоялась встреча руководителей 33 стран Латинской Америки и Карибского бассейна и 15 европейских государств во главе с председателем Еврокомиссии Романо Проди.*

¹⁶ *С 1996 по 2000 год занимал должность министра иностранных дел Испании.*

президент и министр находились на высоте дипломатического ремесла, соответствующей Испании в Иberoамериканском сообществе», – написал журнал «Cambio 16». Вывод либерального «Cambio 16»: «Х.М.Аснар, находясь чуть более месяца во главе правительства, совершил тяжелейшую ошибку, изменив отношения между метрополией и бывшей колонией»¹⁷.

Именно Куба стала первой латиноамериканской страной, выразившей глубокое разочарование результатами иberoамериканских форумов. После того, как на панамской конференции (2000) на Кастро готовилось покушение, он не был ни на одной из встреч. Кубинские дипломатические источники заявили, что, судя по всему, Кастро просто «устал от того, что конференции не приносят конкретных результатов, кроме того, семидесятишестилетний Фидель не хочет видеть ни лицо Аснара, ни лицо Флореса, ни другие лица»¹⁸.

Но дело, конечно, не в личных симпатиях и антипатиях кубинского лидера. Перед Испанией встала проблема совмещения атлантического и иberoамериканского направления внешней политики. И демарш Хосе-Мари Аснара против Кубы только выявил уже назревшую проблему.

Селестино дель Ареналь¹⁹, испанский исследователь, много лет изучающий иberoамериканский регион, отмечает: невозможность совместить в рамках встреч экономические интересы метрополий, связанные с принадлежностью Испании и Португалии к ЕС, и интересы латиноамериканских стран привела к тому, что желание сотрудничать со стороны латиноамериканских стран заметно ослабло²⁰.

Существующие противоречия – таможенные ограничения, действующие в ЕС на ввоз сельскохозяйственных продуктов из Латинской Америки, и другие не менее острые проблемы – поставили под вопрос возможность дальнейшей интеграции ЕС и стран Южной и Центральной Америки.

¹⁷ *Cambio 16*. 25.11.1996. P.5.

¹⁸ *El Pais*. 16.11.2002.

¹⁹ *Исследователь кафедры международных отношений Мадридского университета Комплутенсе.*

²⁰ *Arenal C. De la Cumbre de San José de Costa Rica (2004) a la Cumbre Iberoamericana de Salamanca (2005). Analisis del Real Instituto Elcano, Enero de 2005. (http://www.senado.es/foroiberoamericano/costarica_2004.pdf)*

Кроме того, многие проблемы, связанные с европейским регионом, латиноамериканские страны могут решать и обсуждать в рамках саммитов Латинская Америка–ЕС, и необходимость в посредничестве Испании и Португалии, очевидная на первоначальном этапе налаживания сотрудничества между регионами, стала снижаться.

Политическая напряженность, вызванная активным взаимодействием правительства Х.М.Аснара с администрацией Дж.Буша, не сменилась резким потеплением отношений с приходом к власти в 2004 году правительства ИСРП²¹ во главе с Хосе-Луисом Родригесом Сапатеро. Сапатеро больше времени уделял европейскому компоненту внешней политики Испании, в то время как на ибероамериканском направлении нарастали негативные тенденции.

Одной из самых обсуждаемых тем стало регулярное отсутствие на Ибероамериканских встречах президентов ведущих стран. Так, в 2004 году на встрече в Коста-Рике по разным причинам не присутствовали президенты Чили, Бразилии, Перу, Венесуэлы, Эквадора, Кубы и Португалии. Часть лидеров участвовала в проходившем в те же дни в Чили саммите ОПЕК. Как заметили обозреватели, ничто не помешало Рикардо Лагосу, возглавлявшему в тот момент Чили, назначить саммит ОПЕК на дни проведения Ибероамериканского саммита и подчеркнуть таким образом, что он не придает последнему событию большого значения.

XIX Ибероамериканская конференция, прошедшая в Португалии (2009), показала, что латиноамериканские страны сталкиваются с вызовами, ответы на которые они не могут искать совместно с европейскими партнерами, активно старающимися вовлечь их в североатлантическую орбиту.

На саммите встал вопрос о Гондурасе, где 28 июня 2009 года свергли президента страны Мануэля Селайю. 29 ноября 2009 года в Гондурасе были проведены президентские выборы, на которых большинство населения поддержало Порфирио Лобо. Против признания итогов выборов выступили страны Боливарианского блока²², Бразилия и Аргентина, в то время как Колумбия, Коста-Рика, Панама, Перу и США их признали.

Президент Бразилии Лула да Силва выразил крайнее раздражение принятым на Ибероамериканской конференции заявлением, осуж-

²¹ *Испанская социалистическая рабочая партия.*

²² *В Боливарианский блок входят Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминиканская республика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины.*

дающим переворот в Гондурасе, но не упоминавшим об отказе признать результаты проведенных в стране новых президентских выборов. Лула да Силва заявил, что вообще не приехал бы на конференцию, если бы знал, что одной из проблем в повестке дня станет ситуация в Гондурасе.

Появление левых правительств в Латинской Америке поставило перед испанской дипломатией непростой вопрос о том, до какой степени Испания готова поддерживать страны региона, если эта поддержка входит в прямое противоречие с ее обязанностями члена ЕС, НАТО и в целом западного сообщества.

Собственно, проблема уже была обозначена с того момента, как на конференции перестал приезжать Ф.Кастро. В открытый конфликт она вылилась в виде широко известного инцидента между Хуаном-Карлосом и Уго Чавесом во время конференции в Чили (2007). Во время заключительной сессии У.Чавес перебил Х.Л.Сапатеро, заметив, что Хосе-Мария Аснар – фашист. Перепалка между Сапатеро и Чавесом была прервана раздраженным возгласом Хуана-Карлоса, предложившего Чавесу заткнуться. Фраза короля «*Porque no te callas?!*» (Почему бы тебе не замолчать?!) мгновенно стала мировой сенсацией.

На конференции 2008 года Чавеса не было, но в Сальвадор прилетел президент Боливии Эво Моралес, на пленарном заседании подчеркнувший, что проблема заключается не в экономическом кризисе, а в кризисе капитализма. Капитализм не решает проблем человечества и спасать его – значит совершать ошибку²³. Педро Нуньез Москера, посол Кубы в Бразилии, представлявший страну на Иberoамериканской встрече, заявил, что неолиберальная политика, частью которой было разрушение роли государства как важного элемента в развитии народов, провалилась²⁴.

Участники Боливарианской инициативы вновь подняли вопрос о национальной идентичности жителей Латинской Америки. Так как в принадлежащих к блоку странах большое количество населения – индейцы,

²³ *Panorama Diario*. 30.10.2008.

(<http://www.panoramadiario.com/internacional/articulo/articulo/239/evo-morales-clama-contra-el-sistema-capitalista-en-cumbre-iberoamericana/>)

²⁴ *Noticias24*. 31.10.2008.

(<http://www.noticias24.com/actualidad/noticia/19455/firman-declaracion-de-san-salvador-en-la-clausura-de-la-cumbre-iberoamericana/>)

именно в этих странах вопрос о культурных связях с Испанией встал особенно остро.

На последний саммит в Аргентине в 2010 году не приехал ни один из президентов Боливарианского блока. Интересно, что не приехал на конференцию и испанский премьер-министр Родригес Сапатеро. Несмотря на уважительные причины отсутствия главы испанского правительства (Испания сильно пострадала от мирового экономического кризиса), надо отметить, что это происходит впервые, а также попадает в ряд со ставшим уже обычным игнорированием саммита со стороны представителей латиноамериканских стран.

Вопрос о периодичности проведения Иberoамериканских встреч и их тематике

Уже в 1993 году представители некоторых иberoамериканских государств, во главе с делегацией из Аргентины, выразили сомнение в эффективности ежегодного проведения Иberoамериканских встреч и предложили проводить конференции раз в два года. В качестве аргумента выдвигалось то, что недостаток финансовых ресурсов стран-участниц форума не позволяет каждый год принимать и осуществлять новые программы сотрудничества. Но большинство членов Иberoамериканского сообщества высказалось за то, чтобы встречаться каждый год²⁵.

Вопрос о более эффективном проведении Иberoамериканских встреч снова встал на конференции в Португалии в 1998 году. Боливийская делегация, явно с подачи испанской стороны²⁶, предложила конкретизировать повестку дня, разрабатывать и принимать более конкретные документы, устанавливать контроль их выполнения и даже проводить отчет о сделанной работе на следующем саммите.

На конференции 1998 года в Порту президент Бразилии Энрике Кардозу вновь поставил вопрос о проведении Иberoамериканских встреч раз в два года. Но его предложение снова не было поддержано, хотя и нашло сочувствие среди ряда участников форумов. Уругвайский дипломатический источник, объясняя несогласие большинства стран Иberoамерики с проведением конференций раз в два года, указал, что для

На конференции 1998 года в Порту президент Бразилии Энрике Кардозу вновь поставил вопрос о проведении Иberoамериканских встреч раз в два года. Но его предложение снова не было поддержано, хотя и нашло сочувствие среди ряда участников форумов. Уругвайский дипломатический источник, объясняя несогласие большинства стран Иberoамерики с проведением конференций раз в два года, указал, что для

²⁵ *El Pais*. 14.06.1994.

²⁶ Тут надо отметить плодотворные программы сотрудничества, существующие между Боливией и Испанией.

многих стран, особенно маленьких, участие в международном форуме, в данном случае в Иberoамериканском, имеет большое значение. С другой стороны, Иberoамериканские конференции дают возможность поддерживать постоянные отношения с Испанией и Португалией. Порвать этот контакт было бы «исторической ошибкой», – указал официальный представитель Уругвая²⁷.

Многие страны-участницы форумов выражали опасение, что большой временной разрыв между конференциями может привести к тому, что они совсем перестанут проводиться.

На Гаванской встрече в верхах (1999) в который раз обсуждалась необходимость проводить конференции раз в два года и Боливия опять указала на то, что часть программ Иberoамериканского содружества не выполняется в предусмотренном масштабе.

Очередным толчком для разговора об изменении регламента встреч в верхах послужили события 11 сентября 2001 года. Глава испанского правительства Хосе-Мария Аснар заявил, что наступил важный момент для латиноамериканских стран, когда они могут, наконец, сделать свой голос на международной арене более заметным и значимым, для чего необходимо превратить Иberoамериканский саммит в эффективно работающий механизм²⁸. На это заявление испанского премьер-министра повлияли и бурные дебаты, развернувшиеся на конференции 2000 года в Панаме, в связи с предложением (внесенным с подачи Испании) осудить баскский террор. Дело в том, что Иberoамериканские декларации обсуждаются не только на подготовительных встречах, но и в ходе самого саммита. Более того, в отличие от обычной практики, принятой на международных встречах на высшем уровне, в ходе Иberoамериканского саммита в конечный документ могут быть внесены поправки.

Декларации 90-х годов принимались после согласования почти автоматически. Ситуация заметно обострилась на конференции в Панаме, когда Ф.Кастро неожиданно высказался против принятия резолюции (предложенной сальвадорской делегацией во главе с президентом Сальвадора Франсиско Флоресом), осуждавшей баскский террор в Испании. Кастро заявил, что баскский террор – это внутреннее дело Испании и в таком случае необходимо принять резолюцию, осуждающую террор, откуда бы он ни исходил. Дебаты участников конференции, в результа-

²⁷ *El Pais*. 18.10.1998.

²⁸ *El Pais*. 23.11.2001.

те споров забывших об основной теме разговора – детях, – освещались прессой.

После панамского скандала встреча 2001 года, состоявшаяся в Перу, в Лиме целиком, кроме инаугурационной части, прошла за закрытыми дверями, и политическим обозревателям и журналистам осталось только догадываться, о чем там шла речь. Известно только, что, в частности, обсуждался вопрос о том, что было бы лучше не называть заранее тему будущего саммита, а обсуждать на конференции назревшие, актуальные проблемы, которые может предлагать к рассмотрению Временный секретариат (*Secretaria Pro Tempore*). Но результата подобные дебаты до сих пор не принесли, и темы всех последующих саммитов, как и раньше, называет страна, организующая встречу.

Так, тема прошедшего в 2002 году в Доминиканской республике саммита – «Проблемы экономического развития, содействия туризму и охраны окружающей среды» – была заблаговременно предложена правительством этой страны. При этом на конференции в Доминиканской республике было очевидно, что президенты Венесуэлы, Колумбии и Аргентины, стран с острыми экономическими и политическими проблемами, не слишком хотят обсуждать предложенные к рассмотрению вопросы – туризм и охрана окружающей среды. Чтобы понять это, достаточно посмотреть испанскую газету «El País» за 16 ноября 2002 года, где на одной странице дается информация о саммите, а на другой – о том, что в аргентинской провинции Тукуман от недоедания умирают дети²⁹.

Хорхе Салавери, эксперт по Латинской Америке в американском Heritage Foundation, бывший посол Никарагуа в Испании, отмечает, что XVIII конференция, формально посвященная теме «Молодежь и развитие», на самом деле была посвящена мировому экономическому кризису. Так Сапатеро, по мнению эксперта, больше всего волновала возможность попасть на саммит группы G-20, в состав которой Испания не вошла. Салавери указывает, что Сапатеро рассчитывал на помощь в этом вопросе Мексики, Аргентины и Бразилии. И, прежде всего, Бразилии, которая в тот момент являлась председателем группы G-20³⁰.

²⁹ *El País*. 16.11.2002.

³⁰ *Salaverry J. Qué pasó con la cumbre Iberoamericana en el Salvador? Noviembre 2008.* (http://www.funciva.org/uploads/ficheros_documentos/1226062692_que_paso_en_la_cumbre_iberoamericana_de_el_salvador.pdf)

Необходимость изменить порядок проведения саммита – одна из первоочередных задач Ибероамерики, без решения которой невозможно дальнейшее продвижение вперед. Но до сих пор эта задача не находит адекватного решения. В результате экономические проблемы с большей эффективностью решаются на других конференциях, в более узком кругу (например, на встрече «Группы трех»³¹ или стран МЕРКОСУР³²). И только такие сюжеты, как создание Ибероамериканской информационной сети, общие вопросы культурного и технического сотрудничества в регионе, плодотворно обсуждаются в рамках Ибероамериканских конференций.

Вопрос о создании секретариата Ибероамериканского сообщества

Первоначально страны сообщества отказались от постоянно действующего секретариата для регламентации работы встреч Ибероамериканских конференций, аргументировав

это боязнью создания большой бюрократической системы. Вероятно, в отказе от постоянно действующего секретариата свою роль сыграли две причины. Прежде всего, страны сообщества, которое нельзя не признать аморфным, не были готовы к появлению постоянно действующего органа. Второй причиной, действительно, могли стать опасения, связанные с ростом бюрократии. В мировом опыте есть много примеров подобных образований, например, организация ЮНЕСКО, не раз обвинявшаяся в чрезмерном бюрократическом аппарате.

В результате был создан Временный Секретариат Ибероамериканского сообщества (*Secretaria Pro Tempore*), не имевший постоянного места и штаба. Задача секретариата заключалась в координации деятельности стран сообщества между конференциями, о чем и говорит его название. В дальнейшем предпринимались меры по укреплению *Secretaria Pro Tempore*, но все они оказались недостаточными. Каждый год на конференциях принимались новые программы сотрудничества, и, в конце концов, участники форума обратили внимание на определенный кризис, возникший ввиду отсутствия единого механизма контроля над

³¹ Торгово-экономическое объединение было образовано в 1995 году Венесуэлой, Колумбией и Мексикой. В 2006 году Венесуэла вышла из «Группы трех».

³² Общий рынок стран Южной Америки. В него входят Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай и Венесуэла.

выполнением принимаемых решений и над осуществлением утвержденных программ.

На конференции в Гаване (1999) было принято предложение Испании о создании Постоянного Секретариата Иberoамериканского сообщества (SECIB) со штабом в Мадриде. В документ, декларирующий образование SECIB, вошли положения о целях и задачах нового Иberoамериканского института. В качестве основной цели SECIB подчеркивалось укрепление и развитие Иberoамериканского сообщества наций. В документе перечислены основные функции SECIB. Среди них:

- рассмотрение инициатив и предложений по развитию иberoамериканского сотрудничества,
- запуск в действие принятых проектов и программ,
- предоставление информации о реализации уже действующих проектов,
- оценка проектов и программ сотрудничества в рамках Иberoамериканских конференций,
- определение источников финансирования одобренных проектов,
- помощь Временному Секретариату в работе³³.

Один из важных вопросов, стоящих перед Испанией, – равномерное распределение финансовой нагрузки, связанной с функционированием Иberoамериканского сообщества. Главный вклад в функционирование SECIB вносила Испания, чья доля финансирования Секретариата составила 80%. В то время второй европейский член сообщества – Португалия – оплачивала только 1,47% расходов, а Бразилия и Мексика 5,45 и 4,23% соответственно³⁴.

Но и создание Постоянного Секретариата не могло кардинально решить проблему малой результативности встреч в верхах. Испания на конференциях 2001 года в Панаме и 2002 года в Доминиканской республике продолжила политику, направленную на активизацию работы конференций и на создание более эффективного рабочего аппарата, осуществляющего взаимодействие между странами в период между

³³ *Estatutos de la Secretaría de Cooperación Iberoamericana (SECIB)* (<http://www.oei.es/coopibe3.htm>)

³⁴ *Malamud C., Mallo T. La Cumbre Iberoamericana de Costa Rica: el declive de las cumbres o una cumbre de transición? Analisis del Real Instituto Elcano, 16.12.2004.* (<http://www.cibera.de/fulltext/5/5883/analisis/643/MalamusMallo%20Pdf.pdf>)

саммитами. Для этого в 2002 году на XII конференции, проведенной в Доминиканской республике, была образована комиссия во главе с Энрике Кардозу, завершавшим свою деятельность на посту президента Бразилии. В 2003 году предложения комиссии Кардозу обсуждались на конференции в Боливии.

В 2004 году на конференции в Коста-Рике был создан Генеральный секретариат Иberoамериканского сообщества (SEGIB). Возглавил секретариат Энрике Иглесиас, в течение 17 лет возглавлявший Межамериканский банк развития. В 2008 году Иглесиас был переизбран еще на 4 года.

Штаб-квартира Генерального секретариата находится в Мадриде.

Несмотря на то, что его функции были существенно ослаблены по сравнению с предложенными изначально комиссией Кардозу, создание нового органа должно способствовать политической консолидации в регионе.

* * *

С первой Иberoамериканской встречи на саммиты было возложено очень много надежд. В качестве примера можно привести первые суждения о том, что должны представлять собой Иberoамериканские встречи.

Часть политических обозревателей заявляла, что, начиная с Гвадалахарской конференции, между странами сообщества будут установлены особые отношения, которые будут организационно закреплены постоянно проводимым саммитом, наподобие ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе)³⁵. Бывший президент Коста-Рики Оскар Ариас Санчес отметил, что Иberoамериканские конференции, без сомнений, послужат тому, что страны сообщества смогут сформулировать общий ответ на вызовы современности³⁶.

Большое значение новому саммиту придавали в Испании. Ожидания от саммита высказал в интервью испанской газете «El País» испанский министр иностранных дел Ф.Фернандес Ордоньес. «Испания – это страна, имеющая двойную миссию, европейскую и американскую. Если Испания останется без Иberoамерики, она будет изувечена. Если нам

³⁵ *El País*. 18.07.1991.

³⁶ *Ibid.*

нужна Ибероамерика, взаимное сотрудничество также необходимо и латиноамериканцам. Мы, в какой-то мере, являемся представителями Латинской Америки в Европейском сообществе»³⁷.

Кроме того, собственно в Гвадалахарской декларации, принятой в результате работы первого саммита, было зафиксировано намерение участников Ибероамериканской конференции превратить Ибероамериканское сообщество в полноправного актора на международной арене³⁸.

В то же время, несмотря на очевидный шаг вперед в испано-латиноамериканских отношениях в связи с началом проведения совместных саммитов, от них ждали, возможно, слишком много, что сразу привело к определенному разочарованию. Отзывы о недостаточной эффективности Ибероамериканских саммитов появились уже во время проведения второй встречи в верхах. В 1992 году Патрисио Элвин, занимавший пост президента Чили, вынужден был отметить, что ибероамериканские страны только начали создавать сообщество, которое со временем может приобрести вес в мире, но необходимо запастись терпением и пониманием, что этот процесс требует времени³⁹.

Но скоро неудовлетворенность результатами саммита стали выражать не только испанская и латиноамериканская общественность, но и сами политики, то лениво потягивавшие коктейли перед телекамерами, то спешившие удалиться на встречи и переговоры, касающиеся, прежде всего, двусторонних отношений.

Возник вопрос, а чем собственно Ибероамериканское сообщество наций отличается от Содружества наций, в рамках которого также проходят саммиты, важной частью которых являются двусторонние встречи. Часть ибероамериканских политиков и высказывалась в том духе, что саммиты как раз и существуют главным образом для решения двусторонних проблем.

Министр иностранных дел Венесуэлы М.Бурелли на упрек журналистов в декларативности и низкой результативности Ибероамериканских саммитов вообще и прошедшего в 1997 году в частности ответил: «Мы не ООН и не ОАГ⁴⁰, которые в соответствии со своим юридическим

³⁷ *El Pais*. 16.07.1991.

³⁸ *Declaración de Guadalajara // El Pais*. 21.07.1991.

³⁹ *EFE (испанское информационное агентство)*. 22.07.1992.

⁴⁰ *Организация американских государств*. Учреждена в 1948 году, в ее состав входят 35

статусом принимают обязательные для исполнения резолюции, наши встречи предполагают дискуссии и размышления над актуальными проблемами»⁴¹. По Эрнесто Седильо, в 1994–2000 годах занимавшему пост президента Мексики, подобные форумы «полезны, прежде всего, для государственных лидеров, которые в современных условиях должны править, хорошо понимая, что происходит в мире, и лучший способ понять это – прямые контакты с коллегами»⁴².

Но большая часть участников конференций, прежде всего Испания, настаивает на необходимости превращения саммита из политического форума, на котором обсуждаются проблемы ибероамериканского региона, в реально действующий институт Иberoамериканского сообщества наций, вырабатывающий обязательные для стран-членов решения и активно представляющий сообщество на международной арене.

государств Западного полушария.

⁴¹ ИТАР-ТАСС. КОМПАС. 20.11.1997.

⁴² Цит. по: Гвоздарев Б.И. Роль ОАГ в латиноамериканской политике Вашингтона // Латинская Америка. 1998. №8. С.40.

Индивид, с одной стороны, и всечеловечность с другой – с другой, – вот то, что нельзя упускать из виду нигде и никогда, как неразъединимые стороны одного великого идеала.

Питирим Сорокин

Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой. Понятно далее, что в таком слиянии и отождествлении незаметно преодолевается то душевное распыление (психический «атомизм»), в котором людям приходится жить на земле: этот

атомизм состоит в том, что каждый скрыт своим телом... Это преодоление общественного атомизма состоит, однако, не в том, что человек перестает быть самостоятельным, обособленным и замкнутым существом... Нет, обычный, данный ему от природы способ бытия сохраняется. Но наряду с ним возникает могучее творческое единение людей в общем и сообща творимом лоне – в национальной духовной культуре...

Иван Ильин

Владимир Дегоев

**СБЛИЖЕНИЕ
ПО СЛОЖНОЙ
ТРАЕКТОРИИ:**

**РОССИЯ И ОСЕТИЯ
В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА**

УДК:
93/94

The article invites to revisit an extremely elaborate and fascinating history of the mid-18th century Ossetian diplomatic mission to St. Petersburg. Up to nowadays it has remained customary for some scholars to make this subject one of those to illustrate that Russian policy in the Caucasus was an onward march with no ebbs or twists. The author claims to give a broader picture to include both impartial "laws of history" and imperfect human beings doomed to create this very history in their own way.

Ключевые слова: русско-осетинские отношения в XVIII в.; Осетинская духовная комиссия; православное миссионерство на Северном Кавказе; архимандрит Пахомий; грузинские священники на службе Российской империи; международное соперничество на Кавказе.

Key words: Russia and Ossetia in the 18th century; Russian Orthodox Church in the North Caucasus; archimandrite Pakhomi; Georgian priests in Russian imperial service; international rivalry in the Caucasus.

E-mail: degoevv@rambler.ru

Подготовка и осуществление визита осетинской посольской делегации в Россию (1749–1752) – интригующий исторический сюжет, насыщенный глубоким политическим содержанием и острыми персональными коллизиями драматического характера. Этот сюжет представляет собой сложнейший предмет для изучения даже на фоне тогдашней ситуации на Северном Кавказе, где простых проблем не было и не могло быть в принципе.

Никуда не уйти от того факта, что сегодня история русско-осетинских отношений, по понятным причинам, стала объектом необычайной актуализации, позитивные плоды которой подчас не столь очевидны, как ее негативные издержки. И те, и другие порождены заметно возросшим спросом на информацию о прошлом, в первом случае – в виде научных знаний, во втором – в виде более или менее удачных мифологических поделок.

Нельзя сказать, что любая нарочитая или подсознательная уступка историка идеолого-политической конъюнктуре XXI века заведомо контрпродуктивна, с точки зрения «чистой» науки. Однако эта «маленькая» человеческая слабость губит профессионального исследователя, когда заставляет его либо идеализировать ход и динамику русско-осетинских отношений, либо примитивизировать их до такой степени «ясности», которой нет в природе исторического бытия. Искусственное спрямление этого извилистого и неоднозначного процесса на потребу духу и реалиям нашего времени – быть может, подходящее средство для массового просвещения, как известно, не терпящего переусложнений. Но цена такой идеологической простоты и эффективности всегда высока – иссушение сочной исторической картины, изъятие из нее всех красок, кроме черной и белой, обеднение ее до уровня четкой и, самое главное, «правильной» схемы.

История организации и пребывания осетинского посольства в России – тема богатейшая и неисчерпаемая. В чем-то она является классической иллюстрацией фундаментальных основ российской политики на Северном Кавказе, с одной стороны, и характерных для многих местных обществ и элит внешнеполитических настроений, – с другой. А в чем-то это уникальная история, свидетельствующая о том, что в русско-осетинских и осетино-русских отношениях была своя специфика, подчас не имевшая даже близких аналогов.

Изучение этой специфики – долгая и трудоемкая работа, которая давно началась, но не скоро закончится. Каждое новое поколение исследователей будет сталкиваться с новыми интеллектуальными вызова-

ми, связанными с решением как научных, так и идеологических (тут уж ничего не поделаешь) задач. А также с необходимостью искать конструктивный и – что становится все более важным для общественного сознания – безопасный компромисс между ними.

Поистине безграничные творческие возможности для осмысления и переосмысления, казалось бы, хорошо известного представляют имеющиеся в огромном количестве исторические документы, информационный потенциал которых предстоит раскрывать и осваивать еще очень долго.

Уверенность в том, что это можно делать бесконечно и совершенно по-разному, стала едва ли не главным стимулом для автора настоящей статьи.

МИССИОНЕРСТВО КАК ПОЛИТИКА

Русско-осетинские отношения (если не обращаться к эпохе Древней Руси, с окончанием которой они были прерваны) ведут свое летоисчисление с 1742 года, когда Елизавета

Петровна получила первый доклад на «осетинскую» тему. Авторы документа – архиепископ Иосиф и архимандрит Николай – были выходцами из знатных грузинских фамилий, эмигрировавшими в первой четверти XVIII века в Россию, где заняли видные церковные должности. В докладе сообщалось о, так сказать, стихийной набожности осетин, тяготеющих к «вере греческого исповедания» и «неотступно просящих» о совершении над ними христианских обрядов. В связи с этим предполагалось послать к ним «для проповеди слова божия и крещения» толковых и знающих осетинский язык энтузиастов из «грузинских духовных персон, обретающихся ныне в граде Москве»¹.

Прекрасно осознавая важность этого дела, с точки зрения российской внутренней политики, и щекотливость его, с точки зрения политики внешней, авторы доклада спешили заверить императрицу, что «как турки, так и персиане никто ими (осетинами. – *В.Д.*) не владеют, а места их избилуют золотою, сребреною и прочими рудами и минералами» [С.30]. Тем самым давалось понять, что для России дорога в предгорную часть Центрального Кавказа (имевшую огромное военно-

¹ *Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в двух томах / Сост. М.М.Блиев; Ред. П.П.Епифанов. Орджоникидзе, 1976. Т.1. С.30–31. – Далее ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках.*

стратегическое значение) открыта и опасаться международных осложнений в случае проникновения туда русских эмиссаров не следует. Конечная цель миссионерской деятельности виделась в приведении осетин через «святое крещение и в вечное... императорскому величеству подданство... в непродолжительном времени всех без остатку» [С.31].

В реакции Елизаветы Петровны на это предложение заметны как заинтересованность, так и осторожность. Она велела тщательно проверить полученную информацию, собрав все имеющиеся об осетинах географические, политические, экономические сведения. Основной целью было выяснить, «подлинно ли тот народ вольный и самовластный, а не под других государств, например, персидского или турецкого владением состоит?» [С.34]

Четкого ответа на этот вопрос собранные данные не давали. Скорее, они сеяли сомнения указанием на то, что осетины находились в некоторой зависимости от князей Малой Кабарды, признанной, согласно Белградскому договору (1739), «нейтральным барьером» между Российской и Османской империями [С.37, 43, 44]. В остальном же первоначальная информация об этом народе подтверждалась, сопровождаясь дополнительными, весьма комплиментарными подробностями о его стремлении к возрождению былого благочестия и гостеприимстве [С.38, 41].

На инициативу архиепископа Иосифа и архимандрита Николая решено было – после изучения дела – ответить согласием, но с оговорками. В осетинские горы снаряжалась миссия, состоявшая из духовных лиц исключительно грузинского происхождения, чтобы, в случае чего, не нести за них, как за людей нерусских, ответственность перед Турцией и Персией [С.61].

Вместе с тем это лукавство не могло скрыть того факта, что данное предприятие являлось органичной частью имперской стратегии России – своеобразной политической разведкой, прикрытой и сопровождаемой православно-миссионерской деятельностью. О значении, которое «осетинский вопрос» стал приобретать в глазах Петербурга, свидетельствует, помимо прочего, красноречивое обстоятельство: от момента представления вышеупомянутого документа Елизавете Петровне (ноябрь 1742 г.) до принятия соответствующего решения (февраль 1744 г.) прошло немногим более года².

² Это очень быстро, учитывая необходимость произвести сложные бюрократические согласования между Синодом, Сенатом и Коллегией иностранных дел, а также время, уходившее на переписку между Петербургом, Москвой, Астраханью и Кизляром.

После этого началась организационная, кадровая и финансовая подготовка миссии, на что ушел еще один год. Проблем тут было достаточно. Чтобы набрать подходящих людей, желающих покинуть комфортную Москву или Петербург ради проповеди слова божия в глубине горных ущелий Кавказа, требовались не только индивидуальная склонность к подвижничеству, но также материальные средства и стимулы. Началось формирование бюджетного расписания и персонального состава миссии. В нее вошли четыре грузинских священника во главе с архимандритом Пахомием. В их распоряжение предоставили 12 подвод, куда погрузили церковную утварь, книги и походную церковь. Синод дал подробную инструкцию, в которой, между прочим, был пункт о заведении школы для обучения осетинских детей святому писанию и грамоте [Подробно о подготовке миссии см.: С.45–72].

В мае 1745 года миссионеры прибыли в Осетию и сразу же приступили к делу. Вскоре Синод получил от них обстоятельный доклад о духовном, культурном, социально-хозяйственном состоянии осетин и о ходе крещения. Новые подтверждения получили сведения о материальных остатках христианства (обветшалые церкви) и о готовности народа к принятию «святого учения». Обращало на себя внимание наблюдение о том, что осетины «обхождением на российский народ очень схожи» [С.73–76].

Пахомий нашел важным посвятить часть своего доклада одному из образованных представителей осетинской знати – Зурабу Елиханову, ревнителю христианства, которого архимандрит приблизил к себе, «ибо он очень аккуратно знает здешние обстоятельства и помощник нам немалый». Архимандрит также сообщал, что его протеже был хорошо известен за пределами своей родины – «знают его от самых горских черкасов по тракту до внутри Осетии» [С.76–77].

Едва ли не самым примечательным в докладе было сообщение о желании «здешних главных людей» ехать в Россию на «поклонение ее императорскому величеству», откуда и брала свое начало идея организации осетинского посольства в Петербург [С.76].

В Коллегии иностранных дел и в Синоде восприняли этот сигнал с осторожным интересом, выразив надежду («хотя еще дальнюю и не известно, состоятельную ли») на то, что это со временем принесет пользу для России. Для начала, во всяком случае, можно было вполне ожидать от тех знатных осетин, которые побывают в Петербурге и вкусят там от монарших милостей, искренней готовности «весь тамошний

(осетинский. – *В.Д.*) народ в единоверие и доброжелательство к российской стороне преклонить» [С.79, 94].

Однако, как полагали в российской столице, время для подобных визитов еще не пришло. Пока же грузинским миссионерам рекомендовалось не поощрять соответствующие инициативы осетинской знати, а ориентировать ее на более глубокое восприятие новой веры [С.80].

Такие темпы, похоже, не устраивали архимандрита Пахомия. Эта неоднозначная и незаурядная личность, искусно пользуясь объективными обстоятельствами, на долгие годы сосредоточила в своих руках едва ли не ключевую посредническую функцию в русско-осетинских отношениях, наполняя их порой таким же противоречивым содержанием, каким отличался сам Пахомий. В нем сложно переплетались тщеславие, стяжательство, сибаритство и склонность к интригам с подвижничеством, умением располагать к себе людей, тонким пониманием интересов России и готовностью служить им на определенных условиях. Так же сложно, парадоксально и временами непредсказуемо сочетались негативные и позитивные последствия действий Пахомия. В том, что он делал на протяжении своей карьеры, всегда присутствовали и земные меркантильные, и высокие государственные мотивы. Сама жизнь ставила перед архимандритом проблемы, которые иначе, как с помощью глубоко прагматичных и даже циничных средств, не решить. Она же ввергала в такие соблазны, устоять перед которыми Пахомий был не в силах. Открывшееся перед ним поприще, само по себе являясь вызовом для творческого и деятельного человека, не только таило опасности, но и сулило захватывающие жизненные, карьерные перспективы.

Когда Петербург отправлял Пахомия «с братией» в Осетию, он определил для них годовой бюджет (на 1745 год) в 1000 рублей, руководствуясь следующим принципом: если «в том деле показаны будут явные опыты (результаты. – *В.Д.*)», то будет увеличено и финансирование [С.62]. Приехав на место, Пахомий торопится продемонстрировать эти «опыты». Менее чем за 2 месяца он окрестил 300 человек и следом попросил Синод об увеличении жалования миссионерам. Этим, однако, амбиции архимандрита не исчерпывались. По сути, игнорируя призывы Петербурга не форсировать события, Пахомий вновь сообщает в Синод о том, что осетинские старшины просят разрешения явиться в российскую столицу и желают видеть во главе их делегации его, Пахомия. Чтобы заинтриговать российское правительство, подчеркивалась цель визита – «чрез нас (Пахомия. – *В.Д.*) объявить по прибытии ко двору ее

императорского величества о всяких тайностях и о прочих де состояниях Осетинской земли» [С.81].

Нарастив моральное давление на Петербург, Пахомий посылает в столицу, одновременно со своими донесениями, нарочного (иеромонаха Ефрема), который в апреле–июле 1746 года представил Синоду несколько обстоятельных докладов. В них речь шла уже не только о конфессиональных и политических вопросах, но и об экономических. Приоткрывая некоторые из обещанных осетинами «тайностей», Ефрем сообщал, что Осетия изобилует «многорудными местами», в которых особенно много свинцовой руды («превеликие горы»). Есть также серебро, золото, медь, железо, сера, селитра, агат, аспидный камень, слюда, хрусталь, мрамор [С.84].

Ефрем касается социального строя осетин, указывая на наличие знати (баделята), осуществляющей властно-управленческие функции, но при соблюдении определенных ограничений со стороны общества [С.86]. Из докладов иеромонаха явствовало, что у миссионерской и просветительской деятельности в Осетии хорошие перспективы. Среди местного народа имелись образованные люди, умевшие говорить, читать и писать на грузинском языке, который являлся для многих на Кавказе языком культурного общения и познания мира. Поскольку все богослужебные книги миссионеров тоже были на этом языке, Ефрем предлагал использовать грамотных людей из местного населения для перевода «Часовника», «Псалтыри» и «Апостола» на осетинский язык с применением грузинской графики [С.87–88].

Вслед за Пахомием, Ефрем считал уместным сообщить в Синод о заслугах Зураба Елиханова, «который при нас (миссионерах. – *В.Д.*) состоит непрестанно ... нам весьма помогает и тому осетинскому народу божественное писание изрядно внушает». Иеромонах даже просил об определении Елиханову официального жалования, как сотруднику миссии [С.100].

И опять-таки не без влияния Пахомия, равно как и собственного опыта пребывания в Осетии, Ефрем возвращается к политической стороне дела, подчеркивая желание осетин вступить в российское подданство. По сути он, проводя линию Пахомия, просит рассмотреть вопрос о снаряжении осетинского посольства в Петербург, цели которого иеромонах изложил в следующих пунктах: 1) «чтоб им (знатным осетинам. – *В.Д.*) в России креститься, что тое они себе и своей фамилии за честь почитать имеют»; 2) «посмотреть российских обрядов и народа»; 3) «быть в подданстве ее императорского величества» [С.86].

Такая настойчивость Пахомия и Ефрема в постановке вопроса о «подданстве» – при том, что из Петербурга уже было получено четкое предписание не торопиться, – позволяет предположить, помимо прочего, сильное «общественное» давление на миссионеров. Во всяком случае, у русского правительства появились основания задуматься над тем, что повторяющиеся ходатайства осетинской знати могут указывать на признаки общей эволюции взглядов северокавказских элит на такое понятие, как «подданство».

Через доклады Ефрема лейтмотивом проходит просьба к Синоду об увеличении годового бюджета миссии, скромные размеры которого, по мнению иеромонаха, плохо соотносятся с большими задачами осетинской миссии и являются препятствием к ее дальнейшей успешной работе [С.99–101]. Какое впечатление произвела на Синод информация из Осетии, видно по пространному протоколу этого ведомства от 1 июля 1746 года [С.88–96]. Официально зафиксировав полученные от Пахомия и Ефрема сведения, Синод принял постановление, посвященное, с одной стороны, конфессионально-обрядовым и финансовым вопросам, с другой, – политическим. Миссионерам предписывалось проводить одновременно с крещением активную работу по приобщению осетин к христианскому образу жизни и христианской обрядности. Признавалось крайне важным «приложить крепкое старание» к обучению малых отроков грамоте и священному писанию на их «природном» языке, для чего следовало перевести с грузинского на осетинский соответствующие книги и завести школу [С.90–94].

В протоколе констатировались успехи миссионерской деятельности в Осетии – «начатки желаемого плода уже явны быть стали». Посему было принято решение о существенном увеличении годовых расходов на «оное богоугодное дело» [С.95–96].

Политические идеи протокола, как документа церковного, носили не обязательный, а рекомендательный характер. Синод присоединился к мнению Коллегии иностранных дел, высказавшей мысль о том, что в ответ на желание «тамошних главных людей для крещения и поклонения высочайшему престолу ехать» «отказать им в том, кажется б, не надлежало». Поддержано было внешнеполитическое ведомство и в надежде на большое нравственное влияние визита осетинских послов в Петербург, если таковой состоится, на процесс укрепления пророссийских настроений всего осетинского народа. Предлагалось передать этот вопрос на рассмотрение правительствующего Сената с приложением присланных в Синод донесений «грузинских духовных персон» [С.94–95].

Осетинское посольство в Петербурге. Худ. А. Джанаев.

Указанный протокол свидетельствовал о том, что проблема, ввиду своей важности и затратности, вышла за рамки ведомственных возможностей и полномочий. Факт передачи ее на более высокий уровень подтверждается указом Сената от 14 августа 1746 года. Будучи одним из ключевых в истории русско-осетинских отношений, изданный по распоряжению Елизаветы Петровны, этот документ представлял собой долгожданную для многих высочайшую санкцию на организацию визита в Петербург послов из Осетии. Для этого выделялись необходимые средства и спускались соответствующие распоряжения в нижестоящие инстанции. Кроме того, значительно увеличивался годовой бюджет осетинской миссии (вдвое выросли личные оклады архимандрита, игуменов и иеромонахов) [С.102–105].

Однако в той части указа, где излагались цели посольства, ничего не говорилось о желании осетин вступить в российское подданство. От такой конкретизации решено было воздержаться.

И если демонстрация подобной осторожности в целом находила понимание, то по поводу отдельных, частных положений высочайшего указа имелись принципиальные возражения. По крайней мере – у одного человека. Архимандрита Пахомия. Его, мечтавшего возглавить осе-

тинское посольство, категорически не устраивал сделанный «наверху» выбор в пользу другой кандидатуры (служившего в Кизляре поручика Андрея Бибирюлева, грузина по происхождению).

Пахомию пришлось проявить всю свою изобретательность, чтобы решить труднейшую задачу – добиться пересмотра главного для него «кадрового» вопроса. И тут выяснилось, что в ценностных предпочтениях Пахомия высокие державные интересы России, которым он во многих случаях готов был честно служить, оказывались не на первом месте. Жертвовать им все без остатка архимандрит не собирался. Меньше всего Пахомию хотелось бы класть на алтарь свои личные планы, которые, похоже, предполагали не только перспективу его явления ко двору Елизаветы Петровны во главе посланников горского народа, но и ее щедрые воздаяния за заслуги архимандрита в деле приведения осетин под имперский скипетр и в лоно православия.

Ради этого Пахомий закрутил настолько замысловатую интригу, что чуть было сам не стал ее жертвой. Как известно, главные политические решения в стране – при наличии соответствующего одобрения императрицы – принимал Сенат, куда Пахомий не мог обратиться напрямую. Служебная дисциплина заставляла его иметь дело с ведомством, к которому он принадлежал, – с Синодом, располагавшим более ограниченными возможностями. Но у архимандрита было право связываться с кизлярским комендантом князем В.Е.Оболенским, как представителем региональной власти. Этим правом Пахомий решил воспользоваться, зная, что содержание любого его донесения в Кизляр будет – через астраханского губернатора – доведено до сведения Сената, а если нужно, то и Елизаветы Петровны. Тем самым Пахомий, формально не нарушая субординации и установленного порядка, фактически обходил Синод, в котором он стал видеть если и не заведомое препятствие собственным планам, то, по крайней мере, не слишком эффективного союзника.

В январе 1747 года архимандрит отправил к князю В.Е.Оболенскому послание, где подробно излагались идеи, предназначенные для более высоких инстанций (хотя, конечно, была и попутная цель – заручиться личной поддержкой кизлярского начальника). Пахомий гораздо четче и последовательней, чем он делал прежде, провел мысль о неразрывной связи между церковными и политическими делами. По его мнению, осетин отличало особое, «всесловное» расположение и к православию, и к России как к могущественному олицетворению этой веры. Пахомий настойчиво твердит, что у осетинской знати и подвластных людей «горячность к восприятию веры греческого исповедания» неотъ-

емлема от желания быть «в вечном подданстве Всероссийской империи» [С.106–107]³.

Как бы в доказательство Пахомий привез в Кизляр двух осетинских старшин, которые «по ревности к вере христианской» желали креститься именно в этом городе, под личным патронажем кизлярского коменданта, что придавало данному акту явный политический оттенок [С.106–107]. Судя по всему, подразумевалось, что от этих же старшин В.Е.Оболенский должен был собственными ушами услышать заявления о верноподданническом настрое осетинского общества и ходатайства о дозволении его знатым представителям ехать в Петербург «для отдания всерабского к стопам ее императорского величества поклона» и для официального изъявления желания быть «в высокой протекции» Елизаветы Петровны [С.106].

И своим посланием к князю Оболенскому, и своим визитом в Кизляр Пахомий подчеркивал, что в центре всех событий, связанных с Осетией, находится именно он, и никто другой. А это, естественно, должно вознаграждаться предоставлением Пахомию полномочий, соразмерных его заслугам перед православием и перед Российской империей. Всячески избегая проблем со своим непосредственным начальством, архимандрит подробно информировал о всех своих действиях и Синод, от которого ему не удалось скрыть собственных амбиций. Пахомий писал, что осетинские старшины просили, чтобы они «представлены были к пресветлому лицу ее императорского величества не чрез кого, как точно чрез его ж, архимандрита» – «по их к нему привычке и знаемости» [С.112].

Расчет Пахомия оказался верен. На основании его ходатайства Синод составил представление Сенату, куда к тому времени (август 1747 г.) – другим бюрократическим маршрутом – уже пришли бумаги по данному делу от кизлярского коменданта и астраханского губернатора, которых Пахомий, судя по всему, склонил на свою сторону [С.468–469].

3 сентября 1747 года Сенат принял решение «о позволении ему, архимандриту, с тамошними осетинскими из знатной фамилии людьми быть в Санкт-Петербурге». Через четыре дня последовал сенатский указ, обязывавший Коллегию иностранных дел принять данное решение к исполнению [С.113–116]. В этих документах кое-что достойно особого внимания. Если полтора года назад Петербург уклонялся от поста-

³ Эта идея в послании Пахомия повторяется в слегка видоизмененных формулировках шесть раз!

новки вопроса о переходе осетин под протекцию России, то теперь четко прописывалось: горские послы поедут в российскую столицу не только для представления их ко двору Елизаветы Петровны и «для освящения их христианским законом», но и для «принятия в вечное подданство ее императорского величества со всеми их подвластными людьми» [С.112–113, 115].

Как можно предположить с наибольшей вероятностью, в Петербурге поняли, что настало время ввести проблему «подданства» в практический контекст русско-осетинских отношений, даже если ее окончательное решение придется отложить на годы. Отчасти это, конечно, была заслуга неутомимого Пахомия. Однако даже его усилия оказались бы бесполезными, не будь он абсолютно уверен в пророссийских настроениях осетин, сведения о которых, кстати говоря, Петербург получал не только от архимандрита.

Вместе с тем сентябрьские, 1747 года, постановления Сената отнюдь не обещали, что вопрос о присоединении Осетии к Российской империи решится в ходе визита горских посланцев. На пути к этой цели сохранялись серьезные международно-правовые препоны. Парадокс заключался в том, что, с формально-юридической точки зрения, заявления самих осетин об их «вольности», «самовладевательности», «самовластности» – сколь бы искренними они ни были – мало чего стоили. Дело ведь происходило в середине XVIII века, вне политических реалий которого нельзя рассматривать ни один международный вопрос. А эти реалии были таковы, что не позволяли крупным государствам при выяснении отношений друг с другом по поводу спорных территорий приводить в качестве серьезного аргумента мнение людей, проживающих на этих территориях. Утверждения осетин об их независимости не имели никакого реального юридического веса. По-настоящему весомым было другое: они населяли земли, объявленные Белградским договором 1739 года «нейтральным барьером» между Российской и Османской империями. Остальное не играло принципиальной роли.

Ситуация была патовой. Осетины стремились в подданство России, но Россия не могла удовлетворить их желания, ибо не имела прав на земли, где они жили. Воля народа и статус территории вступали в острое и пока еще неразрешимое противоречие. Предпочесть первое и пренебречь вторым Россия не могла ни по формальным, ни по практическим соображениям. Она аккуратно придерживалась принципа *pacta sunt servanda*, поскольку избегала войны с Турцией и не хотела потерять

репутацию цивилизованного государства, соблюдающего международные обязательства.

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что в сенатских документах неизменно звучал вопрос, не будет ли приведение осетин к присяге на верность ее императорскому величеству «противно» заключенным прежде русско-турецким и русско-иранским договорам? [С.114, 116] Сомнения на сей счет никуда не делись, но они не стали непреодолимым препятствием к организации визита осетинских послов в Петербург, официальная подготовка которого началась с сентября 1747 года. В конце концов, само по себе их появление в столице ни к чему Россию не обязывало. Было много способов устроить все так, что, с одной стороны, визитеры останутся довольными, даже не достигнув своих политических целей, с другой, – удастся избежать ненужных подозрений Порты. (Так оно в принципе и случится.)

О ПОЛЬЗЕ ДЕФИЦИТА БЛАГОЧЕСТИЯ

Однако санкционированный «сверху» процесс подготовки визита осетинского посольства внезапно осложнился «снизу». Дело в том, что по целому ряду объективных и субъективных причин внутри грузинской миссионерской группы давно назревала конфликтная ситуация. В значительной степени виноват в этом Пахомий, и не только потому, что на него, как на руководителя, по определению ложилась главная ответственность за работу миссии и за ее внутреннюю атмосферу. Архимандрит вел дела таким образом, что у его подопечных возникали основания для подозрений, обид и недовольства. Он, судя по всему, не упускал возможности манипулировать теми средствами, которые давались ему в распоряжение, но не в собственность. Пахомий обзавелся сельскохозяйственными угодьями и промыслами в Кизляре, где он стал бывать все чаще. Не имея достаточных нравственных сил, чтобы соответствовать высоким образцам благочестия, архимандрит зачастую служил не лучшим примером как для присных, так и для паствы.

Всю отчетную документацию Пахомий сосредоточил в своих руках: она повествовала, как правило, о его заслугах, но там почти ничего не говорилось о деятельности рядовых членов миссии, и это лишало их стимулов радеть о деле, не жалея себя.

Какие-то не вполне ясные отношения архимандрит поддерживал с имеретинским царем Соломоном и представителями кахетинской цар-

ской фамилии. Благодаря всем этим обстоятельствам в сочетании с особенностями беспокойной натуры Пахомия, дух интриги проникал в миссионерскую работу все глубже.

Ситуация отягощалась тем, что миссия Пахомия примерно с середины 1747 года официально получила статус некой самостоятельной институции под названием «Осетинская (духовная) комиссия» [С.111]⁴. Это свидетельствовало о повышавшемся интересе Петербурга к осетинскому вопросу и влекло за собой соответствующие организационно-финансовые последствия, что создавало еще более благоприятную почву для обострения противоречий между членами данной организации.

Перед Пахомием открылись соблазнительные перспективы, делиться которыми он ни с кем не собирался. Архимандрит не только получил в свои руки новоучрежденное «ведомство» с широкими возможностями и хорошим бюджетом, но также оказался, как и мечтал, во главе важного политико-дипломатического предприятия – осетинского посольства, направлявшегося ко двору Елизаветы Петровны. Такой успех кружил голову. В стиле руководства Осетинской комиссии усилились авторитарные тенденции. На них рядовые члены отвечали тихим ропотом, который подавлялся разными, в том числе малопрстойными, способами, что еще больше нагнетало внутреннее напряжение и чувство сомнения в праведности Пахомия.

Архимандрит вольно или невольно создал обстановку, идеально предрасполагавшую к появлению в его окружении человека, способного и готового аккумулировать эти настроения, чтобы направить их к одной, для многих понятной цели – низложению Пахомия. И этот человек не замедлил появиться. Звали его Кайхосро Махотелов. Он был братом члена Осетинской комиссии игумена Николая и сам попросился в миссионеры. Об удовлетворении его прошения Пахомий ходатайствовал перед Синодом, еще не зная, что берет на службу опаснейшего соперника с огромными амбициями и талантом интригана [С.123]. В своей ошибке, едва не ставшей роковой, Пахомию пришлось убедиться очень скоро.

Между тем Синод ориентировал Осетинскую комиссию на углубление миссионерской работы, в том числе путем подготовки «кадров», которые будут переводить богослужебную литературу с грузинского на осетинский язык [С.96–98]⁵.

⁴ В исторических документах это название появляется с июля 1747 г.

⁵ На тот момент решение данной проблемы оказалось невозможным.

Не ослаблял своего внимания к деятельности Комиссии и Сенат. Он повысил субсидии на ее нужды и выделил специальные суммы на поощрение осетин, приезжавших в Кизляр для принятия православия и для поступления на императорскую службу [С.108–110].

Что касается приведения всего осетинского народа к присяге на подданство России, то с этим решено было повременить. Причина оставалась прежней. Петербург никак не мог точно уяснить для себя международно-правовой статус «онаго народа». С одной стороны, Коллегия иностранных дел вроде бы готова была поверить собранной из разных источников информации о том, что осетины «вольны» и «ни у кого в подданстве не состоят». С другой стороны, именно эта «вольность» (не говоря уже о сведениях относительно некоторой степени зависимости осетин от кабардинских князей) и порождала опасения, что Порта может считать Осетию частью «нейтрального барьера».

Поэтому Петербург счел целесообразным временно отказаться от идеи «пакетного» подхода к осетинскому вопросу – «крещение плюс подданство». Мотивировалось это двумя соображениями. Во-первых, присяга людей, «в вере и благочестии совершенно еще не утвердившихся», «малополезна и впредь едва ли прочна». Во-вторых, такой присягой «может соседственным (с Россией. – *В.Д.*) державам, яко то персам и туркам, некоторый омбраз (обида. – *В.Д.*) подан быть, будто бы... против их сей народ к здешней стороне привлекается и в подданство приводится» [С.120–121. См. также: С.123–127].

Создавалось впечатление, будто принцип «через проповедь к присяге», совсем недавно взятый на вооружение российской политикой на Центральном Кавказе, упразднен. Однако это было не совсем так. Речь шла не об отказе от избранной стратегии, а о корректировке ее временных рамок в соответствии со сложными международными обстоятельствами. Выбор был сделан в пользу политики терпеливого выжидания того момента, когда ограничительные факторы исчезнут по тем или иным причинам. Наиболее вероятная из таких причин заключалась в открытом столкновении между Россией и Турцией, перед перспективой которого Петербург не испытывал ни чувства радости, ни чувства страха. Пока же этот момент не наступил, Осетинской комиссии предписывалось по возможности не мешать религию с политикой и от «приведения их (осетин. – *В.Д.*) к присяге ныне удержаться, пока оной народ весь генерально будет обращен и в истинном познании закона божия и благочестия утердится» [С.121–122. См. также: С.123–127].

Чем больше заботы проявлял Петербург об Осетинской комиссии, тем сложнее становилась обстановка внутри и вокруг нее. Там было что делить и в моральном, и в материальном плане. Крохотное сообщество людей, зачинавшееся как высокий, жертвенный порыв во имя богоспасительных целей, превратилось в арену нешуточных столкновений тщеславий, пороков, земных интересов.

Пахомию понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что «пригретый» им Кайхосро Махотелов никогда не удовольствуется скромной ролью рядового члена Комиссии, поскольку он обладал очень амбициозным и спесивым характером, во многом обусловленным его аристократическим происхождением. «Новобранец», быстро сообразив, в чем уязвимость Пахомия как личности и как организатора дела, решил нанести прицельный удар, чтобы низвергнуть архимандрита и занять его место. До появления Кайхосро никто из грузинских миссионеров не отваживался (да и, видимо, не был заинтересован) выносить сор из избы, хотя компрометирующего материала на Пахомия хватало. Теперь все это грозило вылиться наружу и дойти до Петербурга.

Однако архимандрит был отнюдь не той мишенью, куда мог легко попасть всякий. Обостренное чутье на опасность заставило его действовать в решительном, упреждающем стиле, причем вначале – чужими руками. В декабре 1747 года два его сотрудника донесли в Петербург о том, что Кайхосро с его братом Николаем, действуя «по злему умыслу», осетинский народ «от крещения отвращали», от чего «восприятие веры греческого исповедания» остановилось [С.117–120, 132].

С февраля 1748 года в Синод направляются коллективные послания членов Осетинской комиссии, в которых обвинения в адрес Кайхосро (и игумена Николая) усиливаются. Он, как сообщалось, «отвращал» осетин от намерения вступить в российское подданство, открыто подстрекал их к мятежу, убеждая в том, что деньги и подарки, причитающиеся каждому новокрещенному, разворовываются Пахомием и его подчиненными. Синод уведомлялся не только о «дерзкой клевете» со стороны Кайхосро, но и о попытках шантажа и вымогательства, в коих его требования отступных за согласие больше не «возмущать тихую землю (Осетию. – *В.Д.*)» поднимались до сумм, равных тогдашнему годовому бюджету Комиссии. Все эти обвинения были, в конечном счете, объединены в одно, казалось бы, беспроблемное – учинение «государеву интересному делу (интересам государства. – *В.Д.*) ущербов» [С.128–132].

Имеющиеся исторические источники, при всем их обилии и велеречивости, позволяют воссоздать лишь предположительную картину происходившего, в которой остается очень много неясных вещей. Ясно в ней, пожалуй, одно – глубокая неоднозначность людских характеров, мотивов деяний, их влияние на ход и результаты событий.

Кайхосро, быстро вникший в скрытую от глаз механику работы Комиссии (в том числе финансовую), понял, что в ней немалую роль играла круговая порука. Похоже, он хотел сначала органично встроиться в эту систему, а затем и возглавить ее. Естественно, ключевой помехой, требовавшей устранения, был Пахомий, чьи планы категорически исключали даже намек на возможность материализации такой угрозы. Если вольно допустить (а это нисколько не противоречит логике человеческого поведения в тех обстоятельствах), что между этими двумя персонажами имела место попытка «договориться», то, значит, она провалилась.

Вероятно, принципиальная ошибка Кайхосро заключалась в неправильном выборе плацдарма для наступления, который он создавал «внизу», внутри осетинского общества, и создавал путем насаждения духа «мятежа и возмущения», то есть методами, абсолютно ненавистными для имперской власти. И пока Кайхосро готовил почву для атаки на этом гиблом направлении, Пахомий, не мешкая, решил воспользоваться оплошностью оппонента и ударить по нему «сверху», призывая Петербург пресечь на корню деятельность человека, несущего «развраты и возмущения осетинскому народу». В начале февраля 1748 года архимандрит срочно прибыл в Кизляр, где добился ареста Кайхосро и его брата [С.132–133].

В ответ они, в оправдательных объяснениях Синоду, предприняли тотальное разоблачение деятельности Пахомия и возглавляемой им Комиссии. Со страниц подробнейшего доклада Кайхосро и игумена Николая архимандрит представал махровым казнокрадом, мошенником, склочником, бонвиваном и даже государственным изменником. Список обвинений набирался солидный.

Во-первых, Пахомий пренебрегал своими прямыми обязанностями. Вместо того, чтобы «обретаться для проповеди и обращения осетин к православию» внутри Осетии, он «в Кизляре завел сады и огороды, рыбные ловли, пахотные земли и сенные покосы и более де имеет рачение к своим промыслам, нежели к проповеди слова божия» [С.141, 146].

Во-вторых, Пахомий прямо присваивал себе казенные средства или бесконтрольно растрачивал их отнюдь не по назначению, но в личных интересах. По тайному сговору с отдельными членами Комиссии он «иссорил» государевы деньги «на свои потребности», включая крупные торговые спекуляции. Особая статья его собственных доходов формировалась за счет кражи тех сумм, что положено было выплачивать крестившимся горцам [С.142–144, 146–147, 149–150].

В-третьих, Пахомий насаждал среди миссионеров тягостную атмосферу недоверия, взаимной неприязни, заговоров, от которой страдало общее дело. И эта атмосфера целенаправленно сгущалась архимандритом именно тогда, когда кто-либо из его подчиненных собирался «о всех непорядках где надлежит объявить» [С.146–147, 150–152].

В-четвертых, Пахомий на казенные деньги подкупал осетинских старшин для того, чтобы они уведомили Синод о своем желании видеть во главе осетинского посольства в Петербург только его, архимандрита, и никого другого, иначе они никуда не поедут [С.148].

И, наконец, пятый (по счету, но не по значению) пункт обвинений, предъявленный Пахомию, был самым серьезным. Кайхосро и игумен Николай сообщили в Петербург о подозрительных связях архимандрита, с одной стороны, с имеретинским царем Соломоном и кахетинским царем Теймуразом, – с другой. Братья Махотеловы утверждали, что Пахомий получал от грузинских правителей благодарственные письма и дорогие подарки за стремление привести осетинский народ в их подданство. Более того, в нарушение приказов Синода и Сената, архимандрит самовольно выезжал в Имеретию, а его доверенное лицо – в Кахетию [С.143–145, 147–148, 150–151]. Это уже «тянуло» на государственную измену.

В стремлении представить себя людьми, пострадавшими за правдоискательство, Кайхосро и игумен Николай утверждали, что они не раз «выговаривали» Пахомию за «непорядки» и приверженность «делу негодному». На это он якобы «осердился и стал иметь на них злобу». Архимандрит посоветовал Кайхосро даже не думать о том, чтобы жаловаться в Синод, ибо это – заведомо проигрышный шаг. Почему – Пахомий объяснил с предельной откровенностью и цинизмом. Как оказалось, у архимандрита и в Кизляре, и в Москве есть свои люди, на снижение поддержки которых у него «денег довольно» и которые Кайхосро никогда «не послушают», тем более что против него дадут показания все члены Осетинской комиссии. Если братья Махотеловы посмеют обратиться в Петербург, то им это, предупреждал Пахомий, дорого

обойдется: своего они никогда не добьются, а только сами будут «приведены в вину». Столь откровенные угрозы Пахомий завершает на той же циничной ноте: «ты (Кайхосро. – *В.Д.*) российского поведения (то есть системы кумовства и мздоимства. – *В.Д.*) не знаешь, и по-русски говорить не умеешь», а «мы (архимандрит с братией. – *В.Д.*) и сами поедem все в Синод и нажалуемcя на тебя», и «как нам хочется, то и будет» [С.146, 150–151].

Вывод Кайхосро заключался в том, что они с братом оклеветаны Пахомием за нежелание мириться с его вопиющими злоупотреблениями, за их «тщание и рачительство» в деле утверждения благочестивых идеалов, к осуществлению которых Осетинская комиссия была призвана изначально.

Необходимость реагировать на эти обвинения и контробвинения поставила Синод в сложное положение. Там понимали, что ни одна, ни другая сторона не отличалась праведностью и безупречностью в своих помыслах, поступках, методах достижения целей. Догадывались и о другом: если сведения братьев Махотеловых и были ложны, то далеко не во всем, равно как и не следовало верить всему, что говорил Пахомий. Вопрос стоял о том, кому целесообразнее отдать предпочтение, с точки зрения высоких государственных интересов, – небезгрешному архимандриту, который, однако, являлся частью хоть как-то работающей системы, или «внесистемным оппозиционером», тоже преследовавшим собственную выгоду?

Прагматическая логика вроде бы подсказывала решение в пользу Пахомия. Но имелось препятствие – выдвинутые против архимандрита обвинения в государственной измене, требовавшие тщательной проверки, которую учинили незамедлительно [С.153–161].

Теперь пришел черед оправдываться Пахомию. Оправдывался он своеобразно – не столько доказывая свою невиновность по существу, сколько выдвигая контробвинения, в которых в принципе не было ничего нового, если не считать утверждения, что братья Махотеловы возвели на архимандрита напраслину из чувства личной мести [С.168].

Следственная комиссия работала секретно и обстоятельно, производя необходимые допросы и сличая свидетельские показания самых разных людей. Задача была головоломная: предстояло разобраться в сложнейших перипетиях лобового столкновения двух жестоких интриг и выявить победителя. Щепетильность момента заключалась в том, что само по себе установление истины отнюдь не гарантировало закрытия дела. Существовал целый ряд приводящих факторов объективного и

субъективного свойства, благодаря которым требовалось обвинить одних и оправдать других не в соответствии с результатами расследования, а по соображениям политической целесообразности. Однако даже столь жесткая прагматика не освобождала следственную комиссию от процедуры сбора фактов и формирования доказательной базы в пользу той или иной стороны.

Процесс этот протекал затейливо. По материалам следствия видно, что для Синода оставить без внимания предъявленные против Пахомия аргументы было так же трудно, как и дать им ход. Тот факт, что братья Махотеловы находились под арестом, а архимандрит всего лишь под надзором, вроде бы создавал для последнего более обнадеживающую перспективу, чем для его оппонентов. Но по мере изучения данного дела оно представало в столь неоднозначном виде, что возможность распутать его на месте – то есть в Кизляре и Астрахани, где изначально производились следственные мероприятия, – становилась маловероятной. Когда казалось, будто намечается склонение чаши весов в пользу Пахомия, всплывали дополнительные подробности, бросавшие мрачную тень на его личность и деяния.

Даже если бы у кого-то возникло сильное желание обелить архимандрита во что бы то ни стало, реализовать его можно было бы лишь плотно закрыв глаза на упрямые факты. Беда состояла еще и в том, что некоторые влиятельные люди делать этого не собирались по причине личной неприязни к Пахомию. Так, астраханский губернатор И.О.Брылкин и астраханский епископ Илларион в донесениях в Синод и в Сенат не скрывали своего глубокого недоверия к архимандриту [С.167, 170].

Источником этого чувства, наряду с прочим, были неоднократно подтвержденные сведения о подозрительных связях («пересылках») Пахомия с кахетинским и имеретинским царями – связях, которые вдобавок осуществлялись за счет бюджета Осетинской комиссии. Русское военное начальство на Северном Кавказе всерьез опасалось, что Пахомий «по своей виновности (виновности. – *В.Д.*)» убежит и скроется в Грузии [С.165–167, 170, 172–173, 175–177].

Наличие обвинения в измене императрице Елизавете Петровне являлось самым серьезным препятствием к оправданию Пахомия, даже допуская политическую, да и просто житейскую, целесообразность такого оправдания. Между тем она была налицо. Осуждение и увольнение архимандрита сильно дискредитировало бы Осетинскую комиссию в глазах горского населения и негативно сказалась бы как на

ее последующей деятельности, так и на престиже России вообще. Можно легко понять, почему местные власти старались держать в строгой тайне тот факт, что Пахомий находится под следствием. Впрочем, они сами объяснили это в своих донесениях в Сенат совершенно внятно: опасались доставить «всему осетинскому народу огорчение», ввести его в «сумнение» и оставить «без (пастырского. – В.Д.) наставления», отчего могли произойти «худые следствия» [С.170, 175–176, 179].

Эти донесения, быть может, самое убедительное свидетельство в защиту Пахомия, и парадокс в том, что предоставлено оно далеко не лучшими друзьями архимандрита – астраханским епископом Илларионом и губернатором Иваном Брылкиным. Они вольно или невольно (скорее невольно) признают определенные позитивные результаты деятельности Пахомия в Осетии и его влияние на коренное население, из чего вытекала мысль о нежелательности утраты полезного «кадра», чреватой, кроме того, «вящей конфузией» для осетинского народа – иначе говоря, дестабилизацией ситуации.

То, что мы назвали парадоксом, по сути перестает быть таковым, когда начинаешь задумываться над причинами столь «бережного» отношения Иллариона и Брылкина к подмоченной репутации архимандрита. Судя по имеющимся источникам, трудно найти иное объяснение, кроме предположения о нежелании «астраханцев» приносить интересы российской политики на Северном Кавказе в жертву местным дрязгам и личным проблемам [С.184–185]⁶.

Создается впечатление: будь их воля, Илларион и Брылкин предпочли бы закрыть эту историю, пожурив Пахомия и строго обязав его оздоровить обстановку в его ведомстве. Однако степень замешательства епископа и губернатора по поводу выявления правых и виноватых была настолько велика, что им пришлось откровенно признаться в этом Петербургу. Выяснилась и одна из главных причин, почему следствие зашло в тупик: из-за отсутствия надежных людей со знанием осетинского языка некого было послать в горы для проведения среди местного населения дознания относительно истинного положения вещей.

В результате Илларион и Брылкин отправили в Сенат предложение о перенесении следствия в Москву, в контору Синода [С.164, 167, 170–

⁶ Ради этого епископ Илларион готов был предать забвению свои острые разногласия с Пахомием.

171, 175]. Другими словами, «дело Пахомия» выросло в такую проблему, решение которой вышло за пределы полномочий астраханско-кизлярских властей, и они, кстати, лишь обрадовались возможности снять со своих плеч бремя ответственности за распутывание этого тугого узла [С.167–169, 175–176]⁷.

Синод и Сенат, хотя и не сразу, поддержали идею продолжения следствия в Москве, «по удалению от границы» – то есть подальше от Северного Кавказа, где при любом режиме секретности утечка информации неизбежна и ход дела «от осетинцев утаиться не может», что грозит «худыми следствиями» [С.170–171].

Официальное решение на сей счет было принято, когда в Москве и Петербурге окончательно убедились, что расследование застопорилось по одной причине: «какая сторона из оных (тяжущихся. – В.Д.) сущую истину доносит и которая ж неправедные приносит клеветы – неизвестно», и перспективы выяснения этого слишком туманны [С.174, 178]. И, конечно, несмотря на такую незамысловатую риторику, в русских столицах догадывались, что монополии на «сущую истину» нет и не может быть ни у Пахомия, ни у его противников.

Однако перенести следствие в Москву оказалось не так легко, ибо вся эта и без того темная история приняла остросюжетный поворот. Пахомий, находившийся в Астрахани в статусе поднадзорного, в середине августа 1748 года исчез. Точнее – уехал в глубь Осетии, уведомив епископа Иллариона о том, что ему якобы нужно там быть, согласно какому-то «секретному указу» [С.167, 169].

В Москве встревожились не на шутку, не исключая бегства Пахомия в Грузию. Было приказано втайне учинить розыск [С.179–180, 183, 186]. Но архимандрит действительно поехал в Осетию и никуда бежать не собирался. Он вел себя как человек, не чувствующий за собой никакой вины. И это в той накаленной атмосфере стало, пожалуй, самым сильным аргументом против обвинения в государственной измене.

Впрочем, конца этому делу пока не предвиделось. В тогдашней России подобные подозрения, единожды возникнув, быстро не рассеивались. Следствию требовались безукоризненные доказательства невиновности, а они отсутствовали. Более того, за разработку темы «измены» взялась Коллегия иностранных дел, рассматривая ее со своего ведомственного ракурса, открывавшего в чем-то более широкий вид на

⁷ Заметим, между прочим, что в ходе следственного дела Илларион получил от Синода нагоняй за незначительную оплошность, в которой и его вины-то не было.

цели и интересы России на Северном Кавказе. Во главу угла Коллегия ставила вопрос не о чьей-то персональной вине (имя Пахомия даже не упоминалось), а о том, что вредно и что полезно для российской внешней политики. В категорию «вредно» безусловно попадала перспектива перехода осетин в подданство к грузинским царям, «которые и сами под властью турецкою и персидских шахов находятся». Усиление «сим немалочисленным народом» (по источникам XVIII века население Осетии составляло 200 тысяч человек) грузинских царств было равнозначно усилению Турции и Ирана. Коллегия усматривала в такой тенденции не только «несходство с интересом ее императорского величества», но и очевидную опасность [С.181].

Коллегия считала естественным параллельное решение политических (подданство) и конфессиональных (обращение в православие) проблем, но находила совершенно неприемлемой ситуацию, когда эти проблемы решаются в интересах иностранных государств – «в чужую пользу учиняются». И уж вовсе странно, что на это употребляется «казенное иждивение» (бюджет Осетинской комиссии), предоставленное грузинским «духовным персонам» для «богоудобного дела», но использованное ими, «в противность тому», для «приведения сего народа (осетин. – *В.Д.*) в чужое подданство» [С.181–182].

По мнению Коллегии, сложившиеся в результате деятельности Осетинской комиссии обстоятельства требуют тщательного и неспешного анализа не столько для выявления виновных, сколько для определения и уточнения стратегических приоритетов России на Центральном Кавказе и, в частности, в Осетии. Пока ситуация не прояснится, следует ограничиться там минимальными задачами и отдать предпочтение осторожной политике, стержнем которой предлагалось сделать идею о том, «чтоб сей осетинский народ в прежнем его (независимом. – *В.Д.*) состоянии остался». Такую установку необходимо дать сверху в качестве обязательной к исполнению, «дабы случая не было, так, как ныне от грузинских духовных персон оказалось, в чужое подданство их (осетин. – *В.Д.*) подговаривать и преклонять» [С.181].

Коллегия рекомендовала сосредоточиться на миссионерской работе, но вести ее с помощью «верных, надежных, в учении достаточных и искусных» людей, а не тех, кто создал нынешнюю скандальную ситуацию. Когда Осетинская комиссия будет укомплектована именно такими людьми, то их добродетельными усилиями православная вера у осетин «вкоренена и утверждена будет», что подготовит политические и мо-

СБЛИЖЕНИЕ ПО СЛОЖНОЙ ТРАЕКТОРИИ

рально-психологические условия для добровольного вступления народа в российское подданство [С.182].

Выше мы цитировали коллежское донесение Сенату от 22 ноября 1748 года. Хотя в этом документе вообще отсутствовали имена собственные, а обвинительная составляющая была не на первом плане, он внес свою лепту в усложнение следственного дела Пахомия. В Петербурге еще больше утвердились в решимости разобраться до конца и в понимании того, что сделать это в Кизляре и Астрахани невозможно.

Сенат (протокол от 8 декабря 1748 г.) согласился с мнением Коллегии и сделал соответствующее представление Синоду, в котором также ставился вопрос об обновлении кадрового состава Осетинской комиссии за счет «надежных и рачительных духовных персон», более подходящих для выполнения миссионерских задач и более чутких к интересам России [С.187–189].

(Окончание следует)

Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь его воздействию и не изменяя его. Теперь они начинают сознавать, что даже самые объективные их наблюдения целиком пропитаны принятыми исходными посылками, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования.

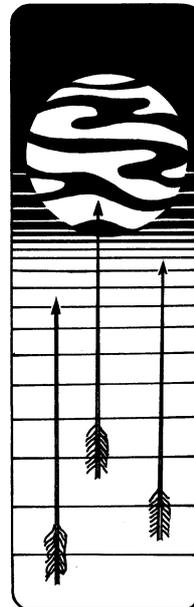
Пьер Тейяр де Шарден

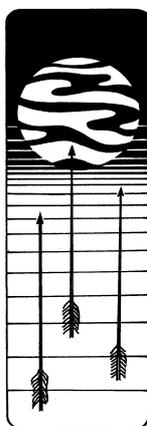
История ... оказывается сродни (независимо от того, что причина и что следствие) душе, а душа – истории. И обе вместе они своим составом и своей сутью соотносятся с «русским» пространством и «русским» временем, с их разрывами,

с их лишенными связей участками
«твердой земли», с их
«несплошностью»
и «несквозностью», аморфностью,
страдательностью...

... Русь не опоздала, не упустила
своего исторического шага... она
усиленными темпами,
с поразительной энергией,
за которой стояла подлинная
духовная жажда, стала обретать то,
что стало главным средством
последующего, через век–полтора,
государственного, политического,
гражданского ... освобождения –
ту духовную культуру, которая,
уходя своими корнями
в христианство, и формировалась
как подлинно христианская
культура.

В.Н. Топоров

Вячеслав Найдыш

**ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ
В ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЕ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ
С ЮБИЛЕЕМ ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
141

The author analyzes the role of Darwinism in the present day spiritual culture and demonstrates the logic of Darwinism emergence, regular and inevitable character of its emergence and subsequent development. It is emphasized that the theory of evolution is the product of 'systemic way of thinking'. Such way of thinking combines poorly with the 'object-centered' thinking which is peculiar for ordinary conscience. The author investigates processes that take place in the contemporary Russian ordinary conscience.

Ключевые слова: эволюция; биология; теория эволюции; дарвинизм; обыденное сознание; креационизм; мифотворчество; история науки; история биологии.

Key words: evolution; biology; the theory of evolution; Darwinism; everyday consciousness; creationism; creation of myths; history of science; history of biology.

E-mail: v.naidysh@bk.ru

**«Двойной юбилей»
и его мировоззренческие
оценки**

В череде недавних знаменательных дат и юбилеев особое значение для мировой науки и культуры имеет двойной юбилей, связанный с именем Чарльза Дарвина (12.02.1809 – 19.04.1882) – 200-летие со дня рождения и 150-летие выхода в свет его главного труда «Происхождение видов» (24 ноября 1859 г.). И действительно, в истории науки и культуры имя Дарвина занимает особое место. Оно – в немногочисленном ряду имен тех величайших мыслителей, которым удалось внести выдающийся вклад не только в развитие конкретно-научного познания, но и в философско-мировоззренческое развитие человечества. Э.Геккель называл Дарвина «Ньютоном органического мира». Символично, что в Вестминстерском аббатстве Дарвин похоронен рядом с И.Ньютоном. В этом сближении имен двух великих ученых есть большой смысл. Как Ньютон завершил труды своих предшественников созданием первой фундаментальной физической теории – классической механики, так Ч.Дарвин довел до завершения процесс поиска способов конкретизации идеи эволюции, создал первую фундаментальную теорию в биологии – теорию естественного отбора – и заложил основания конкретно-научного познания исторического аспекта органических систем.

Прежде всего следует отметить, что научная общественность России вполне достойно отметила знаменательный юбилей. Ведь для любого квалифицированного биолога реальность эволюции очевидна. Она обосновывается, доказывается многочисленными, разнообразными и неоспоримыми фактами, полученными в эмбриологии, сравнительной анатомии, генетике, молекулярной биологии, палеонтологии и других областях биологической науки, а также – что особо значимо – действенными практиками генетической инженерии, современных биотехнологий. Вышло немало интересных и ярких публикаций в научных журналах («Журнал общей биологии», «Природа», «Человек» и др.). Проведен ряд юбилейных республиканских и международных научных конференций¹, теоретических и методологических семинаров и др.

¹ Среди них – Международная научная конференция «Чарльз Дарвин и современная биология» (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2009 г.), юбилейный Съезд генетиков и селекционеров (Москва, 21–27 июня 2009 г.) и др.

Ч.Дарвин

Справедливости ради следует отметить, что и некоторые СМИ попытались объективно оценить творчество Ч.Дарвина, привлекая к освещению юбилея оценки и рассуждения ученых, специалистов, историков науки и др. Вместе с тем складывается впечатление, что в целом отечественные СМИ «отметили» знаменательный юбилей не на должном уровне, нередко подменяя научные и философские оценки дарвинизма низкопробной халтурой, привлекая к освещению глубоких научных проблем людей, далеких от науки, а иногда и просто невежественных витий. И действительно, в российских СМИ юбилей Ч.Дарвина был «отмечен» потоком

«выдающихся» по своей невежественности, нелепости, антинаучности и некомпетентности материалов. Среди них особо «яркими» произведениями оказались два телевизионных фильма², пытающиеся убедить зрителя, что живые организмы – это творение Бога, обитающего где-то во Вселенной и способного засылать эти свои творения на Землю с метеоритами, а также в том, что с точки зрения современной науки человек не произошел от обезьяны и проч. и проч.³ Спустя 150 лет после выхода в свет гениального труда «Происхождение видов путем естественного отбора» – на фоне грандиозных достижений биологии начала XXI в. – отечественные СМИ навязывают массовому сознанию примитивные и невежественные оценки одного из величайших достижений научной мысли. Более того, они, похоже, стремятся к тому, чтобы основополагающие идеи теории эволюции не только не признавались, но и вызвали яростное отторжение!

² «Эволюционные битвы или страсти по Дарвину» (телеканал «Культура», 20 января 2009 г.) и «Обвиняется Чарльз Дарвин» (телеканал «Россия», 13 февраля 2009 г.).

³ См. научный разбор этих телевизионных фильмов: Кузнецов А.Н. Антинаучные страсти на канале «Культура» // В защиту науки. 2009. №5; Орлова О.М. Суд над Дарвином: а судьи кто? // Там же; Северцов А.С. Передача, порочащая телеканал «Культура» // Там же.

И все это происходит на фоне наката очередной мощной исторической волны мифологизации культуры, становления в отечественной духовной культуре целого фронта антинауки, который представлен различными осовремененными формами оккультизма, неомифологизма, язычества, магии, колдовства и др., претендующими на то, что они способны к «непосредственному познанию» мира и сверхъестественному воздействию на природу, общество и самого человека. Деятели антинауки не просто призывают признать в обыденном ремифологизированном сознании, по крайней мере, равноправного с наукой партнера. Они идут дальше. Все чаще звучат голоса о «несостоятельности современной науки», ее «кризисе», вреде научно-технического прогресса, о том, что науке пора возвращать долги обыденному, массовому сознанию, о том, что обществу следует отказаться от идеалов рационализма, установки на познание объективных законов мира, от стремления к объективной истине и др. И все это при активном участии средств массовой информации⁴. Обыденное сознание пытается вытеснить науку в девиантные линии культуры. В ремифологизации духовной культуры и росте антисциентистских настроений обыденное сознание усматривает «исторический реванш» за пренебрежительное отношение к нему в эпоху Модерна.

Ситуация усугубляется тем, что отечественная духовная культура переживает еще и «религиозный ренессанс»⁵. Ощущая прилив «нового дыхания», религиозные конфессии развернули активную пропаганду своего мировоззрения. Не вдаваясь в анализ природы и корней религии как особой формы общественного сознания, далекой от познавательного освоения мира и призванной преодолевать отчуждение человека от мира, гармонизировать отношения человека и мира, исцелять «трагизм мироощущения конечным Я» (для чего нужна вера, источником которой является некоторое мифотворчество)⁶, следует

⁴ См., например: Цуканова И.В. Реанимация жанра видений в современной печати // *Человек в изменяющейся России. Белгород, 2007. Ч.11. С.84–88.*

⁵ См.: Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // *Общественные науки и современность. 2007. №1, 2; Конашев М.Б. Дарвин и религия // Человек. 2009. №5. С.22–23.*

⁶ Как отмечал один из видных представителей современной протестантской теологии П.Тиллих, «только те, кто пережил шок от сознания своей бренности, испытал тревогу от сознания своей конечности и ощутил угрозу небытия, – только они и могут понять, что значит Бог» (Тиллих П. *Систематическая теология. В 3-х т. Т.1–II. М.; СПб., 2000.*

подчеркнуть противоречивое отношение религии к неомифотворчеству и современной антинауке.

На поле критического отношения к новейшей тенденции ремифологизации сознания существуют точки соприкосновения и взаимопонимания научно-рационального и религиозного мировоззрений. Так, некоторые представители РПЦ, имея в виду волну неомифологии, справедливо и здраво отмечают, что «обществу стоило невероятных сил остановить эту вакханалию безумия, изгнать из своей среды на периферию общественной жизни околонуучных шарлатанов. Российская академия наук создала для этой цели Комиссию по борьбе с лженаукой, во главе с академиком РАН Э.Кругляковым. Принципиальную позицию по поддержке деятельности Комиссии РАН занимает и Русская Православная Церковь, которая в вопросах научной достоверности солидарна с членом Комиссии по лженауке академиком В.Гинзбургом, – соперники в вопросах духовного образования в светской школе оказываются соратниками в борьбе за честность научных исследований. Серьезные научные работы никогда не смущали Церковь. Они больше беспокоят оккультистов всех мастей, поспешно объявивших деятельность Комиссии РАН по лженауке современной инквизицией»⁷.

Возможность таких здравых выводов обусловлена тем, что монотеистическая религиозная система по сравнению с мифологией более абстрактна, более рационализированна. Она сознательно противопоставляет себя непосредственной чувственной достоверности как носитель потусторонней «истины». В отличие от мифологии, религия сверхъестественное трансцендирует. При этом предполагается, что трансцендентный абсолют (Бог) принципиально недоступен чувственному восприятию, но доступен такому непосредственному ощущению, которое не поддается всестороннему, полному выражению в рациональных формах. Однако такие формы необходимы для хотя бы частичной характеристики трансцендентного абсолюта. Таким образом, по сравнению с мифологией религия есть некоторое абстрактное учение о Боге, есть некая доктрина, совокупность знаний, теология. Меры ее рационализированности вполне достаточно для преодоления

С.65).

⁷ Белодуров Г., священник. Фильм «вода»: документальная ложь // Киевская Русь. Для тех, кто хочет верить разумно (www.Kiev-orthodox.org).

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

мифологического отождествления субъекта и объекта, предмета и его образа в сознании человека, политеизма и др., но недостаточно для того, чтобы стать в последовательное рефлексивное отношение к мифологии.

И потому здравые оценки неомифологии со стороны представителей церкви не всегда соседствуют, к сожалению, со здравыми оценками роли науки и рационалистической философии в духовной культуре. Борьбу с «воинствующим атеизмом» ортодоксального большевизма некоторые деятели церкви трактуют как борьбу с материализмом во всех его формах, с материализмом как мировоззрением. РПЦ с приходом нового патриарха время от времени выступает с заявлениями, далеко выходящими за рамки толерантности и политкорректности, с позиций антикоммунизма и антисоветизма обрушиваясь не только на советское прошлое, но и на идеалы научно-технического прогресса (пользуясь при этом всеми его благами), на материализм и др. РПЦ стремится к срастанию с государством (что поощряется политикой некоторых государственных структур). При этом одновременно в РПЦ, похоже, возрождаются элементы религиозной нетерпимости, звучат высказывания, в которых по сути объявляется война атеизму. Так, патриарх Кирилл недавно призывал: «...давайте все, кто верит в Бога, объединимся против тех, кто в Бога не верит...»⁸. Неверующие противопоставляются верующим. В наше насыщенное противоречиями общество вносится еще один раскол, уже по мировоззренческому признаку – на верующих и атеистов. Но ведь задача религии, а значит и церкви, не порождать расколы в душах людей, а преодолевать и снимать их имеющимися в ее распоряжении средствами!

На острие новейшей религиозной борьбы с материализмом – теория эволюции. Ей противопоставляется креационизм, т.е. упрощенный, приспособленный для массового сознания комплекс мифологических представлений о порождении Вселенной и органического мира Богом. Если в первой половине и середине XX века было принято считать, что отрицание эволюционизма в пользу креационизма – это «чисто американское явление», особенно южных штатов, то к рубежу XX–XXI вв. креационизм ощутил «новое дыхание» и в ряде европей-

⁸ *Московский Патриархат формирует фронт против «безбожников» // Независимая газета. 2009. 7 декабря.*

ских стран. Так, в Италии в 2004 году правительство С.Берлускони попыталось запретить преподавание эволюции в итальянских школах. В 2006 году к этому же призывал и заместитель министра образования Польши. В 2007 году в Германии министр культуры земли Гессен выступила за преподавание креационизма в школах. По социологическим опросам даже на родине Чарльза Дарвина среди учителей биологии 30% сторонников креационизма.

Не отстает от «мирового сообщества» и новая Россия, где креационизм все шире и все навязчивее пропагандируется средствами массовой информации. По результатам недавних социологических опросов концепцию креационизма разделяют 44% опрошенных, с дарвиновским учением согласны 35%, 21% никак не определяются⁹. По данным социологических исследований об отношении россиян к учению о происхождении человека выяснилось, что 48% опрошенных считают, что человек создан Богом, 34,5% россиян уверены, что современная наука не в состоянии ответить на вопрос о происхождении человека, а 17,5% не имеют определенной точки зрения по данному вопросу¹⁰. Деятели церкви призывают не пропагандировать в школах теорию Дарвина и переписать учебники биологии под углом зрения креационизма. И вот уже школьники (разумеется, воодушевленные родителями) подают иски в суд с требованием отменить преподавание основ эволюционной теории в школе. В России, как в США середины XX в., начинаются «обезьяньи процессы».

На наш взгляд, легкомысленное отношение к этим явлениям было бы неправильным. Они свидетельствуют, скажем прямо и с глубоким сожалением, о деградации отечественной духовной культуры, о декультурализации общества, о том, что высшие, рафинированные, профессионализированные формы отечественной культуры разрушаются, низводятся до уровня обыденного, массового сознания, которое при этом тоже деградирует. Под угрозой – судьбы отечественной науки, системы образования, будущих поколений.

⁹ Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2009. 27 ноября.

¹⁰ Более того, по результатам социологических исследований (2008 г.) приблизительно 20% взрослого населения США и 28% жителей Евросоюза считают, что Солнце обращается вокруг Земли, а в России каждый третий не может правильно назвать причины смены времен года.

**Претензии и возможности
обыденного сознания**

Преобладание стихийных процессов в социально-экономической и социокультурной сферах, господство духа разложения и цинизма, тупого потребительства, обогащения любой

ценой, снижение стандартов образования и уровня образованности в обществе (в силу весьма противоречивого реформирования отечественной системы образования), оттеснение на второстепенные роли рационализированных форм культуры придает обыденному сознанию самоощущение культурного доминирования. Оно выдает себя за магистральную линию культуры, не нуждающуюся в профессионализме, высоких требованиях к результатам деятельности, в творчестве. Понятно, что такой тренд духовной культуры исключает любые серьезные перспективы у программы модернизации страны, ее выхода на передовые рубежи современного научно-технического прогресса.

Обыденное сознание – это тот фундаментальный пласт общественного сознания, в котором отражается феноменальная сторона бытия, сфера (многообразного, неповторимого, насыщенного случайностью и неповторимостью) явления. В то время как сущностная сторона бытия отражается профессионализированными видами культурного творчества, направленными на созидание форм обобщенного и опосредованного, закономерного знания и переживания мира (наука, философия, искусство и др.). Как неразрывно связаны между собой феноменальный и сущностный аспекты бытия, так органично связаны, взаимодействуют между собой, взаимно обогащаются обыденный и профессионализированный уровни общественного сознания.

В структуре и функционировании обыденного сознания можно выделить две закономерные стороны. Во-первых, в той мере, в какой обыденное сознание апробировано повседневной практикой, оно имеет рациональные основания, позволяет человеку адекватно ориентироваться в определенном круге явлений природы и общества, устоявшихся жизненных обстоятельствах, различать существенное и несущественное, закономерное и случайное и т.д. Именно это делает его здоровым консерватором, позволяет ему отсеивать очевидные заблуждения, сохраняя тем самым рациональный фундамент духовной культуры. Эта сторона обыденного сознания (здравый смысл) делает такое сознание в том числе и идеологической базой демократического развития общественных процессов, особенно в условиях гражданского общества.

Но есть и вторая закономерная сторона в функционировании обыденного сознания. Обыденное сознание по существу своему эмпирично, а значит, антиисторично, нерелексивно и способно к обобщению лишь в формах наглядной образности. В силу своей стихийно-эмпирической природы, обыденное сознание несистематично, не оперирует процедурами обоснования знания, содержит, наряду с проверенными знаниями, и предрассудки, заблуждения и др. Оно плохо приспособлено для отражения сложных, системных, исторически развивающихся объектов. Поэтому в областях, выходящих за узкие рамки житейского опыта, далеких от повседневной практики, требующих для своего постижения развитого, научного мышления, обыденное сознание проявляет свою ограниченность; его духовный потенциал узок и малопродуктивен. В воспроизводстве политических отношений эта вторая сторона обыденного сознания реализует негативные аспекты демократии – нацеленность демократических институтов на решение в основном ситуационных, ситуационных задач, ориентацию целей политики (как системы управления обществом) на непосредственные мотивы и потребности господствующих социальных групп при почти полном безразличии к стратегическим проблемам, вытекающим из глубинных закономерностей общественно-исторического развития.

В условиях свободно развивающегося социокультурного процесса эти две стороны обыденного сознания обычно сбалансированы. Здесь обыденное сознание открыто для углубления, обогащения, оно насыщается разнообразными продуктами специализированного, профессионального духовного производства (научными, нравственными, эстетическими, философскими и др. представлениями и ценностями). Это происходит как путем целенаправленной «индоктринации» через систему образования, так и в процессе открытого, свободного взаимодействия пластов обыденного и профессионализированного (теоретического) сознания. При этом важную роль играет и своеобразный «принцип демаркации», т.е. понимание того, что обыденному сознанию (как менее развитому, несистематизированному, до(вне)теоретическому) не следует претендовать на роль арбитра в вопросах, относящихся к результатам высших форм духовной культуры, особенно рационализированных и понятийно-теоретических, таких как фундаментальная наука. С позиций обыденного сознания их содержание адекватно не оценивается.

И, наоборот, если движение общества затормаживается, приобретает кризисный характер, то обыденное сознание дерационализируется, ре-

мифологизируется, утрачивает способность к адекватной ориентации в мире природных и социальных явлений. В этих условиях его претензии на какую-либо социокультурную значимость чреваты сползанием в рутинный консерватизм и посредственность. А общество при этом погружается в дремучее Средневековье с его неспособностью к научно-рациональному мышлению, техническому прогрессу, с сознанием, в котором субъективизированные ценности (в том числе и вера в господство сверхъестественного) превалируют над объективным знанием о мире.

При этом следует особо отметить, что во взаимодействии обыденного сознания и профессионализированных, элитарных форм культуры важен такой (почти полностью исчезнувший у нас) жанр творчества, как популяризация науки и техники, их истории. Историзм науки – важнейшая часть историзма духовной культуры как целого, без усвоения которой эффективное противостояние обыденному сознанию невозможно. История науки позволяет создать целостное представление об историческом развитии познавательной деятельности, ее связей с различными отраслями практики, общественной жизни, культуры; реконструировать интеллектуальные усилия и поиски, духовные искания; воссоздать драму борьбы научных идей, школ, направлений; а вместе с тем – раскрыть загадки творческого рационального мышления; обосновать ценности и нормы научно-познавательной деятельности. Обращение к истории науки позволяет не только понять ее специфику как форму духовной культуры, но и оттачивать, укреплять и развивать важнейшие черты научно-познавательной деятельности, обогащать идейный потенциал науки. А популяризация истории науки способствует обогащению обыденного сознания, его насыщению высшими достижениями культуры.

В начале XXI века в условиях глубинного социально-экономического и культурного кризиса отечественное обыденное сознание все более отчуждается от высших достижений науки и культуры, насыщается доктринерством и самодовольным догматизмом, деградирует. Степень его неадекватности реальным социальным и природным процессам резко возросла. За короткий исторический срок в полтора–два десятилетия по своим содержательным и функциональным характеристикам отечественное обыденное сознание оказалось отброшенным на сто – сто пятьдесят лет назад. Современное отечественное обыденное сознание оказывается неспособным усвоить даже результаты научного освоения

мира, системного мышления середины XIX века, одним из выдающихся проявлений которого явилась теория Дарвина.

Истоки дарвинизма

Юбилей Ч.Дарвина – хороший повод обратиться к истории дарвинизма и эволюционных учений. История биологии позволяет понять как истоки дарвинизма, так и корни

современного антидарвинизма. Дарвинизм – закономерный и неизбежный результат развития биологического познания в XVIII – начале XIX века. Теория Дарвина представляет собой сложнейший синтез самых различных биологических знаний, в том числе опыта практической селекции. Процесс ее становления и развития охватывает самые разнообразные отрасли биологической науки. Он носил сложный, подчас драматический характер, протекал в напряженной идейной и теоретической борьбе различных мнений, взглядов, школ, мировоззрений, тенденций и т.д. Предпосылки этой теории складывались еще в XVIII веке (прежде всего в систематике и эмбриологии), когда в биологическом познании произошел коренной перелом в направлении систематической разработки научных методов познания.

Начиная с середины XVIII века получили широкое распространение концепции трансформизма. Их было множество, и различались они представлениями о том, какие таксоны¹¹ и каким образом могут претерпевать качественные преобразования. Наиболее распространенной была точка зрения, в соответствии с которой виды остаются неизменными, а разновидности могут изменяться (К.Линней). Наряду с такой точкой зрения существовала и другая, допускавшая трансформацию самих видов (Ж.Бюффон). Допущение изменчивости видов в ограниченных пределах под воздействием внешних условий, гибридизации и пр. характерно для целого ряда трансформистов XVIII столетия. В некоторых трансформистских концепциях даже допускалась возможность резких превращений одних организмов в другие, взаимных преобразований любых таксонов. Трансформизм – это полуэмпирическая позиция, построенная на основе обобщения большого числа фактов, свидетельствовавших о наличии глубинных взаимосвязей между видами, родами и

¹¹ Таксон – подразделение биологической систематики определенного ранга (отдел, класс, порядок, семейство, род, вид, подвид и др.).

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

другими таксонами. Но сущность этих глубинных взаимосвязей пока еще не была понята. «Выход» на познание такой сущности и означал переход от трансформизма к эволюционизму. Чтобы перейти от представления о трансформации видов к идее эволюции, исторического развития видов было необходимо «обратить» процесс образования видов в историю, увидеть созидающую роль фактора времени в историческом развитии организмов, поставить вопрос о «механизме» порождения качественно нового в историческом развитии живого.

Важным являлся и мировоззренческий аспект проблемы историзма живого. Куда заведет исследование истории живого – в глубь материальных, природных процессов или в сферу сверхъестественного, божественного? В XIX веке многие идеалистически настроенные естествоиспытатели связывали перспективы биологического познания именно с ориентацией на нематериальные факторы¹². В биологии гораздо дольше, чем в других отраслях естествознания, сосуществовали объективно-идеалистическая и материалистическая трактовки природы объекта. По мере развития биологии

Ж.Б.Ламарк

стихийная материалистическая ориентация ученых становилась все более весомой. Конструктивная линия в этом вопросе была выражена деизмом, который позволял не обострять мировоззренческие отношения биологии и религии и одновременно материалистически решать вопрос о природе факторов, обеспечивающих развитие органических форм. Материализм под оболочкой деизма просматривается у Ж.Б.Ламарка, который призывал различать два процесса: творение и производство. Творение нового – это божественный акт, производство – естественный

¹² Так, в 1836 году К.М.Бэр писал: «Всякое бытие есть не что иное, как продолжение создания, и все естественные науки – только длинное пояснение единого слова: да будет!» (Бэр К. Взгляд на развитие наук // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959. С.219).

закономерный процесс порождения природой новых форм. «Творить может только бог, – утверждал Ламарк, – тогда как природа может только производить. Мы должны допустить, что для своих творений боже-ству не нужно время, между тем как природа может действовать только в пределах определенного времени» и «создавать все доступные нашему наблюдению тела и производить все происходящие в них перемены, видоизменения, даже разрушения и возобновления»¹³. Природные формы не содержат в себе ничего, что связывало бы их напрямую с божественной субстанцией, и поэтому их познание должно ориентироваться прежде всего на материальные причины. Вместе с тем ранний эволюционизм был склонен к компромиссам с креационизмом, религиозным сознанием. Так, Ламарк допускал, что само стремление органических форм к прогрессу изначально заложено творцом. Еще более тесная связь эволюции и творца предполагалась в концепции катастрофизма. И тем не менее в XIX веке постепенно укреплялось представление о том, что мир органических форм, мир живого образовался естественным образом, порожден материальной природой без прямого либо косвенного вмешательства потусторонних сил. Формирование такой установки было важнейшей предпосылкой преобразования биологического познания в науку, хотя рецидивы витализма время от времени проявляли себя вплоть до первой половины XX столетия.

Накопление эмпирических и теоретико-методологических предпосылок теории развития шло широким фронтом. Шло становление таких важных отраслей биологического знания, как биостратиграфия, палеонтология, систематика, эмбриология, развивалась историческая геология. На уровне теоретического синтеза важную конструктивную роль сыграла необходимость осмысления природы «лестницы существ», т.е. образа последовательно расположенных, непрерывно усложняющихся органических форм (Ш.Боннэ). В ходе конкретизации идеи развития еще задолго до Ч.Дарвина был построен ряд важных теоретических концепций, развивавших различные принципы, подходы к теории эволюции. К самым значительным и относительно завершенным гипотезам следует отнести ламаркизм, катастрофизм и униформизм.

Ж.-Б.Ламарк – один из первых, кто остро осознавал необходимость решительного разрыва со схоластикой и верой в авторитеты; потреб-

¹³ Ламарк Ж.-Б. Аналитическая система положительных знаний человека, полученная прямо или косвенно из наблюдений // Избранные произведения. В 2 т. М., 1959. Т.2. С.354; 353.

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ность в обобщающей теории развития органических форм. Ламарк существенно расширил эмпирическую базу эволюционного учения за счет введения зоологии беспозвоночных, которая до него должным образом не оценивалась как источник для эволюционистских обобщений. Базой ламарковской концепции эволюции послужили следующие важные обстоятельства:

наличие в систематике разновидностей, которые занимают промежуточное положение между двумя видами;

изменение видовых форм при переходе их в иные экологические и географические условия;

трудности классификации близких видов и наличие в природе большого количества так называемых «сомнительных видов»;

факты гибридизации и особенно отдаленной, в том числе и межвидовой;

обнаружение ископаемых форм;

изменения, претерпеваемые животными при их одомашнивании, а растениями при их окультуривании и др.

Эти данные Ламарк обобщает через ряд новых для того времени теоретических представлений. Во-первых, он настойчиво подчеркивает важность времени как фактора эволюции органических форм. Во-вторых, последовательно утверждает идею о развитии органических форм как о естественном процессе восхождения их от низших к высшим. В-третьих, по сравнению со своими предшественниками поновому трактует роль среды в развитии органических форм. Если до Ламарка господствовало представление о том, что среда – это либо вредный для организма фактор, либо, в лучшем случае, нейтральный, то благодаря Ламарку среду стали понимать как условие эволюции органических форм.

В основу гипотезы эволюции Ламарком были положены два принципа – градации (стремление к совершенству, к повышению организации, изначально присущее живому) и прямого приспособления к условиям внешней среды, который, в свою очередь, конкретизировался в двух законах.

Первый – закон изменения органов под влиянием продолжительного упражнения сообразно новым потребностям и привычкам. Постоянное употребление органа ведет к его усиленному развитию, а неупотребление – к ослаблению и последующему исчезновению.

Второй – закон наследования приобретенных изменений новым поколением. Результаты усиленного употребления или неупотребления органов передаются по наследству. Согласно теории Ламарка, современные виды живых существ произошли от ранее живших путем наследования приспособлений. А сами приспособления возникли в результате присущего организмам стремления целесообразно реагировать на изменения внешних условий, окружающей среды¹⁴.

Эволюционная концепция Ламарка оценивалась современниками как надуманная и мало кем разделялась. Тем не менее она носила новаторский характер, была первой обстоятельной попыткой универсального решения проблемы эволюции органических форм. Важно то, что Ламарк искал объяснение эволюции во взаимодействии организма и среды и стремился материалистически трактовать факторы эволюции. Главная методологическая трудность, стоявшая перед ним, заключалась в воспроизведении взаимодействия внешнего и внутреннего, организма и среды. Отсутствие системной методологии привело Ламарка к представлениям, что внешний (эктогенез) и внутренний (автогенез) факторы эволюции независимы друг от друга, что наследственная изменчивость и приспособление организма это одно и то же, что факторы эволюции неизменны; он был склонен к уступкам телеологизму и др. В начале XIX века наука еще не располагала достаточным материалом для того, чтобы ответить на вопрос о происхождении видов иначе, как предвосхищая будущее, пророчествуя о нем. Первым таким «пророком» и стал Ламарк¹⁵.

¹⁴ Например, жираф, видя растущие на высоком дереве листья, вытягивал свою шею, и это вытягивание было унаследовано его потомками. А длинная шея болотных птиц появилась как результат нежелания нырять для того, чтобы достать корм со дна; соответствующие тренировки вызвали прилив крови и усилили рост шеи.

¹⁵ В истории биологии XIX–XX вв. ламаркизм неоднократно трансформировался. При этом приобретал подчас самые причудливые концептуальные формы. Они обычно противопоставлялись друг от друга эктогенеза и автогенеза. Большинство этих концепций открыто противопоставлялись дарвинизму. Здесь и механоламаркизм (Г.Спенсер, А.Жиар, Г.Бонье и др.), который приписывал решающую роль в эволюции условиям внешней среды и отрицал значение естественного отбора. Отечественной разновидностью механоламаркизма был лысенкоизм, который декларировал свою (мнимую) близость к дарвинизму. Другая крайность – приписывание решающей роли в эволюции условиям внутренней среды – проявилась в ортоламаркизме (К.Негели, Г.Осборн, Л.С.Берг и др.), разновидностью которого выступал психоламаркизм (Э.Геринг, О.Гертвиг и др.), усмат-

Иным образом конкретизировалась идея развития в учении катастрофизма¹⁶. Если Ламарк старался своей деистической позицией отодвинуть роль божественного «творчества», отгородить органический мир от вмешательства творца, то катастрофисты, наоборот, приближают бога к природе, непосредственно вводят в свою концепцию представление о прямом божественном вмешательстве в ход природных процессов. В основе катастрофизма – допущение существования скачков, перерывов постепенности в развитии. Катастрофизм есть такая разновидность гипотез органической эволюции, в которой прогресс органических форм объясняется через признание неизменяемости отдельных биологических видов. В этом, пожалуй, главное своеобразие данной концепции.

В системе эмпирических предпосылок катастрофизма:

отсутствие палеонтологических связей между историческими сменяющимися друг друга флорами и фаунами;

существование резких перерывов между смежными геологическими слоями;

отсутствие переходных форм между современными и ископаемыми видами;

малая изменяемость видов на протяжении культурной истории человечества;

устойчивость, стабильность современных видов;

редкость случаев образования межвидовых гибридов;

обнаружение обширных излияний лавы;

обнаружение смены земных отложений морскими и наоборот;

наличие целых серий перевернутых пластов, существование трещин в пластах и глубинных разломов коры.

В начале XIX века длительность существования Земли оценивалась примерно в 100 тыс. лет – таким относительно небольшим сроком трудно объяснить эволюцию органических форм¹⁷.

ривавший основной источник эволюции в целенаправленных психических актах организмов или даже клеточной их основы. Психоламаркизм близок к неовитализму (А.Вагнер, А.Паули и др.).

¹⁶ Ж.Кювье, Л.Агассис, А.Седжвик, У.Букланд, А.Мильн-Эдвардс, Р.И.Мурчисон, Р.Оуэн и др.

¹⁷ В течение многих веков возраст Земли оценивался в несколько тысяч лет (это соответствовало библейскому мифу о сотворении мира). К концу XVIII века геология уже

Теоретическим ядром катастрофизма является принцип разграничения действующих в настоящем и действовавших в прошлом сил и законов природы. Первые качественно отличаются от вторых. В отдаленные времена проявляли себя мощные, взрывные, катастрофические силы, прерывавшие спокойное течение геологических и биологических процессов. Мощностъ этих сил настолько велика, что их природа не может быть установлена средствами научного анализа. Наука может судить не о причинах этих сил, а лишь об их последствиях. Этот принцип обосновывался в геологических представлениях о внезапности катастроф, о крайне неравномерной скорости процессов преобразования поверхности Земли, о том, что история Земли есть процесс периодической смены одного типа геологических изменений другим, причем между сменяющимися друг друга периодами нет никакой закономерной, преемственной связи.

Ж.Кювье

По отношению к органической эволюции эти геологические представления конкретизировались в двух постулатах. Во-первых, в допущении коренных качественных изменений органического мира в результате катастроф. Во-вторых, в постулировании прогрессивного восхождения органических форм после очередной катастрофы. С точки зрения Ж.Кювье, те незначительные изменения, которые имели место в периоды между катастрофами, не могли привести к качественному преобразованию видов. Только в периоды катастроф, мировых пертурбаций исчезают одни виды животных и растений и появляются другие, качественно новые.

становилась настоящей наукой, и большинство геологов начали осознать, что такие процессы, как образование осадочных пород или выветривание, имеют затяжной характер и совершаются за огромные промежутки времени. Если во второй половине XVIII в. возраст Земли оценивался геологами лишь в 75 тыс. лет, то к середине XIX столетия этот отрезок времени «растянулся» до сотен миллионов лет. В настоящее время методами радиоактивного датирования возраст Земли оценивается в 4,6 млрд. лет.

Согласно этой теории, было четыре последовательных акта творения и между ними три глобальные катастрофы. Можно ли выделить инвариантные черты у видов, сменяющих друг друга после очередной катастрофы? По мнению Кювье, можно. Он выделял четыре основных типа животных (позвоночные, мягкотелые, членистые и лучистые), с каждым из которых связывал определенный «план композиции» признаков организма. «План композиции» у катастрофистов – нематериальная сила, идеальный организующий центр божественного творения. По их мнению, добавление «творящей силы» после каждой очередной катастрофы определяет прогрессивное восхождение органических форм¹⁸.

В отечественной историко-научной литературе концепция катастрофизма (в силу ее компромиссного характера, уступок креационизму, религиозному мировоззрению) долгое время недооценивалась. В действительности значение катастрофизма в истории геологии, палеонтологии, биологии велико. Идеи катастрофизма способствовали:

развитию стратиграфии,

связыванию истории развития геологического и биологического миров, введению представления о неравномерности темпов преобразования поверхности Земли,

выделению качественного своеобразия определенных периодов в истории Земли,

исследованию закономерностей повышения уровня организации видов в рамках общих ароморфозов и др.

В исторической геологии и палеонтологии не потеряло своего значения и само понятие «катастрофа»: современная наука также не отрицает геологических катастроф. Критикуя упрощенные трактовки биологической эволюции, катастрофизм внес свой весьма весомый вклад в становление дарвинизма. Кстати, в Кембридже в 1831 году Ч. Дарвин слушал лекции по геологии А. Седжвика (главы английской школы катастрофизма), оказавшие на формирование его взглядов большое влияние.

Но особенное влияние на Ч. Дарвина оказал униформизм, активно разрабатывавшийся в первой половине XIX века (Ч. Лайель, Дж. Геттон, К. Гофф и др.). Если катастрофизм вводил в теорию развития Земли сверхъестественные факторы и отказывался от научного исследования закономерностей и причин древних геологических процессов, то унифор-

¹⁸ Кювье Ж. *Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара*. М.: Л., 1937.

мизм, наоборот, выдвигал принцип познаваемости истории Земли и органического мира. Униформисты выступали против катастрофизма, критикуя прежде всего неопределенность представления о причинах катастроф. Ядром униформизма являлся актуалистический метод, который рассматривался как ключ для познания древних геологических процессов. Актуалистический метод предполагал преемственность прошлого и настоящего, тождественность современных и древних геологических процессов. По характеру современных геологических процессов можно с определенной степенью приближения описать закономерности древних процессов, в том числе и образование горных пород¹⁹.

Ч.Лайель

Вместе с тем сам Лайель систематически применял актуалистический метод лишь к неживой природе, а в области органических процессов он делал серьезные уступки катастрофизму, допуская возможность актов божественного творения органических форм.

К эмпирическим предпосылкам концепции униформизма следует отнести:

установление того, что возраст Земли намного больше, чем предполагали катастрофисты;

способность рек прорезать глубокие ущелья в пластах лавы;

установление причинной связи между вулканизмом и тектоническими нарушениями;

установление того, что третичное время состоит в действительности из нескольких периодов (эоцен, миоцен, ранний и поздний плиоцен),

¹⁹ Пропагандируя всемогущество актуалистического метода, Ч.Лайель писал, что с его помощью человек становится способным «не только исчислять миры, рассеянные за пределами нашего слабого зрения, но даже проследить события бесчисленных веков, предшествовавших созданию человека, и проникнуть в сокровенные тайны океана или внутренностей земного шара» (Лайель Ч. Основные начала геологии. СПб., 1866. Ч.1. С.229).

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

которые были весьма продолжительными для того, чтобы накопились мощные осадки и произошли значительные изменения в органическом мире;

факты медленных, без катастроф поднятий суши (в частности, островов) и др.

Униформизм опирался на следующие теоретические принципы. Во-первых, однообразие действующих факторов и законов природы, их неизменяемость на протяжении истории Земли. Во-вторых, непрерывность действия факторов и законов, отсутствие всяческих переворотов, скачков в истории Земли. В-третьих, суммирование мелких отклонений в течение громадных периодов времени. В-четвертых, потенциальная обратимость явлений и отрицание прогресса в развитии. Униформизм трактовал эволюцию как цикличность, не видел в эволюции необратимости и направленности. С точки зрения сторонников униформизма, Земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом.

Таким образом, в первой половине XIX века была разработана целая группа додарвиновских гипотез эволюции, которые были необходимыми звеньями в цепи предпосылок теории естественного отбора, но сами (и в концептуальном, и в методологическом, и в эмпирическом, и в мировоззренческом плане) не «дотягивали» до уровня научной теории. Для них характерно отсутствие развернутых представлений о факторах эволюции органического мира, в частности, здесь еще не было ясных представлений о взаимосвязи видообразования и вымирания. Так, Ламарк исходил из того, что видообразование не нуждается в вымирании, а определяется только приспособляемостью и передачей приобретенных признаков по наследству. А те, кто обращал внимание на вымирание (например, униформисты), считали, что вымирание несовместимо с естественным образованием видов, и предполагали участие в этом процессе творца. Кроме того, еще сильны были представления о том, что сущность органических форм неизменна и внеприродна и как таковая может быть изменена только богом. Были недостаточно разработаны проблемы методологии биологического познания. В частности, не было ясности, каким образом надо строить научную аргументацию и что является ее решающим основанием. Доказательством часто считали либо наглядные демон-

страции²⁰, либо абстрактно-умозрительные соображения натурфилософского порядка. Не ясен был характер взаимосвязи теории и опыта. Долгое время, вплоть до начала XX века, многие биологи исходили из того, что одного факта, несовместимого с теорией, достаточно для ее опровержения. Был неразвит и понятийный аппарат биологии. Это проявлялось, в частности, в недифференцированности содержания многих понятий. Например, отождествлялись реальность и неизменность видов; изменяемость видов считалась равнозначной тому, что вид реально не существует, а есть результат классифицирующей деятельности мышления ученого и др. Требовалось выработать новые понятия и представления, новые закономерности, отражающие сложный характер взаимодействий, отношений организма и среды²¹. Одно из главных препятствий на этом пути – неразвитость системного мышления, господство предметоцентрического мировоззрения²² и соответствующей ему методологии²³.

В первой трети XIX века не вполне сложились и эмпирические предпосылки эволюционной теории. Они накапливались всем ходом развития палеонтологии, эмбриологии, сравнительной анатомии, систематики, физиологии, биогеографии, других наук во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Большое значение для утверждения теории развития имела идея единства растительного и животного миров. Содержанием этой идеи являлось представление о том, что единство органического мира должно иметь свое морфологическое выражение, проявляться в определенном структурном подобии организмов. В 1830-е годы М.Шлейден и Т.Шванн разработали клеточную теорию, в соответствии с которой образование клеток является универсальным принципом развития любого (и растительного, и животного) организма; клетка – неотъемлемая элементарная основа любого организма.

²⁰ Как говорил Ч.Лайель, «покажите мне породу собак с совершенно новым органом, и я тогда поверю в эволюцию».

²¹ Современные антидарвинисты, как правило, находятся в теоретико-методологическом «поле» додарвиновских теорий эволюции.

²² Мир – совокупность отдельных вещей, неизменных по своей сути.

²³ Сущность вещи коренится в ее субстрате, связи вещи с другими вещами никакого отношения к ее сущности не имеют и др.

**Дарвинизм
как теоретическая модель
биологической эволюции**

Чарльз Дарвин в создании своей эволюционной теории опирался на колоссальный эмпирический материал, собранный как предшественниками, так и им самим в ходе его

путешествий, прежде всего кругосветного путешествия на корабле «Бигль». «Путешествие на "Бигле", – писал Дарвин, – было самым значительным событием моей жизни, определившим весь мой дальнейший жизненный путь»²⁴. Именно анализ разновидностей фауны Южной Америки и Галапагосских островов привел его к представлению об эволюции в пространстве и во времени, открытию принципа дивергенции²⁵, нацелил на выявление движущих факторов эволюции. Основные эмпирические обобщения, наталкивающие на идею эволюции органических форм, Дарвин привел в «Происхождении видов».

Дарвин шел к своей теории всю свою сознательную жизнь. С юных лет он был знаком с эволюционными представлениями (через труды своего деда – Эразма Дарвина, 1731–1802), неоднократно сталкивался с высокими оценками эволюционных идей. В своем творчестве он опирался на представление о полной познаваемости закономерностей развития природы, возможности их объяснения на основе доступных для наблюдения сил, факторов, процессов²⁶. Конструктивную эвристическую роль в разработке принципов селекционной теории эволюции сыграла идея (сформулированная Т.Р.Мальтусом) о том, что имеется потенциальная возможность размножения особей каждого вида в геометрической прогрессии. Важная часть эмпирической базы теории Дарвина – успехи селекционной практики²⁷. Прямых доказательств естественного отбора у Дарвина не было; они появились позже. Вывод о существовании естественного отбора он делал по аналогии с отбором искусственным.

²⁴ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Автобиография. М., 1957. С.90.

²⁵ Расхождение признаков у потомков общего предка.

²⁶ Этому способствовали и многолетние тесные личные связи со многими представителями английской школы униформизма, особенно дружба с Ч.Лайелем.

²⁷ Ее содержанием является сохранение особей с полезными, с точки зрения человека, свойствами; усиление этих свойств из поколения в поколение, осуществлявшееся в процессе ведущегося человеком искусственного отбора.

Историческая заслуга Дарвина в том, что он разработал стройную теоретическую модель биологической эволюции, которая не требовала введения никаких сверхъестественных факторов. При этом важнейшей методологической основой его теории выступил принцип системности, к которому подводили представления о единстве органического мира. Системное воспроизведение объекта предполагает выявление единства в предметном многообразии живого через обнаружение множественных связей, прежде всего опосредованных. Сущность эволюции живого определяется не субстратными свойствами органических форм, а связями и отношениями их, прежде всего, между собой, а также между организмами и средой. Можно сказать, что научная биология начинается там, где на смену предметоцентризму приходит системоцентризм. Теория Дарвина, по сути, есть результат системного исследования.

Свою теорию Дарвин строит на придании принципиального значения таким давно известным до него фактам, как наследственность и изменчивость. От них отталкивался и Ламарк, непосредственно связывая эти два понятия представлением о приспособлении. Приспособительная изменчивость передается по наследству и приводит к образованию новых видов – такова основная идея Ламарка. Дарвин понимал, что непосредственно связывать наследственность, изменчивость и приспособляемость нельзя. Системная методология предполагает выделение промежуточных связей. Прежде всего, он разграничил два вида изменчивости – определенную и неопределенную.

Определенная изменчивость (в современной терминологии – адаптивная модификация) – способность всех особей одного и того же вида в определенных условиях внешней среды одинаковым образом реагировать на эти условия (климат, пищу и др.). По современным представлениям адаптивные модификации не наследуются и потому не могут поставлять материал для органической эволюции²⁸. Неопределенная изменчивость (в современной терминологии – мутация) предполагает существование изменений в организме, которые происходят в самых различных направлениях. Неопределенная изменчивость, в отличие от определенной, носит наследственный характер, и незначительные отличия в первом поколении усиливаются в последующих. Неопределенная изменчивость тоже связана с изменениями окружающей среды, но уже

²⁸ Дарвин допускал, что определенная изменчивость в некоторых исключительных случаях может такой материал поставлять.

не непосредственно (что характерно для адаптивных модификаций), а опосредованно. Дарвин подчеркивал, что решающую роль в эволюции играют именно неопределенные изменения. Сейчас мы понимаем, что неопределенная изменчивость связана обычно с вредными и нейтральными мутациями, но возможны и такие мутации, которые в определенных условиях оказываются перспективными, способствуют органическому прогрессу. Дарвин не ставил вопроса о конкретной природе неопределенной изменчивости. В этом проявилась его интуиция гениального исследователя, осознающего, что еще не пришло время для понимания этого феномена²⁹.

Кроме того, в цепь наследственности – изменчивость Дарвин ввел два посредствующих звена. Первое звено связано с понятием «борьба за существование». Оно отражает то обстоятельство, что каждый вид производит больше особей, чем их выживает до взрослого состояния; среднее количество взрослых особей находится примерно на одном уровне; каждая особь в течение своей жизнедеятельности вступает в множество отношений с биотическими³⁰ и абиотическими³¹ факторами среды.

Второе посредствующее звено, отличающее теорию эволюции Дарвина от ламаркизма, состоит в представлении о естественном отборе как механизме, который позволяет выбраковывать ненужные формы и образовывать новые виды. Борьба за существование неизбежно приводит к гибели определенного числа особей в каждом поколении и выборочному участию особей в размножении. В результате размножаются наиболее приспособленные особи каждого вида, передающие из поколения в поколение новые свойства. Накопление новых свойств приводит к видообразованию и прогрессивной эволюции органического мира. Таким образом, естественный отбор – творческая сила; он является движущим фактором эволюции. Тезис о естественном отборе является ведущим принципом дарвиновской теории, который позволяет разграничивать дарвиновские и недарвиновские трактовки эволюционного процесса.

²⁹ Высказанные Дарвиным соображения о «пангенезисе» носили откровенно натурфилософский характер, что было ясно и ему самому.

³⁰ Биотические факторы среды – совокупность влияний, оказываемых на организмы жизнедеятельностью других организмов.

³¹ Абиотические факторы среды – совокупность условий неорганической среды, влияющих на организмы. Делятся на химические, физические, геолого-географические, климатические, космические и др.

Таким образом, дарвиновская теория отбора опирается на следующие принципы: борьба за существование; наследственность и изменчивость; естественный отбор. Эти принципы являются краеугольным основанием научной биологии.

Кризис биологии на рубеже XIX–XX вв. и зарождение современного антидарвинизма

Созданная Дарвиным стройная и последовательная, эстетически красивая эволюционная модель была с восторгом воспринята научной общественностью и значительной частью европейской образованной публики. Вместе с тем для того, чтобы новая теория окончательно утвердилась в науке, нужно определенное время.

Процесс утверждения теории есть процесс превращения предпосылок теории в ее неотъемлемые компоненты, выводимые из оснований теории. При этом изменяется множество различных понятий, представлений, допущений, гипотез и других средств познавательной деятельности, ценностных и методологических компонентов познания. И даже после того, как теория прошла опытную апробацию и окончательно утвердилась в науке, она не может сразу и безусловно объяснить абсолютно все факты из своей предметной области. Все объясняет только миф. Одним из таких мифов как раз и является креационизм.

Создание селекционной теории эволюции дало во второй половине XIX века мощный творческий импульс развитию всей системы биологического познания. Важными вехами в процессе утверждения принципов теории естественного отбора были четыре новых направления в системе биологического познания второй половины XIX – начала XX века:

- возникновение и бурное развитие так называемого филогенетического направления, вождь и вдохновителем которого был Э.Геккель;
- формирование эволюционной биологии – проникновение эволюционных представлений во все отрасли биологической науки;
- создание экспериментально-эволюционной биологии;
- синтез принципов генетики и дарвинизма и создание основ синтетической теории эволюции.

Объяснение эмпирических аномалий и вплетение их в систему дарвиновского учения наиболее ярко воплотилось в бурном развитии в 1860-х – 1870-х годах филогенетического направления, ориентирован-

ного на установление родственных связей между видами, на поиски переходных форм и предковых видов, на анализ генезиса крупных таксонов, изучение происхождения органов и др. Общая задача филогенетического направления, как сформулировал ее вождь этого направления Э.Геккель, состояла в создании «филогенетического древа» растений и животных на основе данных анатомии, палеонтологии и онтогении. В рамках филогенетического направления были вскрыты и исследованы закономерности, имеющие общебиологическую значимость:

биогенетический закон (Э.Геккель, Ф.Мюллер, А.О.Ковалевский, И.И.Мечников),

закон необратимости эволюции (Л.Долло),

закон более ранней закладки в онтогенезе прогрессивных органов (Э.Менерт),

закон анадаптивных и инадаптивных путей эволюции (В.О.Ковалевский),

принцип неспециализированности предковых форм (Э.Коп),

принцип субституции органов (Н.Клейненберг),

закон эволюции органов путем смены функций (Л.Дорн) и др.

Вместе с тем не всеми биологами эти закономерности рассматривались как формы обоснования и подтверждения дарвиновской теории. На базе некоторых из них выдвигались новые концепции эволюции, которые, по замыслу их авторов, должны были опровергнуть дарвиновскую теорию и заменить ее новой эволюционной теорией. Это характерно для периода утверждения любой фундаментальной теории: пока теория окончательно не сложилась, не подчинила себе свои предпосылки, не продемонстрировала свои предсказательные возможности, способность объяснять факты предметной области, часты попытки заменить ее другими теориями, построенными на иных принципах.

Обобщение принципов эволюционной теории, выявление пределов, при которых они не теряют своего значения, проявилось в интенсивном формировании комплекса эволюционной биологии³², имевшем место в 60-е – 70-е годы XIX века. Так возникла эволюционная морфология, эволюционная палеонтология, эволюционная эмбриология, историческая биогеография и др. Среди интересных и важных исследований в русле этого направления следует особо выделить работы М.Вагнера,

³² Т.е. эволюционных направлений в системе биологического знания – систематики, палеонтологии, морфологии, эмбриологии, биогеографии и др.

впервые (1868) высказавшего мысль о том, что для возникновения нового вида одного естественного отбора недостаточно и нужна еще пространственная изоляция. Возникновение экспериментально-эволюционной биологии во многом было вызвано необходимостью эмпирического обоснования и теоретического утверждения принципов дарвиновской теории, экспериментальной проверки и углубления понимания факторов и законов эволюции. Особенно это касалось принципа естественного отбора, где яркие экспериментальные результаты были получены в конце XIX века (В.Уэлдон, 1898; Е.Паультон, 1899 и др.)³³.

Развитие любой науки, а особенно биологии, непосредственно связанной с мировоззренческими представлениями, происходит в социокультурном пространстве. С самого своего возникновения дарвиновская теория оказалась в эпицентре борьбы религиозного и научного мировоззрений, стала основным предметом идейно-теоретических поединков в биологическом познании. Еще в середине XIX века против теории естественного отбора ополчились не только сторонники креационистских воззрений и антиэволюционисты³⁴, но и естествоиспытатели, выдвигавшие и обосновывавшие другие эволюционные концепции, построенные на иных, чем дарвиновская теория, принципах:

неоламаркизм (К.В.Негели и др.),
мутационизм³⁵,
неокатастрофизм (Э.Зюсс и др.),
телеологические концепции разного рода³⁶.

Более того, в самом дарвиновском учении выделились относительно самостоятельные направления, каждое из которых по-своему понимало, дополняло и совершенствовало воззрения Ч.Дарвина. Первое из них – так называемый ортодоксальный дарвинизм, признававший отбор единственным движущим фактором эволюции (А.Р.Уоллес, А.Грей,

³³ Один из мифов современного антидарвинизма состоит в том, что будто бы не существует непосредственных эмпирических данных о естественном отборе. Первые такие данные были получены еще в конце XIX века.

³⁴ А.Седжвик, Р.Оуэн, Л.Агассис, А.Мильн-Эдвардс, А.Катрфаж, Г.Меррей, С.Карпентер и др.

³⁵ С.И.Коржинский с его идеей гетерогенезиса, т.е. скачкообразного возникновения новых видов, и др.

³⁶ Р.А.Келликер с идеей автогенетического «стремления к прогрессу»; А.Виганд, признававший существование идеальной «образовательной силы» эволюционного процесса, которая, по его мнению, уже иссякла, и потому эволюция прекратилась; и др.

Е.Паультон и др.). Второе направление возглавлялось Э.Геккелем, который признавал в качестве факторов эволюции как естественный отбор, так и ламарковское упражнение–неупражнение органов. Третье направление получило название неodarвинизма. Оно возглавлялось А.Вейсманом, который категорически отрицал наследование приобретенных признаков, а принцип отбора распространял на соревнование не только между особями, но и между клетками. Будучи необходимым логическим звеном в развитии дарвинизма, такая дифференциация объективно влекла за собой ослабление лагеря дарвинистов, снижение полемической остроты их выступлений.

Все это привело к тому, что картина развития биологии во второй половине XIX в. была очень пестрой, мозаичной, заполненной противоречиями, драматическими событиями, страстной борьбой мнений, школ, направлений, взаимным непониманием позиций, а часто и нежеланием понять точку зрения другой стороны, обилием поспешных, непродуманных и необоснованных выводов, опрометчивых прогнозов и замалчивания выдающихся достижений. В этом насыщенном самыми разнообразными красками «историко-научном полотне» отразились борьба материализма и идеализма, предметоцентризма («метафизики») и системоцентризма («диалектики»), противоречия социально-культурного контекста развития естествознания. Вокруг роли, содержания, интерпретации дарвиновой теории велась острая и длительная борьба, в фокусе которой было понимание естественного отбора. Важнейшими здесь были два вопроса. Первый состоял в том, может ли естественный отбор, выполняя функцию отсева нежизнеспособных особей, наряду со стабилизирующей выполнять и творческую роль, обеспечивать поступательность эволюции. Второй вопрос, особо беспокоивший Ч.Дарвина («кошмар Дженкина»), прямо вытекал из незнания тогда дискретности наследственных факторов: каким образом благоприятные признаки выживших при отборе особей сохраняются в их потомстве и не растворяются при скрещивании носителей этих признаков с теми особями, которые несут в себе иные признаки?

Таким образом, во второй половине XIX века дарвинизм развивался в сложной идейной обстановке, и к началу XX столетия биология пребывала в состоянии глубокого кризиса своих теоретических и методологических оснований. Оставалось неясным, как должны быть связаны принципы дарвинизма с интенсивно накапливавшимися данными в области учения о наследственности. Системоцентрическая методология

с трудом пробивала себе дорогу. Не было полисистемного понимания органического мира. Биологическое познание концентрировалось лишь на каком-либо одном качественно определенном уровне организации живого (как правило – организменном, реже – клеточном или тканевом). Все другие уровни (обычно надорганизменные – колонии, популяции, вид, биоценоз, биосфера) рассматривались как производные, вторичные, для которых характерны лишь аддитивные, а не интегративные свойства. Одним из методологических затруднений являлось непонимание сложности путей развития теории, ее взаимосвязи с опытом; того обстоятельства, что на ранних этапах своего развития теория может не объяснять все факты ее предметной области. Все еще господствовало представление, что один-единственный факт, противоречащий теории, может ее полностью опровергнуть. На основании такого методологического «стандарта» строились почти все попытки «закрыть» теорию эволюции Дарвина и попытаться заменить ее другой концепцией.

Важно отметить, что те неадекватные оценки дарвинизма, которые сейчас распространяются средствами массовой информации, – отзвук далекого кризиса в биологии на рубеже XIX–XX столетий. Ничего принципиально нового современный антидарвинизм по сути не предлагает. Именно во второй половине XIX – начале XX века сложились главные «аргументы» против биологической эволюции: отсутствие переходных форм, большая сложность биологических структур и невозможность их формирования за счет накопления малых случайных изменений, «вредность» мутаций и др. С тех пор они не изменились. Современный антидарвинизм и креационизм оперируют теоретико-понятийным багажом биологической науки столетней давности.

**Антидарвинизм
как
антигуманизм**

Вступление в XX век ознаменовалось в биологии бурным развитием генетики. Важнейшим исходным событием явилось новое открытие законов Менделя³⁷. Далее последо-

вала лавина эмпирических открытий и построение различных теоретических моделей. За относительно короткий срок (30–40 лет) в учении о наследственности был накоплен колоссальный эмпирический матери-

³⁷ В 1900 году законы Менделя были переоткрыты независимо сразу тремя учеными – Г. де Фризом в Голландии, К. Корренсом в Германии и Э. Чермаком в Австрии.

ал³⁸. Важно, что он был экспериментально подтвержден, строго обоснован. В первой четверти прошлого века интенсивно развивались и теоретические аспекты генетики. Особенно большую роль сыграла хромосомная теория наследственности, разработанная в 1910–1915 годах в трудах А.Вейсмана, Т.Моргана, А.Стертеванта, Г.Дж.Меллера и др.³⁹ Зарождающаяся генетика сложно и противоречиво определялась по отношению к дарвинизму. Некоторые представители генетики пытались использовать ее данные в целях антидарвинизма. В свою очередь, некоторые представители дарвинизма не видели того, что генетика не противостоит дарвинизму, а, наоборот, восполняет его главный пробел – объясняет сущность неопределенной изменчивости. Преодоление противоречий между эволюционной теорией и генетикой стало возможным с созданием синтетической теории эволюции, которая выступает основанием всей системы современной эволюционной биологии.

Синтетическая теория эволюции – первый глубокий синтез классического дарвинизма, генетики, систематики, палеонтологии, экологии. С созданием синтетической теории эволюции завершился кризис биологического познания конца XIX – начала XX в. Принципиальные положения синтетической теории эволюции были заложены работами С.С.Четверикова (1926), а также Р.Фишера, С.Райта, Дж.Холдейна, Н.П.Дубинина (1929–1932) и др. В основе этой теории лежит представление о том, что элементарной «клеточкой» эволюции является не организм и не вид, а популяция. Именно популяция – та реальная целостная система взаимосвязи организмов, которая обладает всеми условиями для саморазвития, прежде всего способностью наследственного изменения в смене биологических поколений. Элементарной единицей наследственности выступает ген (участок молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты – ДНК, отвечающий за развитие определенных признаков организма). Наследственное изменение популяции в каком-либо определенном направлении осуществляется под воздействием ряда эволюци-

³⁸ К такого рода данным можно отнести открытие дискретного характера наследственности; обоснование представления о гене и хромосомах как носителях генов; представление о линейном расположении генов; доказательство существования мутаций и возможность вызывать их искусственно и др.

³⁹ Она строилась на следующих исходных абстракциях: хромосома состоит из генов; гены расположены на хромосоме в линейном порядке; ген – неделимая корпускула наследственности, «квант»; в мутациях ген изменяется как целое.

онных факторов (т.е. факторов, изменяющих генотипический состав популяции). К такого рода факторам относятся:

мутационный процесс (поставляющий элементарный эволюционный материал),

популяционные волны (колебания численности популяции в ту или иную сторону от средней численности входящих в нее особей),

изоляция (закрепляющая различия в наборе генотипов и способствующая делению исходной популяции на несколько самостоятельных),

естественный отбор – процесс, определяющий вероятность достижения индивидами репродукционного возраста. Естественный отбор является ведущим эволюционным фактором, направляющим эволюционный процесс.

Во второй половине XX века, с возникновением молекулярной генетики, развитие биологического познания привело к открытию молекулярных основ живого. Наука непосредственно приблизилась к решению величайшей проблемы – раскрытию сущности жизни. Выдающихся результатов достигли прикладные отрасли биологии, которые невозможны без теории эволюции, – биотехнологии (медицинские, сельскохозяйственные, экологические и др.), геновая инженерия. Исключительны по своей значимости перспективы, открывающиеся перед геновой инженерией. Клонирование, а также искусственное создание новых, неизвестных природе биологических видов – уже реальность. Это практически доказывает истинность современного биологического знания, в том числе и истинность теории эволюции.

Другое дело – как относиться к клонированию человека, искусственному созданию новых биологических видов и др. Здесь существуют сложные проблемы морально-этического, социального, философского и религиозного плана; в частности, вопросы смысла личной индивидуальности, проблема семьи, ее роли в обществе, пределов науки, практического могущества человека, ущемления чувств верующих и др.

Конечно же, процесс познания органического мира далек от своего завершения. Самосознание современной биологической науки, теории эволюции лишено самодовольства и самоуспокоения. Нужно решить еще много сложных проблем, но это вовсе не те проблемы, о которых твердят представители креационизма и антидарвинизма. Важнейшей вехой должен стать новый синтез наук, изучающих *историю* живого, и наук, исследующих *структурно-инвариантные аспекты* живого. По-видимому, он дополнит синтетическую теорию эволюции, обогатит ее

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

теоретическими моделями макроэволюционных процессов, представлениями о многообразии путей и форм видообразования, неравномерности темпов эволюции различных таксонов, мозаичности эволюции и др. Новый теоретический синтез биологического знания – дело будущего.

«Критикам» дарвинизма следует взять на заметку еще одно соображение. Биология – не «рядовая» естественная наука. Она нацелена в том числе и на высший объект эволюции – человека. От ее развития (и прежде всего генной инженерии) в немалой степени зависит повышение эффективности здравоохранения, сельскохозяйственного производства, разрешение экологических проблем и др., т.е. всего того, что в первую очередь определяет будущее истории, «судьбы человечества». Это придает биологии в целом и теории эволюции как ее концептуальному стержню глубинный гуманистический заряд. Любые попытки принизить значение эволюционной теории приводят к сдерживанию гуманизации общества, к ограничению процессов, способствующих раскрытию всего богатства индивидуальности и неповторимости личности, жизненной полноты бытия человека. В этом отношении антидарвинизм выступает как антигуманизм.

Осознание антигуманистического характера антидарвинизма с трудом пробивает себе дорогу в современном обыденном сознании. Правда, некоторые сдвиги здесь намечаются. В частности, в сфере религиозного сознания, ведь антигуманизм противоречит основным религиозным ценностям. Поэтому в настоящее время более осторожно в такого рода вопросах ведет себя католическая церковь. Как отмечалось в СМИ, в 1998 году в ходе состоявшейся в Ватикане беседы ныне покойного папы Иоанна Павла II с академиком РАН В.И. Арнольдом понтифик отметил: установление истины – это задача науки, а не религии; задача религии – оценка возможного прикладного использования результатов научного познания. В 1996 г. папа Иоанн Павел II признал, что теория эволюции – «больше, чем просто гипотеза», а в 2007 г. папа Бенедикт XVI в статье, опубликованной в научном сборнике «*Schoerpfung und Evolution*» («Творение и эволюция»), заявил, что не поддерживает взгляды креационистов на происхождение жизни и допускает, что богатое разнообразие органического мира возникло в результате эволюции⁴⁰.

⁴⁰ Он назвал себя сторонником «теистической эволюции» — учения, согласно которому Бог создал природу и человека посредством эволюции. См.: *Благовест-инфо / Патриархия.ru*. 12 апреля 2007 г.

На этом фоне позиция РПЦ, открыто провозглашающая противостояние с материализмом и наукой, с теорией эволюции выглядит средневековым анахронизмом.

Антигуманистический характер антидарвинизма и креационизма постепенно осознается в политической идеологии стран Западной Европы. Сформировавшаяся на рационалистических традициях Просвещения старая, умудренная Европа (в отличие от молодой и не набравшейся мудрости РФ) усматривает в распространении креационизма серьезную опасность. 27 академий наук государств – членов Совета Европы подписали в 2006 г. декларацию о необходимости преподавания эволюционизма. Парламентской Ассамблеей Совета Европы в 2007 г. была принята резолюция №1580 (2007) «Опасность креационизма для образования»⁴¹, в которой провозглашена цель предостеречь от тенденции подмены науки религиозным верованием. В резолюции отмечается, что ПАСЕ «обеспокоена возможностью нездоровых последствий распространения идей креационизма в рамках наших образовательных систем и последствиями этого распространения для наших демократических государств. Если мы не примем необходимых мер, креационизм может стать угрозой правам человека, имеющим для Совета Европы ключевое значение». Дается объективная оценка сложившейся ситуации с распространением креационизма:

креационисты претендуют на то, чтобы их учение было включено в школьную образовательную программу;

однако креационизм не может претендовать на то, чтобы быть научной дисциплиной,

утверждения креационистов внутренне противоречивы и не выдерживают объективного анализа; они противоречат «надежно установленным знаниям о природе, эволюции, нашем происхождении и нашем месте во Вселенной»;

«теория эволюции не имеет никакого отношения к божественному откровению и основывается на фактах».

Особое внимание в резолюции уделено негативным последствиям отказа от эволюционизма для человечества: «Достижения в области медицины, имеющие своей целью борьбу с инфекционными заболеваниями, такими как СПИД, невозможны, если отрицать принципы эво-

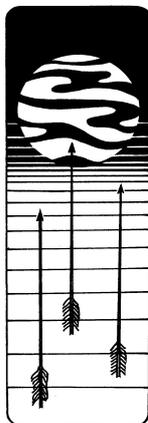
⁴¹ Council of Europe. Documents. Resolution 1580 (4.10.2007). "The dangers of creationism in education".

ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

люции. Без понимания механизма эволюции мы не можем адекватно оценить те риски, которые повлекут за собой уменьшение биологического разнообразия и климатические изменения». Указывается также на сближение креационизма с религиозным экстремизмом: «Фактом является то, что некоторые защитники креационизма готовы заменить демократию теократией».

В политической идеологии и повседневной политической практике нашего государства, так или иначе ориентированного на усвоение западных ценностей, на «вхождение в Европу», следовало бы учитывать тезисы и идеи резолюции №1580 (2007) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Опасность креационизма для образования» и не поощрять проникновение в систему образования креационизма, антиэволюционизма, антидарвинизма.

Таким образом, эволюционная теория Ч.Дарвина – продукт «системного способа мышления», и для ее понимания необходимо усвоение такого способа мышления, который вырабатывается серьезным научным образованием. Для лиц, не обремененных таким образованием, находящихся в плену у обыденного сознания, теория эволюции – это область почти такой же концептуальной сложности, как и модели современной теоретической физики или математики. Это надо иметь в виду тем, кто витийствует о «неистинности» теории эволюции и поощряет детей обращаться в суд с требованием отменить в школе преподавание теории эволюции и заменить его изучением примитивной библейской мифологии креационизма.

Андрей Ранчин

**ФИЛОЛОГИЯ
ИЛИ
ФИЛОСОФИЯ?**

**В.Н.ТОПОРОВ И ИЗУЧЕНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
930.2

The author considers V.N.Toporov's works dedicated to study of the ancient Russian hagiography and demonstrates continuity of Toporov's approach in respect of G.P.Fedotov's approach and fundamental differences of Toporov's approach from investigation of hagiography practiced in historical and literary studies. V.N.Toporov's method is seen as an example of original philosophical (historiosophical) discourse, as an experience in the sphere of ideal text reconstruction, reconstruction of the 'super-myth' created by the world and about the world. In a more narrow way it is an attempt to re-create and reconstruct the psychological image, spiritual and internal personality of a saint. In its core assumption and in many specific interpretations that do not imply the strict verification this approach is fundamentally different from methodology of so called Tartu-Moscow school to which V.N.Toporov is usually assigned.

Ключевые слова: агиография; филология; философия; историософия; святость; культурология; тартуско-московская школа.

Key words: hagiography; philology; philosophy; historiosophia; holiness; culturology; Tartu-Moscow school.

E-mail: aranchin@mail.ru

Существуют три основных подхода к изучению агиографии, представленные, в частности, в отечественной гуманитарной традиции.

Во-первых, житие может рассматриваться как исторический источник в самом узком смысле слова – т.е. как источник фактических сведений. Этот подход был впервые наиболее отчетливо обоснован и проявлен В.О.Ключевским¹. Любопытно, что при этом автор продемонстрировал «ущербность» агиографии в качестве исторического источника и одновременно первым детально проанализировал топику житий. Но не она была предметом его интереса; житийная топка трактовалась историком как «фильтр», отсеивающий уникальную информацию, лишь крупницы которой «проскальзывали» через мелкое сито агиографических схем.

Во-вторых, житие может анализироваться как памятник словесности. В этом случае как топка, так и ее индивидуальное варьирование в том или ином произведении являются предметом непосредственного внимания.

В-третьих, к житию можно подходить как к источнику сведений о ментальности (варианты: о ментальности эпохи, агиографа, святого). Этот подход впервые избрал Г.П.Федотов². Причем главными задачами для него было не только исследование представлений о святости, ее типах и установление их эволюции, но и воссоздание, реконструкция психологического облика, духовного и душевного «я» святого. Своеобразие книги именно в этом, а не в историческом, филологическом или текстологическом анализе. Здесь автор абсолютно вторичен. Ср., например, главу о Феодосии Печерском, где весь анализ топки и параллели с византийской агиографией заимствован из работ А.А.Шахматова и Д.И.Абрамовича³.

¹ Ключевский В.О. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871 (Репринтн. воспр.: М., 1989).

² Федотов Г.П. *Святые Древней Руси: X–XVII ст.* Париж, 1931.

³ Ср. соответственно: Шахматов А.А. *Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия* // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. СПб., 1896. Т.1. Кн.1. С.46–65 (новейшее переиздание: Шахматов А.А. *История раннего русского летописания*. СПб., 2003. Т.1. Кн.2. С.19–30); Абрамович Д.И. *Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике*. СПб., 1902 (отд. оттиск из: *Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. [1901.] Т.6. Кн.3–4; [1902.] Т.7. Кн.1–4).

Этот подход был унаследован (впрочем, довольно эпигонски) иеромонахом Иоанном Кологривовым в книге «Очерки по истории русской святости» (Брюссель, 1961). В отечестве в советское время к федотовской книге отчасти была близка только монография Б.А.Романова⁴, точнее, ее глава «Отцы духовные», – при иных, по понятным причинам, акцентах и оценках. Исследование юродства, выполненное А.М.Панченко⁵, уже отличается от этого подхода, так как Александр Михайлович не ставил в качестве задачи реконструкцию духовного мира и, главное, личностных черт святого или же агиографа. Предметом анализа были культурные модели, детерминирующие поведение юродивого и восприятие юродства. В этом отношении, при всех отличиях в концепциях, подход А.М.Панченко разделяют такие разные современные исследователи юродства, как С.А.Иванов⁶ и А.Л.Юрганов⁷. При таком подходе святость рассматривается как категория истории культуры.

Прямым продолжением федотовского подхода является двухтомный труд В.Н.Топорова⁸. На первый взгляд, зависимость от Г.П.Федотова выглядит иногда почти эпигонством. При этом задач исторического или текстологического плана В.Н.Топоров сознательно не ставил. В.Н.Топоров одновременно рассматривает агиографию в нескольких аспектах.

Аспект первый – генезис: индоевропейские (индоиранские) истоки концепта «святость», происхождение славянского корня «свят-», традиции восточнославянской святости. Используется прежде всего лингвистический материал, этимология [1; 441–490]. У Г.П.Федотова этого не было совсем, его интересовал только синхронный срез святости, а не диахрония, тем более на протяжении столетий и тысячелетий.

Аспект второй: личность святого и реконструкция кардинальных черт его характера, ставших «вместилищем» святости. Это подход, непосредственно восходящий к федотовскому, но В.Н.Топоровым разви-

⁴ Романов Б.А. *Люди и нравы Древней Руси*. Л., 1947.

⁵ Лихачев Д.С., Панченко А.М. *«Смеховой мир» Древней Руси*. Л., 1976.

⁶ Иванов С.А. *Византийское юродство*. М., 1995; *Его же. Блаженные похабы: Культурная история юродства*. М., 2005.

⁷ Юрганов А.Л. *Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени*. М., 2006.

⁸ Топоров В.Н. *Святость и святые в русской духовной культуре*. М., 1995. Т.1: *Первый век христианства на Руси*; М., 1998. Т.2: *Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.)*. – Далее при цитировании этого исследования том и страницы указываются в тексте в квадратных скобках.

тый; наиболее яркий пример – характеристика любви Феодосия к «худости риз» как личностного проявления, а не как житийного топоса.

Аспект третий. Анализ поэтики текста. В книге В.Н.Топорова содержатся замечательные по тонкости и проницательности исследования такого рода. Например, это анализ поэтики бинарных оппозиций в *Сказании о Борисе и Глебе* и анализ пространственной и временной структуры *Жития Феодосия Печерского*. Но этот подход не автономен, он всецело подчинен прежде названному.

В.Н.Топоров решается на допущения, научно не верифицируемые высказывания в значительно большей степени, чем Г.П.Федотов. Это, прежде всего, фрагмент о путешествии Феодосия Печерского в Киев. В.Н.Топоров так интерпретирует Несторово описание пути Феодосия в Киев: «Нестор описывает его трехнедельное путешествие достаточно кратко. Две особенности этого описания бросаются в глаза – ведóмость Феодосия Богом, охраняющим его, и исключительно экономно переданная атмосфера этого путешествия, сочетание конкретных деталей (тяжело груженные возы, ночное становище, юноша, боящийся, что его заметят и следующий за купцами поодаль, скрываясь от их взглядов), не допускающих сомнений в своей подлинности, с каким-то сверхреальным колоритом, почти мистериальным ожиданием предстоящего и переживанием совершающегося, легко восстанавливаемыми по скупой скорописи жития» [1; 665]. И далее замечает: «Поэтические потенции этого фрагмента (в частности, впервые описывающего ставшую впоследствии знаменитой в литературе "украинскую ночь") несомненны» [1; 810, примеч. 62].

Между тем в *Житии Феодосия Печерского* сказано только: «И се по приключю Божию беша идоуще поутьмь те коупци на возехъ с бремены тяжькы. Оуведевъ же я бл[а]женныи, яко въ ть же градъ идоуть, прослави Б[ог]а. И идяшетъ въ следъ ихъ издалеча, не являя ся имъ. <...> Единому Богу съблюдающю и»⁹. Никакого описания ночи агиограф не дал, да, кстати, Нестор и не мог считать ее «украинской». Однако В.Н.Топоров не случайно пишет не о данности, а именно о «потенциях» текста. *Житие Феодосия*, очевидно, мыслится как некая неполная реализация «сверхтекста» – русской (восточнославянской) словесности.

⁹ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон; Под ред. С.И.Коткова. М., 1971. С.79, стб. 31 а. – При цитировании титла раскрываются, буква «ять» заменяется на «е».

Другой пример. Рассуждения о греховной двойственности Святополка Окаянного (противопоставленной в *Сказании о Борисе и Глебе* благодатной парности Бориса и Глеба) трактуются В.Н.Топоровым как отражение реальных душевных борений братоубийцы [1; 495 сл.].

Третий пример. Растительные метафоры в *Сказании о Борисе и Глебе* В.Н.Топоров соотносит с вегетативной функцией, присущей святым в народном почитании [1; 558, примеч. 110]. Но ведь, строго говоря, эти метафоры относятся к сфере топики «цветущая благодать», «увядающая красота» и / или являются цитатами из Писания¹⁰. Кроме того, остается неясным характер отмечаемой соотнесенности. Мыслится ли она исследователем как свидетельство воздействия аграрных культов на почитание Бориса и Глеба и на их житие или же предполагается рецепция «растительной» метафорики *Сказания* в народном почитании?

На самом деле В.Н.Топоров указывает на эту соотнесенность как на некое символическое проявление глубинных связей между архаическими культами, церковным почитанием святых братьев, отраженным в *Сказании*, и почитанием народным. Эти связи могут быть интуитивно уловлены, но не могут быть прослежены посредством строго логического (в узком смысле – научного) дискурса. Не случайно, размышление о растительных мотивах завершается цитатой из Б.Л.Пастернака: «Царство растений так легко себе представить ближайшим соседом царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбищ, среди вышедших из гряд цветочных всходов сосредоточены, может быть, тайны превращения и загадки жизни, над которыми мы бьемся» [1; 558, примеч. 110]. Ответом на вопрос является *загадка, тайна*.

Когда В.Н.Топоров стремится воссоздать духовный и психологический «облик» святого по свидетельствам житий, разумеется, возникает определенная опасность неразграничения объекта (святой в жизни) и его отображения (святой в житии). Строго говоря, источник дает не факты (в том числе не факты душевной жизни святого), а лишь некие модели событий, свой взгляд на них¹¹.

Хотя В.Н.Топоров замечает, что, «несмотря на заимствование ряда мотивов, образов, деталей из многочисленных источников <...> они не по-

¹⁰ Начальные фразы о роде праведных и их «семени» – реминисценция из Пс. 111: 2.

¹¹ Ср. обоснование этой идеи в рамках феноменологического, гуссерлианского подхода А.В.Каравашкиным и А.Л.Юргановым (Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. *Регион Докса: Источниковедение культуры*. М., 2005) с излишней, по-моему, абсолютизацией его, – я имею в виду идею отказа от понятия «внеисточниковая реальность» в принципе.

давляют описание тех или иных картин, но скорее "подыгрывают" ему – тем более, что в Ж[итии] Ф[еодосия] Нестор в целом не злоупотребляет житийными шаблонами <...>» [1; 615], трудно отвергнуть мысль В.О.Ключевского, относящуюся к агиографии в целом: «Для жития дорога не живая цельность характера с его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал. Собственно говоря, оно изображает не жизнь отдельного человека, а развивает на судьбах его этот отвлеченный идеал. Вот почему все лица, жизнь которых описана в житиях, сливаются перед читателем в один образ, и трудно подметить в них особенности каждого, как по иконописным изображениям воспроизвести портреты: те и другие изображают лишь "образы без лиц". И в древнейших, и в позднейших житиях неизменно повторяется один и тот же строго определенный агиобиографический тип <...>»¹².

Святой и его житийный образ могут мыслиться в их неразрывности, как это, например, делает В.М.Живов,¹³ ссылаясь на работу А.Камерон¹⁴. В.М.Живов утверждает: «Здесь вообще различие между событием и фиксирующим его текстом предельно релятивизируется, и в силу этого биография святого всегда может рассматриваться как реализация некоторого заданного агиографического сюжета. Когда в Житии Феодосия мы читаем, как преподобный, раздевшись по пояс, отдавал свое тело на съедение комарам, а сам в это время пел псалмы, мы не знаем, откуда в написанное Нестором житие попало это известное аскетическое упражнение: представляет ли оно собой литературный топос, взятый Нестором из использовавшихся им агиографических сочинений, или оно принадлежит уровню событий жизни Феодосия, зафиксированных в рассказе его жития. Различить эти два уровня невозможно, поскольку Феодосий в жизни точно так же реализовал агиографические модели (всякий аскет повторяет подвиги своих предшественников, из биографий которых он, собственно, и узнает, каким образом надо предаваться аскезе), как Нестор реализовал их в литературе»¹⁵.

¹² Ключевский В.О. Указ. соч. С.436.

¹³ Живов В. *Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу»* // Новое литературное обозрение. 2006. №82 (6). С.122–128.

¹⁴ Cameron A. *On Defining the Holy Man // The Cult of Saints in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Essays on the Contribution of Peter Brown / Ed. by J.Howard-Johnson and P.A.Hayward. Oxford, 1999. P.27–43.*

¹⁵ Живов В. *Post scriptum к поэтике бытового поведения...* С.127.

Но, хотя В.М.Живов и соглашается рассматривать агиографию как источник сведений о святом, сходство этой мысли с подходом Г.П.Федотова и В.Н.Топорова исключительно внешнее. Г.П.Федотов и В.Н.Топоров стремятся по данным житий воссоздать именно личность, «я» святого, трактуя индивидуальные черты как модусы проявления святости, в то время как для В.М.Живова личность святого растворена в топосах жития, агиография может рассматриваться как адекватный источник сведений о святых только потому, что сами святые отказываются от своего «я» и их поведение подчинено агиографическим моделям.

Показательно отсутствие ссылок на книгу В.Н.Топорова в монографии Б.А.Успенского¹⁶ и в статье В.М.Живова¹⁷ о первых русских святых, хотя предметы исследования (почитание Бориса и Глеба и Феодосия Печерского) те же самые, что в грандиозных по объему работах В.Н.Топорова, включенных в первый том «Святости и святых в русской духовной культуре». Методология В.Н.Топорова, вероятно, не осознается как строго научная, а соответственно и ссылки не представляются обязательными. Столь же показательно, что В.М.Живов, оспаривая мысль о Борисе и Глебе как о носителях особого «кенотического» типа русской святости и называя эту святость «выдуманной»¹⁸, ссылается только на Г.П.Федотова, но отнюдь не на В.Н.Топорова, федотовское определение в целом принимающего. По-видимому, топоровский подход мыслится лишь как филиация федотовского.

В.М.Живов вслед за Н.Ингемом¹⁹ рассматривает тип святости Бориса и Глеба как вариант агиологического типа святого правителя, распространенного также в инославянских, в англосаксонской и в скандинавской традициях. При этом он, очевидно, сознательно отстраняется от вопроса о специфических чертах этого «чина» святых в определенной национальной традиции: ведь суждения о таковых чертах не поддаются верификации с необходимой научной строгостью²⁰. Между тем для

¹⁶ Успенский Б.А. *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси*. М., 2000.

¹⁷ Живов В.М. *Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в восточнославянской литературе // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М.Николаевой*. М., 2005. С.720–734.

¹⁸ Там же. С.727.

¹⁹ Ingham N.W. *The Sovereign as Martyr, East and West // Slavic and East European Journal*. 1973. Vol.17. P.1–17.

²⁰ Ср. в связи с этим также: Живов В.М. *Особенности рецепции византийской культуры*

В.Н.Топорова, как и для С.С.Аверинцева, также не претендующего на безусловную строгость верификации своих суждений, важны именно эти национальные особенности. С.С.Аверинцев выделяет их, сопоставляя Бориса и Глеба со скандинавскими правителями и с Вячеславом (Вацлавом) Чешским, ставшими также жертвами убийц – родичей или подданных. При этом С.С.Аверинцев прямо ссылается на характеристики Бориса и Глеба, данную Г.П.Федотовым²¹.

Относительно недавно М.Ю.Парамонова предложила интерпретацию изображения страстотерпчества Бориса и Глеба как «отождествления покорности Богу и смирения с покорностью и смирением перед волей другого человека – их брата Святополка, с одной стороны, и редукции мученичества к невинной и добровольной насильственной смерти – с другой»²². Она пытается оспорить мнение В.Н.Топорова о глубинной и прикровенной природе святости братьев, полностью вербально невыразимой²³.

«Уязвимый» со «строго научной» точки зрения, подход В.Н.Топорова (несоизмеримо более смелый, чем у Г.П.Федотова) есть позиция, а не невольный изъян или недосмотр. Показателен иной, еще более яркий пример, относящийся уже к интерпретации изящной словесности Нового времени: защита В.Н.Топоровым помещика Плюшкина, героя «Мертвых душ», от... автора, который несправедливо, пристрастно отнесся к созданному им же персонажу²⁴. Не случайно такое игнорирование авторской позиции вызвало недоумение у одного из рецензентов, откликнувшегося на первую публикацию статьи²⁵.

Итак, совершенно очевидно, что речь идет о сознательном подходе, отнюдь не историко-литературном и не вписывающемся (при том, что

в Древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С.88–90.

²¹ *Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая. Закон и милость // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. М., 2005. С.348–349.*

²² *Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. С.315–316 и примеч. 306 на с.316.*

²³ *Там же. С.315–316, примеч. 305.*

²⁴ *Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С.7–111.*

²⁵ *Зенкин С.Н. Упрямство вещей // Новое литературное обозрение. 1994. №8. С.362–365.*

В.Н.Топоров обращается порой к этому же метаязыку) в методологию т.н. тартуско-московской школы, к которой топовские труды принято относить²⁶.

Что это за подход? С.Г.Бочаров именует его историософским, а самого В.Н.Топорова называет «филологом-поэтом»; топовская методология (в частности представленная именно в труде о русской святости) небезосновательно связывается с философией спасения²⁷. Его можно так определить, можно и назвать историко-богословским (таков же отчасти и подход Г.П.Федотова), но с одной принципиальной оговоркой, в сущности, наполовину дезавуирующей само определение. В.Н.Топоров в отличие от Федотова вписывает русскую святость в очень широкую индоевропейскую перспективу. Сама русская святость (и христианская святость вообще) для В.Н.Топорова – проявление более общего и более древнего начала, определяющего бытие мира, человека и культуры.

Во вступлении к первому тому своей книги В.Н.Топоров, обсуждая вопрос о существовании Святой Руси, признает Святую Русь как реальность, но реальность идеальную. Реконструкция такой реальности предполагает очень серьезную меру допущения, в том числе художественного плана. Между прочим, очевидно, что награждение В.Н.Топорова премией А.И.Солженицына объясняется не только определенным сходством идейных позиций награжденного и наградившего, но и тем, что здесь художник награждает художника; сложно представить на месте В.Н.Топорова Вяч.Вс.Иванова или Б.А.Успенского, или В.М.Живова, чей научный путь был тоже связан с т.н. тартуско-московской школой.

Существующие произведения в научной и историософской парадигме В.Н.Топорова трактуются как манифестации, неполные реализации некоего идеального текста, «сверхмифа», создаваемого миром и о мире. В пределах такого подхода снимается оппозиция «объект – составитель жития», ибо сам агиограф рассматривается как функция этого идеального текста. К тартуско-московской школе все это имеет очень косвенное

²⁶ В связи с этим особенно показательное отсутствие ссылок на работу В.Н.Топорова о русской святости у Б.А.Успенского и В.М.Живова, по существу намного более тесно связанных с этой школой.

²⁷ Бочаров С.Г. *Космос В.Н.Топорова* // Бочаров С.Г. *Филологические сюжеты*. М., 2007. С.521, 527, 530, 531, 533, 537. – Ср. в этой же связи: Кацис Л. *Логос В.Н.Топорова в локусе «петербургского текста» русской литературы* // *Новое литературное обозрение*. 2009. №98. С.77–95 (электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ka9.html>).

отношение. Язык объекта (святость) становится метаязыком исследователя, который уже скорее не ученый, а историософ²⁸. И святой, и агиограф, и агиолог (т.е. и сам В.Н.Топоров) оказываются, так сказать, элементами одной саморазвивающейся порождающей системы.

Этот подход принципиально отличен от того, который принято именовать «культурологическим». Для историка культуры святость или ее определенный тип, «чин» – это именно факт культуры; святость, так сказать, вторична по отношению к порождающим механизмам культуры. При этом возможны два варианта: исследователь может исходить из представления о неосознанности этого порождающего механизма носителями культуры или же настаивать на том, что этот механизм ими осознается²⁹.

В.Н.Топоров же, хотя и рассматривает агиографию как явление культуры, осмысляет в данном случае «культурное» как вторичное по отношению к святости, как ее производное.

Претензии, аналогичные тем, которые можно предъявить с точки зрения «строго научного», «академического» знания к исследованию В.Н.Топоровым русской агиографии, уже высказывались по отношению к его знаменитой концепции «Петербургского текста русской литературы»³⁰. Между тем В.Н.Топоров совершенно осознанно прибегает к исследовательским приемам, которые для «научного ригоризма» являются сомнительными³¹. Одновременно последователи В.Н.Топорова (фактически – эпигоны, должным образом не воспринявшие топовскую концепцию), не поняв его, проигнорировали по-своему точное определение «Петербургского текста» как уникального феномена в русской

²⁸ Сказанное не означает, что в книге В.Н.Топорова нет примеров строжайшего филологического анализа или гениальных научных идей, все это есть. Но это не все, что в ней есть.

²⁹ Например, эти две позиции проявились в полемике между С.А.Ивановым и А.Л.Юргановым о природе юродства (См.: Иванов С.А. Блаженные похабы... С.12–13; Юрганов А.Л. Убить беса... С.17; 399–402, примеч. 12 к гл. 3).

³⁰ См. прежде всего материалы в: Петербургский сборник. СПб., 2005. Вып.4: Существует ли петербургский текст? / Под ред. В.М.Марковича и В.Шмида. – Оценку работ этой книги см.: Кацис Л. Указ. соч.

³¹ Так, «для В.Топорова и народная, и поэтическая, и научная этимология восходили к неким (следуя орфографии автора П[етербургского] Т[екста]) единым прафилологическим и пракрытским основам» (Кацис Л. Указ. соч. – Здесь и далее статья Л.Ф.Кациса цитируется по указанной электронной версии).

словесности (Исследователь особо отмечал невозможность говорить в этом же смысле слова о «Московском» и иных текстах). С их легкой руки из работы в работы стали кочевать не только «Московский»³², но и прочие «тексты», коим уже несть числа: «Крымский», «Пермский», «Карельский», «Нижегородский» и прочая, прочая, прочая...

Как справедливо пишет, Л.Ф.Кацис, «[т]еории В.Топорова строятся не в пространстве учебника истории русской литературы и даже не в пространстве академических историй. Его теории имплицитно содержат в себе и потенциальные возможности появления на свет ранее неизвестных, изъятых, пропавших и т.п. произведений. Такого рода историю русской культуры В.Топоров иногда называет идеальной»³³.

Сочинения и концепции В.Н.Топорова могут быть отнесены, как это и делает С.Г.Бочаров, к историософии или, шире, к философии. Однако здесь требуется существенная оговорка. Как точно заметил Л.Ф.Кацис, «никак нельзя говорить, что в основе исследований и мышления Топорова лежит некая абстрактная русская идея. Он приходил к идеологическим выводам на основе своих филолого-философских исследований либо обосновывал собственные интуиции содержательным материалом, а не иллюстрировал свои и чужие подходы специально подобранными примерами»³⁴. Это особенный тип философствования, который может быть назван «метафилологией» – не в значении «метаописание филологических штудий», а в значении «филология, выходящая за собственные пределы».

Без постоянного принятия во внимание природы топоровского дискурса и логоса понимание его работ попросту невозможно. «<...> [С]уществует не столько проблема глубокого прочтения и осмысления наследия В.Топорова, но просто проблема элементарного <...> чтения его текстов»; «Мы хотим только призвать тех, кто собирается использо-

³² По В.Н. Топорову, о «Московском тексте» можно говорить лишь как о пласте в границах «Петербургского текста», но не как о самостоятельном феномене (Ср.: Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. С.267–274, 278, 326–334). Кавычки у В.Н.Топорова, очевидно, не знак метафоричности понятия, а указание на функционирование этого термина как своего рода названия, обозначающего единый, целостный феномен (т.е. «Петербургский текст» – своеобразное коллективное произведение, именно текст, а не простой набор разных текстов – произведений о Петербурге).

³³ Кацис Л. Указ. соч.

³⁴ Там же. – Курсив Л.Кациса.

вать какие-то фрагменты грандиозных построений ученого, помнить, как любил говорить он сам, и *о целом, и о последних смыслах* того, о чем он писал и думал более 50 лет века XX и первое пятилетие века XXI»³⁵.

Стало своего рода клише относить сочинения и концепции В.Н.Топорова к так называемой тартуско-московской семиотической школе. Между тем для большинства представителей этой школы, образовавших ее «мейнстрим», была характерна осознанная «афилозофичность»³⁶. Работы В.Н.Топорова радикальным образом противоречат этой установке, и в этом заключается не их изъян, а их особая ценность³⁷.

Сказанное в полной мере относится и к грандиозной работе, посвященной изучению русской святости.

³⁵ Там же. – Курсив Л.Кациса.

³⁶ В.М.Живов, один из деятельных в прошлом участников школы, вспоминает: «В начале семидесятых годов я встретил одного из своих семиотических коллег и на его вопрос, чем я занимаюсь, сказал, что стараюсь стать немного осведомленнее в философии; в ответ я услышал, что "философия, кажется, устарела" и напрасно я трачу силы на такие не имеющие будущего занятия» (Живов В.М. Предисловие // Живов В.М. Разыскания в области истории... С.10). Ю.И.Левин пишет о тартуских школах: «Между прочим, характерно отсутствие философов <...> – характерно в плане специфического отношения к философии у нашей интеллектуальной элиты, – что восходит как к традиционной слабости философской культуры в России, так и к упразднению философии в 1922–23 гг. и замене ее марксизмом. В результате даже не возникал вопрос о философской базе семиотических исследований (ср. ситуацию во Франции и Италии)» (Левин Ю.И. Три заметки. 3. За здоровье Ее Величества // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С.638).

³⁷ Ср.: «Для того чтобы понимать В.Топорова, надо не только запастись терпением, но и преисполниться доверия к автору <...> не встраивая его в искусственный, хотя и кажущийся таким близким контекст тартуской структурно-семиотической школы. Право, это чтение собственно текстов В.Топорова окажется далеко не бесполезным не только для литературоведов (хотя и для них, безусловно, тоже). Если же взгляды В.Топорова оказались далекими от лотмановских <...> то радоваться надо разнообразию взглядов замечательных ученых, а не пытаться их "возможные миры" сводить к чему-то одному и вполне безликому» (Кацис Л. Указ. соч.).

Особый и чрезвычайно важный вопрос – значимые для В.Н.Топорова философские ориентиры. Очевидно, он был особенно внимателен к философам, размышлявшим о языке и по поводу языка. Показательны в этой связи ссылки на М.Хайдеггера.

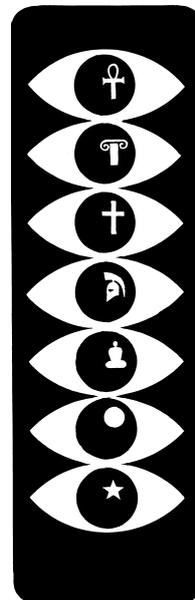

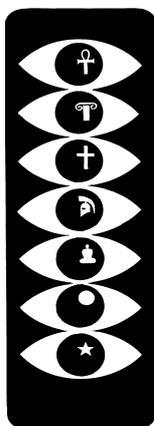
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Каждый знает, что, открывая книгу по истории, он понимает ее, как понимает роман или то, что то, что делают соседи; иначе говоря, объяснять означает для историка «показать развитие интриги, сделать его понятным»... Историк делает интриги понятными. Поскольку речь идет о человеческих интригах, а не о геологических драмах, то и мотивы их будут человеческими...

События интересуют историка просто потому, что они произошли, а не как повод для открытия закономерностей: он максимум при случае ссылается на последние; он стремится открыть неизвестные события или неведомую сторону событий.

Поль Вен

Юрий Парсамов

**ЗА КУЛИСАМИ
ЖУРНАЛЬНОЙ
ПОЛЕМИКИ
ВОКРУГ «КОНАРМИИ»
БАБЕЛЯ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94
659.4

The paper deals with the political background of S.M.Budenny's essay "The abism of abel". Based on archival documents it establishes the fact of major political campaign against A.K.Voronsky, the Chief Editor of "Krasnaya Nov" journal being prepared in the autumn 1924. That campaign was only a part of the wider campaign aimed against L.D.Trotsky, the member of Political Bureau of Central Committee of Russian Communist Party ("olsheviks). K.Ye.Voroshilov, the closest Stalin's supporter in his struggle for power, initiated Budenny's essay as well as the number of yet unpublished works against abel's "Red Cavalry". S.N.Orlovsky, a military prosecutor and A.I.Tarasov-Rodionov, a writer were Voroshilov's assistants and actual authors of the article.

Ключевые слова: Конармия; гражданская война; политика; общественная жизнь; журнал «Красная Новь».

Key-words: Red Cavalry; Civil war; policy; social life; "Krasnaya Nov" journal.

E-mail: parsamov@gmail.com

В третьем номере журнала «Октябрь» (сентябрь–октябрь) за 1924 год в разделе «Наша трибуна» была опубликована статья С.Буденного «Бабизм Бабеля из "Красной нови"». Написанная в характерном для журнальной полемики тех лет грубом стиле («больной садист», «дегенерат»), переходящем в политический донос («идеологически чуждый нам... гр. Бабель не мог видеть величайших сотрясений классово-борьбы» и т.д.), статья эта имела широкий резонанс и почти сразу же обросла множеством литературных мифов и легенд. Рассказывали, например, что Буденный, встретив Бабеля на каком-то большом приеме, погнался за ним с саблей вокруг стола¹, или, как однажды, проезжая в открытой машине мимо А.К.Воронского, печатавшего Бабеля в «Красной нови», Буденный «сильно выругался: "И тебя и твоего Бабеля надо выдрать арапником!"»² Однако при всем внешнем комизме ситуации были основания и у Бабеля, и у покровительствующего ему Горького опасаться, что за литературной вылазкой Буденного скрывается нечто большее, чем личное мнение некомпетентного в вопросах литературы командарма. Для писателей речь шла в первую очередь о недопустимости применения к литературе внелитературных критериев. Это и заставило Горького выступить в защиту Бабеля и включиться в полемику с Буденным на страницах «Правды». Сам Бабель, назвав в личном письме А.Г.Слоним ответ Буденного Горькому «документом, полным зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма»³, в полемике не участвовал.

В исследовательской литературе вся эта история традиционно замыкается на Буденном. Так, например, А.Геробен верно отмечает, что Буденный «не был в данное время "самостоятельной политической" фигурой, в борьбе этой если он и принимал, то весьма пассивное участие, но удар "рикошетом" по Воронскому был нанесен весьма ощутимый»⁴. Однако дальше констатации факта автор не идет и не поясняет, кто же тогда принимал *активное* участие и почему понадобилось «рикошетом» бить по Воронскому. Не проясняет ни одного из этих вопросов ни ста-

¹ Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С.210.

² Крумм Р. Исаак Бабель. Биография. М., 2008. С.85.

³ Бабель И. Сочинения. М., 1990. Т.1. С.291.

⁴ Геробен А. «Конармия» И.Бабеля в литературной критике 20-х годов // Slavica. XX. Debrecen, 1984. С.128.

тья Г.С.Меркина, специально посвященная данной проблеме⁵, ни новейшая биография Бабеля, написанная немецким исследователем Р.Круммом⁶. Не лучше обстоят дела и у специалистов по Буденному. Оба его биографа А.Золототрубов и Б.Соколов ограничиваются лишь изложением общеизвестных данных по этой проблеме⁷.

Итак, обратимся еще раз к статье Буденного. Этот небольшой документ четко делится на две части. Первая содержит в себе брань по адресу Бабеля и ничего особо интересного собой не представляет. Гораздо интереснее часть, где «автор» переходит на личность Воронского как редактора «Красной нови». Буденного «удивляет», «как мог наш советский художественно-публицистический журнал, с ответственным редактором коммунистом во главе, в 1924 г. у нас в СССР допускать петъ подобные песни. Не проверив их идеологического смысла и исторически-правильного содержания». И далее: «Неужели т. Воронский так любит эти вонючие бабы-бабелевские пикантности, что позволяет печатать безответственные небылицы в столь ответственном журнале, не говорю уже о том, что т. Воронскому отнюдь не безызвестны фамилии тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти»⁸.

Этот фрагмент нуждается в обстоятельном комментарии. Непредвзятый читатель тех лет, следящий за периодической печатью, должен был испытать удивление, почему именно «Красная новь» вызвала такой гнев командарма. Да, на ее страницах в 1923–1924 годах в четырех номерах было опубликовано 15 рассказов из цикла «Конармия»⁹. К тому времени Бабель уже не был начинающим писателем. Даже если не брать в расчет его одесские публикации, труднодоступные для широкого читателя, то

⁵ Меркин Г.С. Буденный и И.Бабель (К истории полемики) // *Филологические науки*. 1990. №4. С.97–102.

⁶ Крумм Р. Указ. соч. С.84–86. – Следует заметить, что источники, которые мы вводим в научный оборот, известны данному автору, но почему-то в его монографии они не приняты во внимание.

⁷ Золототрубов А. Буденный. М., 1983. С.194–196; Соколов Б. Буденный. М., 2007. С.151–154.

⁸ Октябрь. 1924. №3. С.197.

⁹ Красная новь. 1923. №7; 1924. №1, 3, 4. – Весь цикл включает в себя 35 рассказов. Причем только 9 из них увидели свет впервые, остальные были перепечатаны из «Известий Одесского губисполкома».

все равно в различных столичных журналах рассказы из «Конармии» публиковались раньше, чем в «Красной нови». Для сравнения: их было опубликовано 14, т.е. почти столько же, сколько и в «Красной нови». Особенно охотно эти рассказы печатал «ЛЕФ» (6 рассказов). При этом сам Бабель, по воспоминанию В.Шкловского, «считал это началом своей настоящей литературной судьбы»¹⁰.

Впрочем, можно предположить, что Буденный, кроме «Красной нови» никаких других печатных изданий в руках не держал и о существовании Бабеля узнал лишь из этого журнала. Но, в таком случае, куда смотрела редакция, состоящая из А.Безыменского, Ф.Березовского, Г.Лелевича, Юр.Либединского, С.Родова, А.Соколова и А.Тарасова-Родионова, которые Бабеля знали очень хорошо, а некоторые из них совсем недавно приветствовали его появление в литературе в журнале «На посту». Они-то уж наверняка могли «открыть глаза» разгоряченному командарму и объяснить ему, что ответственность за публикации Бабеля «Красная новь» разделяет не только с ЛЕФом, но и с «30 днями», «Огоньком» и даже газетой «Правда». Почему же они этого не сделали и почему даже в названии статьи Буденного было акцентировано «из "Красной нови"»? Здесь возможно несколько объяснений. Либо редакция «Октября» намеренно утаила от командира Первой конной, что Бабель «клеветал» на его армию не только в «Красной нови», либо в их интересы входила атака именно на этот журнал. Первое предположение вряд ли может быть принято. Зачем оставлять в заблуждении Буденного, ведь читателя журналов все равно не обманешь, и у него все равно появится вопрос: почему именно из «Красной нови»? Значит, остается второе: удар сознательно наносился по журналу Воронского. Но с какой целью? Конечно, причин для этого было много. Группа «Октябрь» давно вела борьбу с литературным направлением Воронского¹¹. Осенью того же года группа «Октябрь» заключила соглашение с идейно близкой к ней группой ЛЕФ¹². Именно с этого журнала начинается литературная известность Бабеля. Его переход в 1924 году в постоянно подвергающуюся нападкам со стороны «Октября» «Красную новь» мог быть воспринят как ренегатство, и таким образом было бы вполне естественно обрушиться одновременно и на Бабеля, и на «Красную

¹⁰ *Воспоминания о Бабеле. С.188.*

¹¹ *Так, еще в 1923 году ими был запущен в литературный оборот термин «вороновщина».*

¹² *Шеиуков С. Неистовые ревнители. М., 1984. С.40.*

новью». Но внутрилитературно-журнальные склоки вовсе не предполагали втягивание в них Буденного, человека бесконечно далекого от литературы, или, во всяком случае, для такого втягивания нужны были совершенно особые причины, выходящие за пределы журналистики и литературы. И причины эти следует искать в плоскости политической борьбы осени 1924 года.

Вся первая половина года ушла на форсированное создание посмертного культа Ленина. Для дальнейшей борьбы за власть, давно ведущейся между членами Политбюро ЦК РКП (б), было необходимо наличие некоего абсолютного носителя истины (естественно, покойного), для того чтобы, обвиняя противника в несоответствии этому абсолюту, можно было, с одной стороны, наносить ему чувствительные удары, а с другой, – демонстрируя собственную верность и полную готовность горячо защищать «абсолютную» истину, наращивать собственный политический капитал. Осенью 1924 года началась кампания по дискредитации Троцкого, находившегося в то время в Кисловодске. Непосредственным поводом послужила написанная им книга «Уроки Октября». В ней Троцкий дал бой своим противникам в Политбюро, в первую очередь Каменеву и Зиновьеву, позиционирующим себя наиболее близкими соратниками Ленина. Но, главное, он решил напомнить партийной общественности, кому она действительно обязана успешным Октябрьским переворотом. В 1917 и последующих годах военного времени заслуги Троцкого как руководителя Петросовета и главы Военно-революционного комитета не подвергались сомнению. В 1918 году Сталин писал в «Правде»: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому»¹³. В последующие годы, особенно в 1923 году, в ожидании близкой смерти Ленина, когда вопрос преемника встал со всей остротой, на Троцкого градом посыпались упреки в меньшевистском прошлом, и ему все чаще стали противопоставлять когорту т.н. «старых большевиков». Теперь, отвечая на эти упреки, Троцкий решил окончательно расставить все по местам,

¹³ Цит. по: Дейч Г.М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990. С.154.

показав, кто есть кто в Октябрьском перевороте. Картина в его изложении была представлена следующим образом. Ленин проявил себя как выдающийся теоретик вооруженного восстания, осознав его необходимость и своевременность. Против него выступали противники восстания, а следовательно, и противники ленинизма: Каменев, Зиновьев и др. Не упустил Троцкий случая еще раз напомнить и процитировать письмо Каменева в газете «Новая жизнь», опубликованное за неделю до восстания: «Не только я, тов. Зиновьев, – говорится в этом письме, – но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом»¹⁴. «Освежая» в памяти своих оппонентов то, как они «выдали Родзянко и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании...» (Ленин), Троцкий противопоставлял их тем самым себе и Ленину. Но, не ограничившись этим, он решил и себя противопоставить Ленину. Последний, как утверждает Троцкий, «не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после "тихого" восстания столичного гарнизона к середине октября»¹⁵. Поэтому он ошибочно советовал «начать восстание в Москве». Таким образом получалось, что только один Троцкий последовательно отстаивал идею вооруженного восстания в Петрограде и оказался прав. Мысль о его преимстве по отношению к Ленину в этом свете представлялась совершенно очевидной.

Именно это и вызвало бурную реакцию. На страницах «Правды» начиная с ноября 1924 года развернулась погромная кампания против Троцкого¹⁶.

Следует отметить особую роль Сталина в этой истории. Он как никто другой был заинтересован в появлении книги Троцкого «Уроки Октября». Для Каменева и Зиновьева, проявивших «оппортунизм» в вопросе о восстании, сама «октябрьская» тема была весьма щекотливой, и говорить о ней без покаяния перед партией они не могли. Сталин же,

¹⁴ Троцкий Л.Д. *Уроки Октября*. Л., 1991. С.101.

¹⁵ Там же. С.107.

¹⁶ См. об этом: Парсамов Ю. И.Э.Бабель и К.Е.Ворошилов. Доклад Ворошилова в ЦК РКП (б) // *Россия XXI*. 2010. №4. С.159–160.

хотя и был в 1917 году на стороне Каменева, но, как пишет Троцкий, «поддержал его молча» и вовремя «бесшумно отодвинулся от Каменева»¹⁷. Иными словами, в октябре 1917-го Сталину удалось не «наследить», и хотя лавры не пришлось пожинать, но и каяться было не в чем. В этом смысле в 1924 году у него была вдвойне выигрышная позиция. В столкновении Троцкого, с одной стороны, и Каменева и Зиновьева, – с другой, Сталин хоть и был на стороне последних, но его позиция была как бы немного над схваткой. Так, например, опровергая мысль Троцкого о расколе в партии по вопросу о вооруженном восстании («ни о каком расколе не было и не могло быть речи»), Сталин тем не менее не упускает случая напомнить, что Каменев и Зиновьев были «противники немедленного восстания»¹⁸, тем самым если не призывая, то, во всяком случае, не мешая им в очередной раз покаяться. И явно не без задней мысли подразнить своих «союзников» Сталин в своем антитроцкистском выступлении как бы походя замечает: «Власть была взята фактически <...> Ленинградским советом, Военно-революционным комитетом». Иными словами, что бы там ни говорили, а в октябре 1917 года власть взял Троцкий. Важна и концовка сталинской статьи: «Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма»¹⁹. Нет оснований сомневаться в том, что в 1924 года Сталин не рассматривал репрессии как реальное оружие в борьбе с инакомыслием. Но в то же время он отнюдь не собирался ограничиваться «идейной» борьбой с троцкизмом, прекрасно уже тогда понимая, что его блок с Каменевым и Зиновьевым носит временный характер. Главную ставку Сталин делал на государственный аппарат, с помощью которого он уже давно вел борьбу против Троцкого.

После того как Ленин осенью 1923 года утратил дееспособность, Троцкий фактически оказался самым могущественным и влиятельным членом Политбюро. Он контролировал армию и флот как председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам и вместе с тем выступал как литературный критик. Его литературно-критические ста-

¹⁷ Троцкий Л.Д. Сталин: В 2 т. М., 1990. Т.1. С.271; 275.

¹⁸ Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм // Троцкий Л.Д. Уроки Октября. С.192.

¹⁹ Там же. С.212.

ты, сначала публиковавшиеся в «Правде», а в 1923 году вышедшие отдельной книгой, отражали официальную политику партии в области литературы и служили руководством для писателей. Сталин, ставший в 1922 году генеральным секретарем ЦК РКП (б)²⁰, начал аппаратные игры по лишению Троцкого военного и литературного рычагов влияния. На протяжении 1923–1924 годов Сталин постепенно добивается расширения состава Реввоенсовета за счет включения в него своих людей и соответственно уменьшения удельного веса людей Троцкого. Первым крупным достижением Сталина в этом направлении стало смещение с поста заместителя председателя Реввоенсовета (март 1924 г.) Э.М.Склянского, одного из ближайших сторонников Троцкого. «В новый Реввоенсовет вошли Троцкий (председатель), Фрунзе (заместитель), Бубнов (начальник ПУРа). Уншлихт (начальник снабжения), Ворошилов, Лашевич, Буденный. Каменев, Розенгольд, Орджоникидзе. Аделиава, Мясников, Хадыр-Алиев, Караев»²¹. Назначение Фрунзе заместителем Троцкого было вполне продуманным шагом Сталина. Между этими двумя наиболее популярными в армии людьми существовало неявное соперничество. Сталин сумел придать этому обстоятельству характер идеологических разногласий, проявившихся на военном совещании делегатов XI съезда. Poleмика разгорелась по вопросу о применении марксизма к военному делу. Как вспоминал впоследствии Буденный, «Троцкий заявил, что марксизм, мол, вообще к военному делу неприменим, что война – ремесло, совокупность практических навыков и потому не может быть науки о войне»²². Фрунзе же отстаивал мысль, что армия может и должна строиться исходя из марксизма.

²⁰ На должность генсека Сталина выдвинул Зиновьев. По этому поводу Троцкий писал: «Без инициативы Зиновьева Сталин едва ли стал бы генеральным секретарем. Зиновьев хотел использовать эпизодическую дискуссию о профессиональных союзах зимой 1920–1921 г. для дальнейшей борьбы против меня» (Троцкий Л.Д. Сталин. Т.2. С.188). В дальнейшем роли поменялись: не Зиновьев использовал Сталина против Троцкого, а наоборот.

²¹ Троцкий Л.Д. Сталин. Т.2. С.60.

²² Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1973. Кн.3. С.286. – Из выступления Троцкого: «Война опирается на многие науки, но война не есть наука, – война есть практическое искусство, меньше... ремесло жестокое, кровавое... Каким же образом можно приемы военного ремесла или искусства строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник» (Цит. по: Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк 1879–1921. М., 2006. С.486).

Еще более значительной победой Сталина стала замена (май 1924 г.) в должности командующего Московским военным округом Н.И.Муралова, близкого друга Троцкого, Ворошиловым, всецело преданным Сталину. «Как только Сталин сосредоточил в своих руках партийные пружины в армии, – пишет Троцкий, – он поспешил перевести Ворошилова из Северо-Кавказского военного округа в Москву, на место Муралова. Так он получил в Москву наиболее преданного ему военного командующего»²³. С этого момента московский гарнизон фактически Троцкому не подчинялся – немаловажное обстоятельство в условиях развернутой травли автора «Уроков Октября» осенью 1924 года.

Царицынская оппозиция

Появление Ворошилова в Реввоенсовете Республики и во главе Московского военного округа имело для Сталина тем большее значение, что Ворошилов лично ненавидел Троцкого.

Истоки этой ненависти восходят к периоду гражданской войны, когда Ворошилов возглавлял так называемую «царицынскую оппозицию», направленную против строительства централизованной армии. Как вспоминал впоследствии Троцкий, «хотя Ворошилов был из луганских рабочих, из более привилегированной верхушки, но по всем своим повадкам и вкусам он всегда гораздо больше напоминал хозяйчика, чем пролетария. После октябрьского переворота Ворошилов естественно сделался средоточием оппозиции унтер-офицеров и партизан против централизованной военной организации, требовавшей военных знаний и более широкого кругозора. Так сложилась царицынская оппозиция»²⁴. За спиной этой оппозиции стоял Сталин, занимавший в то время должность члена Реввоенсовета Южной армии. Осенью 1918 года Троцкий посетил Южную армию. Тогда между ним и Ворошиловым произошел открытый конфликт²⁵, давший Троцкому пищу для выступления на VI

²³ Троцкий Л.Д. Сталин. Т.2. С.210.

²⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1992. Т.2. С.172–173.

²⁵ Троцкий вспоминал: «Я поставил Ворошилову вопрос: как он относится к приказам фронта и главного командования? Он открыл мне свою душу: Царицын считает нужным выполнять только те приказы, которые он признает правильными. Это было слишком. Я заявил, что, если он не обяжется точно и безусловно выполнять приказы и оперативные задания, я его немедленно отправлю под конвоем в Москву для предания трибуналу»

съезде Советов: «Не все советские работники поняли, что существует централизованное управление, и все приказы, идущие сверху, должны быть незыблемы...; к тем советским работникам, которые еще всего этого не поняли, мы будем безжалостны; мы их отстраним, выбросим из наших рядов, подвергнем репрессиям». Комментируя собственную речь, Троцкий позже писал: «Это било по Сталину в неизмеримо большей степени, чем я мог думать тогда, направляя эти слова главным образом против Ворошилова. Сталин присутствовал на съезде и молчал. Он молчал на заседании Политбюро. Он не мог защищать открыто своих действий. Тем больше он накапливал злобы»²⁶.

Ворошилова и Сталина роднило, в частности, и то, что вся история их участия в гражданской войне – это история военных ошибок и преступлений. Если Ворошилов уцелел и даже сделал карьеру, несмотря на угрозы Троцкого, то этим он был обязан главным образом заступничеству Сталина. Что касается Сталина, то и у него имелся высокий покровитель в годы гражданской войны в лице Ленина. Не без некоторого удивления Троцкий писал: «Ленин "выдвигает" Сталина». Успокаивал себя Троцкий тем, что «Лениным руководит не личное пристрастие, а деловые соображения. <...> Ленин, несомненно, высоко ценил в Сталине некоторые черты: твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность, как необходимые качества в борьбе»²⁷. Однако, думается, дело было не только в этом. В своих мемуарах Троцкий сообщает, что Сталин постоянно подавал Ленину против него «записки о неправильности военной политики» и, в частности, о том, что тот подбирает людей против Ленина²⁸. В тех условиях, несмотря на сомнительную достоверность, это было очень серьезным обвинением. В руках Троцкого в годы гражданской войны была сосредоточена огромная власть. Сам он позже вспоминал: «В годы войны в моих руках сосредоточилась власть, которую практически можно назвать беспредельной. В моем поезде заседал революционный трибунал, фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а в известные периоды почти вся не захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепленные

(Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. С.174–175).

²⁶ Троцкий Л.Д. *Сталин*. Т.2. С.90.

²⁷ Там же. С.174.

²⁸ Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. Т.2. С.180; 183.

районы»²⁹. Ленина, находящегося в Москве, это не могло не беспокоить – вне зависимости от того, имелись у Троцкого бонапартистские замыслы, или нет. Очень важно было иметь против него какой-то противовес. Именно такой противовес Ленин и нашел в Сталине. В этом главным образом и заключается секрет «непотопляемости» последнего. Характерно, что, когда Троцкий пытался напрямую объясниться с Лениным и в очередной раз открыть ему глаза на Сталина, тот уклончиво ответил: «Пустяки», – не пояснив, к чему собственно это относится, к обеспокоенности Троцкого или доносам на него Сталина.

Конармейские скандалы

Что касается Ворошилова, то он очень хорошо усвоил, что его военная карьера полностью зависит от Сталина³⁰ и что перевод в Москву, в первую очередь, нужен Сталину для борьбы против Троцкого. Бывший член Реввоенсовета Первой конной армии, Ворошилов в 1924 году пользовался весьма сомнительной репутацией, как и сама армия. К тому времени она еще не была овеяна романтической легендой непобедимости и героизма. Скорее с ней ассоциировались эксцессы бандитизма, неизбежные в любой войне. Сам Ворошилов вынужден был признать: «Бойцы знают, что их в тылу называют бандитами»³¹. Партийная и военная верхушка хорошо помнила события сентября–октября 1920 года, когда конармейцами были убиты комиссар 6-й дивизии Г.Шепелев и «несколько лиц комсостава»³². Ше-

²⁹ Там же. С.203.

³⁰ Выступая в Ростове в ноябре 1921 года на собрании бойцов, командиров и политработников 1-й Конармии по случаю ее двухлетней годовщины, Ворошилов, как бы заглядывая в будущее и нарушая действовавшую на тот момент партийную иерархию, заявил: «Сталин немногим известен, а вместе с тем, это одна из величайших в истории личностей. Он является вторым лицом в нашей Республике. Во время гражданской войны он проявил недюжинный талант стратега, а также он впервые своим светлым чутьем и головой почувствовал необходимость создания такой крупной, сильной Конной Армии, которая могла бы противостоять вражеским силам» (Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.74 (К.Е.Ворошилов). Оп.2. Д.73. Л.8).

³¹ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.72. Л.14 об.

³² Генис В.Л. Первая Конная Армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. №12.

пелев был убит при попытке остановить еврейские погромы, которые проводились под лозунгами «Бей жидов, коммунистов, комиссаров и спасай Россию»³³.

Сразу же, как только об этом стало известно в Кремле, в Конармию для расследования была отправлена комиссия ЦК в составе члена политбюро Л.Б.Каменева, комиссара главного и полевого штабов РККА Д.И.Курского, наркомов здравоохранения Н.А.Семашко и просвещения А.В.Луначарского и секретаря ЦК Е.А.Преображенского³⁴. Как отмечалось в рапорте члена Совета Обороны Г.Н.Мельничанского, «ни комбриг и никто из командного состава не принял никаких мер, чтобы найти застрельщиков и убийцу»³⁵. В ходе следствия было установлено: «Выходя из боя, направляясь в тыл, полки 6 кавалерийской дивизии, 31, 32 и 33, учинили ряд погромов, грабежей, насилий и убийств. Эти преступления появились еще раньше отхода. Так, 18 сентября совершено было 2 бандитских налета на мирное население; 19 сентября – 3 налета; 20 сентября – 9 налетов; 21 числа – 6 и 22 сентября – 9 налетов; а всего за эти три дня совершено было больше 30 разбойничьих нападений. В местечке Любарь 29/IX произведен был грабеж и погром мирного населения, причем убито было 60 человек. В Прилуках, в ночь со 2 на 3/X тоже были грабежи, причем ранено мирного населения 12 человек, убито 21 и изнасиловано много женщин. Женщины бесстыдно насиловались на глазах у всех, а девушки, как рабыни, утаскивались зверями бандитами к себе в обоз. В Вахновке 3/X убито 20 человек, много ранено, изнасиловано и сожжено 18 домов. При грабежах преступники не останавливались ни перед чем и утаскивали даже у малышей-ребят детское белье»³⁶.

9 октября Реввоенсовет Первой Конной вынужден был принять решение о расформировании участвовавших в погромах полков и аресте 387 человек, из которых Реввоентрибунал приговорил к расстрелу 141

С.70.

³³ Там же. С.71.

³⁴ Веди ж, Буденный, нас смелее... Уголовное дело 1-й Конной // Совершенно секретно. 1998. №8. С.18.

³⁵ Цит. по: Генис В.Л. Указ. соч. С.71.

³⁶ Совершенно секретно. 1998. №.8. С.19.

человека, в том числе 19 коммунистов, остальные были приговорены к различным срокам тюремного заключения³⁷.

Вся эта история произошла, разумеется, не на пустом месте. В конце июня 1920 года в Первую Конную прибыл партийный работник С.Н.Фези-Жилинский, получивший назначение на должность начальника поарма³⁸. Ситуация осложнялась тем, что в Конной уже был свой начпоарм – И.В.Вардин (Мгеладзе), близкий человек к Ворошилову. Большевик, в прошлом член бюро сначала Саратовского, затем Петроградского и, наконец, Московского комитетов РСДРП (б), Вардин в дальнейшем проделает сложную эволюцию: будет заведующим отделом печати ЦК РКП (б), секретарем РАПП, редактором журнала «На посту». В этих должностях он будет активно бороться с Воронским, писать панегирики Ворошилову. В 1925 году перейдет на сторону Троцкого. В 1927 году будет исключен из партии как «активный член троцкистской оппозиции», правда, на следующий год его восстановят, но в 1935 году опять исключат и дадут сначала 10 лет, а в 1941 году расстреляют.

Итак, в июне 1920 года начпоконарму³⁹ Вардину, по причине его частого отсутствия в расположении армии, нашли замену. Однако Ворошилов, уже успевший «сработаться» с Вардиным и привыкший выполнять лишь те приказы, с которыми был согласен, отказался производить навязанную ему из ЦК кадровую замену и добился, возможно, через Сталина, чтобы Вардина оставили в его должности, а Жилинского назначили заместителем начпоконарма. Соответствующее решение было принято, но оно, видимо, не устроило Жилинского, и тот спустя буквально неделю после приезда в Конармию написал в ЦК политическую сводку о моральном разложении армии. О 6-й кавалерийской дивизии в ней, в частности, говорилось: «Наблюдается усиленная травля евреев; рост бандитизма и насилия по отношению к местному населению. Военнопленных раздевают; изрубили 150 пленных, захваченных в Новоградволинске. Население Житомира и Бердичева сплошь ограблено проходившей в свое время дивизией»⁴⁰. Положение, как видно, предвосхищает события сентября. Единст-

³⁷ Генис В.Л. Указ. соч. С.73.

³⁸ Политическое управление армией.

³⁹ Начальник политического управления Конной армии.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.72. Л.16. – В официальную сводку вошли лишь конкретные эпизоды. В частности, не упоминалось о том, как «при занятии Ровно ...помощник одно-

венное, чего не хватает, так это убийства комиссара. Примерно таким же образом, если верить сводке, дела обстояли и в других дивизиях: «Все увеличивающийся развал армии, растущий бандитизм, грабежи и пьянство – все это делается открыто и не одними только красноармейцами, но подчас также комсоставом и военкомами». Причину подобного разложения Жилинский видел в первую очередь в плохой работе своего предшественника: «Вообще громадная доля бандитизма берет свое начало благодаря попустительству и поощрению комсостава. Политработа не ведется за отсутствием или негодностью политработников»⁴¹. В своем докладе начальнику ПУРа Жилинский прямо писал: «К сожалению, начпоконарм 1 тов. Вардин, не работавший никогда в армии, до сих пор этого не понимает»⁴².

Поступок Жилинского, чем бы он ни был вызван, заставил всерьез нервничать Ворошилова, прекрасно помнившего, как Троцкий обещал отдать его под трибунал за подобные дела. 6 июля на расширенном заседании Реввоенсовета, Ворошилов, заслушав мнения командиров дивизий о сводке Жилинского, дружно утверждавших, что все это «не соответствует действительности», назвал сводку «пасквилем на армию», а на следующем заседании Реввоенсовета 11 июля провел решение: «тов. Жилинского отправить в распоряжение Начпоюзапа⁴³, донеся в Реввоенсовет фронта и Политотдел о причинах освобождения его от обязанностей заместителя»⁴⁴.

Вслед за этим Сталину в ЦК (копия Ленину) было отправлено письмо за подписями Ворошилова, Буденного, Минина и Вардина, возмущенных действиями Жилинского. Заостряя внимание на том, что политсводка Жилинского «представляет собой смесь лжи, обывательских сплетен и пасквиля», авторы письма обсуждение поставленных в нем проблем подменяют риторическими конструкциями: «Сила Конной армии в том, что она олицетворяет крестьянскую стихию, поднявшуюся против союза русских помещиков и донско-кубанского богатого казачества» (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – Ю.П.). И далее: «Конная армия волею судеб явилась наиболее яркой выразительницей силы и

го из комполков был пойман во время изнасилования женщины» (Там же. Л.5).

⁴¹ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.72. Л.16 об.

⁴² Там же. Л.27.

⁴³ Начальник политического управления Юго-западной армии.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.72. Л.12.

мощи советской России. И естественно, что она больше других сосредоточила на себе ненависть буржуазно-мещанско-интеллигентских элементов. Эти элементы тысячами путей влияют на значительную часть наших товарищей, особенно вышедших из мещанско-интеллигентских рядов. Они поддаются влиянию враждебных нашей революции элементов, и в результате создается довольно дружный хор хулителей конной армии... Конная армия – крестьянская по преимуществу армия – требует бережного, внимательного, любовного к себе отношения, – без предубеждения, без пренебрежения».

В частности, «бережное» и «любовное» отношение к Конармии заключается в том, чтобы признать: «Армия вынуждена самоснабжаться, вынуждена производить необходимый "грабеж". Она не может соблюдать всех правил коммерции». Бандитизм был для Ворошилова самым легким обвинением, оправдаться в котором в условиях военного времени особого труда не представляло: «Бойцы это понимают. Они – сами в подавляющем большинстве крестьяне – сознают, что нехорошо отнимать у крестьян хлеб, скот, нередко лошадь, повозку. Но они знают и понимают и то, что советское государство – государство бедняков – не может их снабдить всем необходимым. Они входят в положение нашей власти... а их называют бандитами».

Гораздо серьезнее было обвинение в антисемитизме. Здесь бессмысленно было оперировать условиями военного времени. Поэтому приходилось прибегать к откровенной лжи и демагогии: «Значительная часть – едва ли не большинство – наших товарищей искренне убеждено, что в Конной армии, напр., еврею появиться невозможно, что в ней комиссаров и коммунистов бьют, что она в свободные от боев часы обязательно грабит, насилует, истязает и так далее и т.п. Такие дикие взгляды являются результатом незнания, отчужденности, непонимания. Широкая партийная публика не осведомлена о происхождении, истории и характере армии»⁴⁵.

Обращение в ЦК через Сталина было вполне понятно, так как Сталин не только был покровителем Ворошилова, но прямо отдавал ему «приказ об ограблении лошадей у крестьян в 3-х уездах»⁴⁶. Знал, видимо, Ворошилов и то, что Сталину, в свою очередь, покровительствует Ленин, поэтому и направил лично ему копию письма. Характерно, что

⁴⁵ Там же. Л.14–15.

⁴⁶ Там же. Л.27 об.

Ленин перенаправил политесводку Жилинского не Троцкому, как это следовало по логике вещей, а наркому финансов и секретарю ЦК РКП (б) Н.Н.Крестинскому. Любопытно также и то, что Крестинский направил Троцкому не политесводку Жилинского, а жалобу на последнего Ворошилова с предложением: «Никакого решения не выносить, бумагу за взаимностью обид сдать в архив, а Конную Армию усилить хорошими и независимыми политработниками»⁴⁷. Судя по всему, Троцкий с таким решением согласился. Армия наступала, а это главное. Все попутные преступления, как это часто бывало, должны были списаться самой войной. Однако в данном случае этого не произошло, и уже через два месяца конармейцев расстреливали как контрреволюционеров и бандитов, что, впрочем, не привело, да и не могло привести, к заметным изменениям конармейских нравов. Во главе всего по-прежнему стоял Ворошилов. Об этом вполне определенно доносил в ЧК начальник особого отдела Зведерис: «В Армии бандитизм не изживется до тех пор, пока существует такая личность, как Ворошилов, ибо человек с такими тенденциями, ясно, является лицом, в котором находили поддержку все эти полупартизаны-полубандиты. Ворошилов, самодур по натуре, решил, что дальнейшее усиление особого отдела будет иметь скверные последствия персонально для многих высоких "барахольщиков"»⁴⁸. Итог этого донесения был вполне предсказуем: Зведерис был отстранен от должности, а Ворошилов остался на своем месте. Для высшего состава Конармии история с погромами и убийством комиссара прошла практически бесследно. Высокая комиссия из Москвы вполне удовлетворилась следующими объяснениями Вардина. По вопросу бандитизма начпоарм заявил: «Вопрос о том, что наша Конная армия пошаливает, был все время... Было установлено, что это вполне естественно, потому что у нас нет организованного снабжения, и надо было организовать необходимый грабеж, от которого, конечно, легко перейти и к грабежу и не необходимому». Нашлось что сказать и по вопросу об антисемитизме: «Самое большое место у нас – это комиссары эскадрона. Они, обыкновенно, рядовые бойцы, коммунисты, но коммунисты очень слабые, и некоторые иногда и не прочь крикнуть вместе с бойцами: "Бей жи-дов..." Антисемитизм, как и во всякой крестьянской армии, имел место. Но антисемитизм пассивный...». В конечном счете все проблемы све-

⁴⁷ Там же. Л.17.

⁴⁸ Совершенно секретно. 1998. №8. С.19.

лись к тому, что «наша армия не получила и 10-й доли того количества работников, в которых нуждалась...»⁴⁹.

Итак, с арестами и расстрелом рядовых участников погромов вопрос был закрыт. Карьера Ворошилова благодаря Сталину быстро пошла вверх. Сталину нужны были в руководстве свои люди для ослабления позиций Троцкого. Правда, Ворошилов не мог бороться с Троцким идеологически. В марксизме, как, впрочем, и в других теоретических вопросах, он был не силен, но Конармия была, безусловно, его темой. Поэтому публикация Воронским бабелевских рассказов в «Красной нови» стала подходящим моментом, для того чтобы, нанеся удар по Воронскому, косвенно ударить и по Троцкому⁵⁰. Кроме того, на развенчании Бабеля можно было начать «канонизацию» Конармии как героической и непобедимой и тем самым нажить себе политический капитал, превратившись из высокопоставленного чиновника с сомнительным прошлым в легендарного военкома. Таким образом, заказ со стороны Сталина, если допустить, что он имел место, вполне соответствовал интересам самого Ворошилова.

Не следует упускать из виду и то, что героизация Первой Конной способствовала также повышению военного престижа самого Сталина и одновременно была по военной репутации Троцкого. Последний, как известно, в отличие от первого был противником формирования конных армий. Позже, в разгар борьбы с троцкизмом, расхождение их в этом вопросе всячески подчеркивалось как пример сталинской правоты. Так, на общем собрании землячества Первой Конной 24 января 1932 г., когда уже легенда окончательно сложилась, подчеркивалось: «Мы должны показать, что мы прежде всего большевики и никогда с троцкизмом наша Конная Армия не была связана и вопреки троцкизму была создана против него. Все конноармейцы знают, что Троцкий был против формирования и организации Первой Конной, т. Сталин был за это. Когда ему Троцкий и троцкисты доказывали своей ученостью, что не было в истории таких больших конных масс, у Мурата (sic!) было только 5 тысяч, и он им указывал: "А Чингисхан имел сотни тысяч, это было, вы не знаете истории, почему нам не иметь такой конницы". Только железной волей Сталина она была создана, причем конноармейцы знают, что РВС Рес-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ О взаимоотношениях Троцкого и Воронского и совпадении их эстетических позиций см.: Динерштейн Е.А. А.К.Воронский. В поисках живой воды. М., 2001.

публики не утвердил нашего существования, и до сих пор нет документа об этом. Наша Конная армия была санкционирована и сделано было это т. Сталиным под его ответственностью»⁵¹.

Эти слова при всем их идеологическом перекосе в принципе правильно отражают суть дела. Троцкий всегда подозрительно относился и к коннице, и к крестьянству. По его мнению, «конница была самым реакционным родом войск и дольше всего поддерживала царский режим»⁵². Что касается крестьянства, то в конце жизни, подводя итог своих размышлений на эту тему, Троцкий писал: «Бесформенный обломок средневековья в современном обществе, крестьянство не может иметь самостоятельной политики, оно нуждается в вожде со стороны»⁵³. Поэтому старая кавалерия, состоящая главным образом из богатых крестьян и казаков, казалась Троцкому вдвойне подозрительной. В противовес ей он выдвинул идею пролетарской конницы, бросив клич «Пролетарии, на коня». Однако реальное формирование красной кавалерии шло вопреки идеологическим понятиям Троцкого. Первая Конная была далеко не пролетарским соединением. Поэтому ее дальнейшая канонизация стала одним из аргументов в борьбе с троцкизмом.

**Как готовилась статья
Буденного**

Нет сомнений в том, что именно Ворошилов был инициатором статьи Буденного. Во всяком случае, как будет видно из дальнейшего изложения, она готовилась в непосред-

ственном окружении Ворошилова. В печать статья была сдана не позже сентября 1924 года⁵⁴, т.е. до того, как Троцкий окончил «Уроки Октября». Замысел был следующий. Статья Буденного в «Октябре» должна была открывать полемику. Вслед за ней в редакцию «Правды» и Политбюро должны были поступать письма и статьи от «возмущенных» конармейцев. Кульминацией же всего этого должен был стать погромный доклад Ворошилова в ЦК. Понятно, что Ворошилов, не очень владев-

⁵¹ РГАСПИ Ф.74. Оп.2. Д.74. Л.42.

⁵² Троцкий Л.Д. Сталин Т.2. С.68.

⁵³ Там же. Т.1. С.118.

⁵⁴ Третий номер «Октября» датируется сентябрем–октябрем, т.е. к сентябрю номер был уже сверстан.

ший пером, выступал лишь в роли заказчика. Непосредственными исполнителями были С.Н.Орловский и А.И.Тарасов-Родионов.

Сергей Николаевич Орловский (1891–1935) – один из ближайших к Ворошилову людей. Выпускник юридического факультета Московского университета, участник Первой мировой войны, Орловский сразу же после Февральской революции перешел на сторону революционизированных солдат, возглавлял комитет 10-й стрелковой дивизии Юго-западного фронта, затем военно-революционный комитет при 4-м Сибирском корпусе. В 1918 году он становится членом РКП (б). В начале 1919 года добровольно вступает в Красную армию. Видимо, тогда же состоялось его знакомство с Ворошиловым. Летом 1919 года по заданию последнего Орловский во главе пехотной группы прикрывал отход 14-й Красной армии от Екатеринослава, попал в окружение, был отрезан, но сумел прорваться и выбраться к своим с ценными сведениями о расположении белых частей, за что был награжден орденом Красного знамени. С этого момента его судьба и карьера тесно связана с судьбой Ворошилова. В конце 1919 года Орловский был назначен секретарем РВС Первой конной армии. По окончании гражданской войны Ворошилов становится главнокомандующим Северокавказским военным округом, а Орловский – его военным прокурором. В 1924 году Ворошилов назначается командующим Московским военным округом, Орловский соответственно его военным прокурором. В двадцатые годы прокуратура еще пыталась противостоять беззакониям ОГПУ. Орловский в этом отношении действовал в духе своих непосредственных начальников: главных военных прокуроров О.Н.Кузьмина, П.Павловского, М.М.Ланды. Он написал ряд работ на тему революционной законности⁵⁵ и даже предложил организовать для сотрудников ГПУ «цикл занятий по изучению сущности революционной законности, уголовного права и процесса, методики проведения дознаний. Однако начальник особого отдела округа отреагировал однозначно: его уполномоченные "не нуждаются в инструктировании извне"⁵⁶. В 1930 году Орловский становится Глав-

⁵⁵ Орловский С.Н., Малкис В.Я. *Революционная законность и Красная армия*. М., 1926; *Их же. Что должен знать красноармеец о военном суде*. М.; Л., 1928; *Их же. Советское военное уголовное право: Учение о материальном и процессуальном военно-уголовном праве*. М.; Л., 1930.

⁵⁶ Бобринев В.А. *Судили прокуроров... // Расправа. Прокурорские судьбы*. М., 1990. С.21.

ным военным прокурором РККА⁵⁷. Одновременно Орловский выступает как летописец и мифологизатор Первой Конной⁵⁸. Он возглавляет литературно-художественную секцию землячества Конармии⁵⁹. Секция занималась «популяризацией Конармии и произведений о ней»⁶⁰. Лично на Орловского была возложена обязанность «проследить за правильным распределением литературы о Конармии»⁶¹. Вся литературная работа Орловского по Конармии, начиная с первых антибабелевских опусов, велась под непосредственным контролем и руководством Ворошилова. После ранней смерти Орловского все его конармейские бумаги оказались в руках Ворошилова и теперь составляют часть архива последнего. По ним, в частности, можно судить, как должна была разворачиваться журнальная кампания против Бабеля и Воронского.

Сам Ворошилов без указа со стороны Сталина вряд ли осмелился бы начать кампанию против Бабеля и тем более Воронского. Сталин, скорее всего, явился заказчиком этой акции, рассчитывая включить ее в общую кампанию борьбы с Троцким. Это важно подчеркнуть. Ведь Ворошилов вынужден был невольно идти против официальной линии ЦК, стоявшего в литературных вопросах на позиции Троцкого, еще в 1923 году недвусмысленно давшего понять: «Тов. Воронский выполняет по поручению партии – большую литературно-культурную работу»⁶². В Бабеле же Троцкий видел «талантливейшего из наших молодых писателей»⁶³. В 1924 году Бабель *официально* считался «восходящей звездой нашей литературы»⁶⁴, два его рассказа были опубликованы в «Правде»⁶⁵,

⁵⁷ *О его деятельности в этой должности и о загадочной смерти см.: Там же. С.24–29.*

⁵⁸ Орловский С.Н. *Великий год. Дневник конноармейца*. М.; Л., 1930; *Его же. Десять лет 1-й Отдельной особой кавалерийской бригады имени И.В.Сталина*. М., 1930; *Его же. Первая Конная армия*. М., 1930; *Его же. В Первой Конной армии // На службе пролетарской революции. Сборник статей о К.Е.Ворошилове*. М., 1931.

⁵⁹ Так официально именовалось сообщество бывших конармейцев.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.74. Л.7. – Под непосредственным наблюдением секции вышел фильм «Первая Конная», была написана и поставлена пьеса Вишневого «Конармия», написана поэма Алтайского «К.Е.Ворошилов», подготовлены и проведены пятидесятилетние юбилеи Ворошилова (1931), Буденного (1933).

⁶¹ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.72. Л.7–8.

⁶² Троцкий Л.Д. *Литература и революция*. М., 1991. С.168.

⁶³ Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. Т.2. С.86.

⁶⁴ *Правда*. 1924. 24 октября.

и даже «напостовцы» приветствовали его появление в литературе до тех пор, пока он не стал печататься в «Красной нови»⁶⁶. В этих условиях появление антибабелевских статей в «Правде» могло быть лишь в случае официального изменения литературной политики ЦК. Именно этого и добивался Ворошилов, готовя соответствующие материалы.

Орловский написал большую разгромную статью «На задворках Конармии», а также «организовал» письма возмущенных конармейцев, на основании которых было составлено письмо в Политбюро. Судя по бланку, на котором оно было напечатано⁶⁷, письмо должен был подписать Ворошилов; а судя по косноязычию⁶⁸, в целом несвойственному привыкшему к письменной речи Орловскому, письмо это писал сам Ворошилов. К письму прилагались выписки из рассказов Бабея, дискредитирующие, по мнению Ворошилова, Конармию. В этом письме намечены и основные темы дальнейшей полемики: идеологический вред, незнание реальных обстоятельств, клевета на командный состав и порнография. Исходя из этих обстоятельств, Ворошилов считал необходимым: «1) предложить редакции "Красная Новь" воздержаться от дальнейшего печатания очерков Бабея о Конной Армии без их просмотра товарищами, знающими ее быт и действия; 2) в случае сдачи Бабелем для набора рукописи о Конармии или наличии ее уже в наборе в Госиздате впредь до просмотра ее в целом комиссией не печатать, а печатать только по просмотре комиссией и даче положительной визы; 3) поручить товарищам⁶⁹ просмотр рукописи Бабея и отдельных очерков, находящихся в портфеле редакц. "Красная Новь", имеющих отношение к Конармии»⁷⁰.

⁶⁵ *Бабель И. Из дневника. Переход через Збруч. Конец Св. Ипатия // Правда. 1924. 3 августа. №175.*

⁶⁶ *Подробнее см.: Парсамов Ю. Указ. соч. С.162.*

⁶⁷ *«Р.С.Ф.С.Р. Командующий войсками Московского Военного округа».*

⁶⁸ *Приведем несколько примеров: «...нельзя не прийти к следующим доводам – за абсолютную необходимость приостановления дальнейшего их распространения»; «...делающий недоступным преподавать эти очерки в нашем журнале широкой публике»; «Автор этот не наш, тенденциозно-фальшиво отражает действия Конной Армии» и т.д.*

⁶⁹ *Фамилии «товарищей» не названы, но в оригинале оставлен пробел для их вписывания.*

⁷⁰ *РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.3.*

Орловский в «критическом этюде»⁷¹ развивает темы письма Ворошилова в Политбюро. Идеологическая чуждость Бабеля, по мнению автора статьи, обусловлена его принадлежностью к тем, кто за семь лет так и не увидел «ничего <...> положительного в нашей Пролетарской Революции» и соответственно «"ни уха ни рыла" не понял в том, что сделала Конная Армия», и поэтому «Бабель своими творениями льет воду на мельницу врага». Дальнейшее развитие получает порнографическая тема, и хотя Орловский слово «порнография» не использует, зато он создает образ «эротоманствующего автора», который «на действия Конной Армии <...> смотрит сквозь призму чистейшей эротики». Орловский даже готов отдать Бабелю должное по этой части: «Здесь скажем кратко о том, что, когда Бабель описывает голые ноги, женскую грудь, эротические сны, разграбление костела, сифилитика-конноармейца, ему удастся живо и ярко написать это, а вот для зарисовки двух вождей нашей Красной Конницы не хватает пороха».

Развенчание Бабеля Орловский использует главным образом для героизации Конной Армии и ее вождей. Здесь он выступает не только как критик, но и как своего рода конкурент-летописец: «Дать оценку с этой точки зрения мы с большим правом можем, так как с Конной армией мы были с момента ее организации (с ноября 1919 г.) до 1923 г., были на тех фронтах, где она закрепляла власть рабочих и крестьян, были в ее полевом штабе, а в острые моменты и непосредственно в дивизиях и имели осторожность вести дневник ее операциям, фиксируя ее победы и поражения, т.е. ту сторону, которую однобоко с другой стороны описал Бобель⁷² (sic!)». Далее повествование строится на противопоставлении: «у Бабеля... – на самом деле...». Например, у Бабеля конница сечет собственную пехоту («Афонька Бида»). На самом деле – такого быть не могло. Правда, Орловский все-таки склонен сделать хоть небольшое, но допущение «на минуту, что этот факт имел место, так почему же его выпячивает Бабель, повествующий об этом, кстати сказать, очень равнодушно и сам, вероятно, не без удовольствия эстета наблюдавший это». Или женщина в Конармии «выводится <...> либо наложницей с соответствующими подробностями во вкусе "страстей" Бабеля, либо

⁷¹ «На задворках Конармии» (РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.6–16).

⁷² В тексте Орловского фамилия Бабеля сначала писалась через «о», затем в некоторых местах ручкой было исправлено на «а», что возможно отражает устное произношение фамилии Бабеля в окружении Ворошилова с ударением на первый слог.

эскадронной проституткой, либо «ударяющей по бараклу (sic!)». На самом деле: «Разве такой знают женщину в Конармии те, кто видел ее и сестрой и командиром, ведущим в бой дрогнувший эскадрон, и пулеметчиком, сменяющей за пулеметом убитого товарища. Конная Армия гордится этими женщинами-пролетарками, которые были в ее рядах и сумели, не зная личной жизни, отдавать победам Конармии все. В рядах сотен кавалеров Ордена Красного Знамени, вышедших из рядов Конармии, есть не один десяток этих женщин, в самые страшные минуты сохранившие мужество и не уступавшие бойцам Конармии в храбрости и беззаветном исполнении долга».

Особое место занимает опровержение бабелевского изображения командиров. О С.К.Тимошенко у Бабеля говорится, что он «имел при себе 12 собственных лошадей и казачку Павлу в качестве наложницы». На самом деле: «Тимошенко <...> за свои подвиги в полном смысле этого слова на всех фронтах получил два ордена Красного Знамени <...> Тимошенко командир-коммунист, известный всей коннице Республики». У Бабеля «Ворошилов выведен каким-то истериком, рвущим на себе ремни <...>, а Буденный изображен растерявшимся хныкающим обывателем». На самом деле это «подлинные вожди Конармии, которые в неимоверно тяжелых условиях вели Армию к победе и вырывали эту победу из рук готовящегося торжествовать ее врага». Таким образом, неповторимые характеры бабелевских героев, колоритные описания быта заменяются трафаретными и парадными портретами героев вообще, под которыми лишь проставляются имена реальных лиц. Орловский старательно переводит разговор о Конармии из сферы живого быта и уникальных обстоятельств в сферу чистой риторики, рассчитанной не на хранение и передачу информации, а на манипуляцию читательским сознанием.

Примерно в таком же духе и стиле написаны и письма конармейцев, среди подписантов фигурирует и фамилия Орловского, что позволяет довольно уверенно говорить о его авторстве. Несколько особняком стоит письмо командира 6-й кавдивизии В.Бернова в ЦККА. По степени раздражения оно значительно превосходит писания Орловского. Не разбирая по существу произведений Бабеля («Мы в этом заявлении вовсе не намерены устанавливать и разбирать статьи Бабеля»), Бернов требует «привлечения редактора "Красная новь" к партийной ответственности, а писака Бабеля к судебной (если он живет в Советской стра-

не)»⁷³. Наличие рукописи с большим количеством ошибок не оставляет сомнения в подлинности этого документа, но само нахождение автографа в архиве Ворошилова свидетельствует о явно заказном характере, что совершенно не исключает искренности высказываемых в письме чувств начдива 6 по отношению к автору «Конармии».

Сложнее обстоит дело с реальным авторством статьи Буденного. Утверждение С.Н.Поварцова: «Критический этюд "На задворках Конармии" <...> текстуально почти полностью совпадает с письмом командарма»⁷⁴, – является сильным преувеличением. Можно говорить лишь о незначительных текстуальных совпадениях, и не более того. Гораздо серьезнее – различия. Орловский более умерен в выражениях и оценках Бабеля, чем Буденный. Кроме того, для Орловского не характерны нападки на Воронского. В его статье имя редактора «Красной нови» вообще не упоминается. Возможно, что начальный вариант статьи Буденного писался действительно Орловским, но вполне вероятно, что редакция «Октября» солидно над ним поработала, приблизив его к собственным литературным потребностям.

Атака по линии

А.К.Воронский–Л.Д.Троцкий

Однако не только для «Октября», но и для Ворошилова главным объектом атаки был все-таки не Бабель, а Воронский. Непосредственно через Бабеля трудно было выйти на Троцкого.

Вместе с тем серьезная борьба с Воронским предполагала более солидную, чем была у Орловского, занятого главным образом своими прокурорскими делами, осведомленность в современном литературном процессе. Здесь явно требовалась другая фигура. Поэтому написание главного документа – доклада в ЦК – Ворошилов поручил А.И.Тарасову-Родионову⁷⁵.

Выполняя задание Ворошилова, Тарасов-Родионов получил прекрасную возможность использовать трибуну ЦК не только в интересах своего заказчика, но и в интересах своей литературной братии – редакции «Октября». Первая часть доклада фактически повторяет мысли об идеологическом вреде Бабеля: «Объективно писания Бабеля о Красной

⁷³ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.31.

⁷⁴ См.: Бабель И. Сочинения. М., 1990. Т.1. С.456.

⁷⁵ Подробнее см.: Парсамов Ю. Указ. соч. С.147–148.

Армии являются идеологически не только не нашим, но и прямо враждебным нам». Однако далее Тарасов дает понять, что Бабель не та фигура, на которой следует заострять главное внимание: «Мы нарочно не касаемся здесь вопроса о причинах, как внутренних, психологических, так и внешних, заставивших матерепого буржуазно-культурного интеллигента Бабеля написать эту объективно контрреволюционную пасквиль на нас. Это вопрос сравнительно мелкий. Гораздо более важным и глубоким с общественной точки зрения является вопрос, каким образом эта очевидная и едкая сатира на Кон. армию могла нами же, коммунистами, и через наш же советский аппарат, с огромной затратой скудных рабоче-крестьянских средств, широко распространяться»⁷⁶. Таким образом намечен переход к Воронскому как главному объекту атаки. Но прежде чем говорить непосредственно о редакторе «Красной нови», Тарасов останавливается на проблеме литературного попутничества вообще. Соглашаясь, на первый взгляд, с тем, что важно и полезно использовать «в наших же революционных целях литературно-художественных произведений, наших так называемых "попутчиков"», автор проекта далее предостерегает: «Для этой цели необходима предварительная, кропотливая и товарищеская работа с такими "попутчиками", исправляющая их вольные и невольные недостатки, но отнюдь не расхваливающая их произведений огулом только за их "художественность" и игнорирующая или почти игнорирующая на практике их идеологическое содержание». Случай Бабеля должен продемонстрировать членам ЦК неумелое использование попутчиков редакцией «Красной нови»: «Мы как раз видим вот это самое, обратное нашим классовым задачам, стремление не использовать "попутчиков", а быть самим использованными ими, и не только печатать их абсолютно вредные для нас вещи, но и расхваливать эти вещи, как наши коммунистические, и этим путем прикрывать коммунистическим авторитетом эту контрреволюционную художественную пропаганду».

Далее Тарасов переходит уже непосредственно к Воронскому: «Товарищ А.Воронский не только поместил клеветнические измышления Бабеля в порученном ему, как ответственному редактору, журнале, но и взял эти произведения под свою открытую коммунистическую защиту после того, как они вызвали возмущение и нарекания и со стороны всей массы работников Конармии, и со стороны коммунистических литера-

⁷⁶ РГАСПИ Ф.74. Он.2. Д.75. Л.23.

турных критиков, "напостовцев"⁷⁷. Как уже отмечалось выше, отношение напостовцев к Бабелю не было столь однозначно отрицательным, да Ворошилову вряд ли вообще было какое-то дело как до этой группы, так и до ее отношения к Бабелю. Тарасову же важно уверить членов ЦК устами одного из них, что его литературные единомышленники выступают единым фронтом с возмущенными конармейцами против «идеологического врага» и «пасквилята», а также против тех, кто проводит вредную политику: «Скандалное выступление т. Воронского осложняется еще тем, что этот старый партийный товарищ считался и по сих пор считается широкими кругами партии чуть ли не руководителем в области художественной литературы, поставленным на это дело партией. Так по крайней мере он сам аттестовал себя в печати, и так подтвердил это в одном из своих литературно-критических фельетонов, помещенных в "Правде", т. Троцкий»⁷⁸. Это должно было стать кульминационным местом в выступлении Ворошилова. Здесь впервые в связи с бабелевской историей называлось имя Троцкого. Вся эта история, таким образом, представляла как яркий пример ошибочной литературной позиции, проводимой Воронским при полном одобрении Троцкого.

Упоминание имени Троцкого само по себе мало что давало. Неясно было, является ли поддержка Воронского со стороны Троцкого его личным делом или это линия партии. Тарасов дает недвусмысленно понять, что такая политика идет вразрез с резолюцией «О печати» XIII съезда РКП (б). В ней, в частности, говорилось: «Основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза <...> Основным условием роста рабоче-крестьянских писателей является более серьезная художественная и политическая работа их над собой и освобождение от узкой кружковщины, при всемерном содействии партии, в частности партийной литературной критики. Вместе с тем необходимо продолжать ведущую систематическую поддержку наиболее даровитых из так называемых попутчиков, воспитывающихся школой, товарищеской работой совместно с коммунистами. Необходимо поставить выдержанную партийную критику, которая, выделяя и поддерживая талантливых советских писателей,

⁷⁷ Там же. Л.24.

⁷⁸ Там же. Л.25.

вместе с тем указывала бы их ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя, и толкала бы их к преодолению буржуазных предрассудков»⁷⁹.

Эта резолюция, как показал С.Шешуков, «пришлась не по душе напостовцам»⁸⁰. Они в ней не нашли того, к чему стремились – признания партией их гегемонии в литературном процессе. Резолюция была составлена двойственно. С одной стороны, она призывала ориентироваться «на творчество рабочих и крестьян», а с другой, – «продолжать ведущуюся систематическую поддержку наиболее даровитых из так называемых попутчиков», т.е. подтверждала соответствие литературной политики Воронского партийным установкам. Однако Тарасов-Родионов умудрился в докладе Ворошилова повернуть эту резолюцию против Воронского, который, по его мнению, «забыл очевидно о резолюции XIII съезда партии касательно более осторожной, ответственной и выдержанной постановки марксистской критики на литературно-художественные произведения»⁸¹. Характерно, что Тарасов текст резолюции не цитирует, а интерпретирует. Таким образом, получается, что не только Воронский, но стоящий за ним Троцкий идут против линии партии

**А.И.Тарасов-Родионов
против Н.Осинского
и других**

Не ограничиваясь развенчанием Воронского, Тарасов устами Ворошилова обрушивается еще на одного сторонника Троцкого – Н.Осинского (В.В.Оболенского). Экономист по

специальности, Н.Осинский в начале 1920-х годов регулярно выступал на страницах «Правды» и «Известий» со статьями о литературе и театре. В 1922 году у него произошел конфликт с группой «Октябрь». Причиной стала публикация положительного отзыва Осинского об Ахматовой на страницах «Правды» (4 июля 1922 г.). Реакция не заставила себя ждать. С.Родов напал на Н.Осинского, обвинив его «в стремлении выдать контрреволюционное стихотворение за революционное»⁸². На этот

⁷⁹ Правда. 1924. 1 июня.

⁸⁰ Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1984. С.82–83.

⁸¹ РГАСПИ Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.24.

⁸² Молодая гвардия. 1922. №6–7. С.308. – Речь шла о стихотворении «Все расхищено,

раз в качестве повода для нападения на Н.Осинского Тарасов-Родионов использовал его публикацию фельетона «Литературный год»⁸³. Оценки, даваемые Бабелю в этом фельетоне⁸⁴, весьма критичны, и делаемый автором общий вывод⁸⁵ звучит не особенно оптимистически. И хотя Н.Осинский положительно оценивает образ Буденного в «Конармии» («Буденный – редкий образчик в беллетристике хорошего **портрета**» (здесь и далее выделено в оригинале. – Ю.П.) и полагает, что «тов. Буденный совершенно напрасно обиделся на Бабеля», в целом отношении Осинского к «Бабелю» остается скептическим. Тарасов при желании вполне мог записать его в свои союзники или как минимум вообще не упоминать в своем проекте. Но Н.Осинский активно поддерживал в то время Троцкого, в частности, по важному для Тарасова вопросу о пролетарской литературе. В своем фельетоне он прямо говорит, что «травля, поднятая нашей литературной «рабочей оппозицией» (группа «На посту») против «попутчиков», немало способствовала углублению кризиса, тем более, что эта травля была поддержана кое-кем из коммунистических писателей-«мэтров», не смогших стерпеть наличия «мэтров»-попутчиков». И далее: «Вместо того, чтобы дать возможность части попутчиков превратиться в "своих" (а **возможно** для пролетариата и **должно** перевоспитывать интеллигенцию на свой образец), они просто занимались убиванием конкурентов "пролетарской литературы"»⁸⁶. Работа над проектом ворошиловского доклада предоставила Тарасову редкий случай расправиться со своими литературными врагами непосредственно в ЦК и при этом сделать это не лично, а устами влиятельного военно-партийного функционера. Чтобы хоть как-то подставить Н.Осинского под обстрел антибабелевской критики, Тарасов обвиняет его в том, что тот «лишь, между прочим, слегка поругивает Бабеля за его "Конармию"».

передано, продано». Отголоски этой полемики см.: Родов С. Организационные вопросы пролетарской литературы // На посту. 1925. №1. С.85. – См. также Парсамов Ю. Указ. соч. С.162.

⁸³ *Правда. 1925. 1 января.*

⁸⁴ «...автор вообще обнаружил полную неуравновешенность и по содержанию, и по форме»; «у автора в голове на первом плане революционный сумбур» и т.д.

⁸⁵ «Если Бабель в самый короткий срок не приведет себя в соответствие с требованиями эпохи, он – конченный человек».

⁸⁶ *Правда. 1925. 1 января.*

Приведя вырванные из контекста две цитаты о Буденном, Тарасов далее переходит к главному – к защите напостовцев от критики Осинского: «В дальнейшем т. Осинский обрушивается на "напостовцев" за их "травлю" попутчиков, а главным образом, за то, что "вполне советские вещи этих же попутчиков, в частности Есенина, они в своем журнале "Октябрь" напечатали, а тов. Воронскому это запрещают". Каким образом тов. Воронский вследствие "запрета напостовцев" вынужден печатать в "Красной Нови" попутнические вещи абсолютно несоветские, а возможность печатать вещи советские лишен, тов. Осинский не поясняет. Не поясняет этого и редакция "Правды", ограничившаяся туманным примечанием, что "с некоторыми положениями фельетона т. Осинского она не согласна". С какими именно – читателю совершенно не ясно, так как противоречий в фельетоне т. Осинского не мало»⁸⁷.

Но и этим Тарасов не ограничивается. Дорвавшись через Ворошилова, как ему кажется, до цеховской трибуны, он считает нужным сразу свести все счеты со своими литературными врагами: «Но беда не ограничивается, к сожалению, одним т. Воронским. Его точку зрения разделяют, очевидно, многие другие достаточно авторитетные товарищи, что видно хотя бы по следующим фактам. С месяц тому назад был организован в Москве в Доме Печати публичный литературный диспут о Бабеле под председательством т. В.Полонского, редактирующего журнал "Печать и революция", на каковом диспуте перед многочисленной аудиторией и в присутствии представителей отдела Печати Ц.К., т.т. Воронский, Полонский, Путна и друг. партийцы при поддержке критиков в лице Лежнева, В.Шкловского, фельетониста Левидова и писательницы Сейфулиной, яростно обрушились на «напостовцев» и С.Буденного – за нападки их на идеологическую недоброкачественность Конармейских рассказов Бабеля»⁸⁸.

Здесь имеется в виду так называемое «собеседование о героях "Конной армии"» в Доме печати (29 ноября 1924 г.), в котором, как планировалось, должны были принять участие сам Бабель и Буденный⁸⁹. Но ни того, ни другого на диспуте не было.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.26.

⁸⁸ Там же. Л.25. – Краткий отчет об этом заседании см.: *Вечерняя Москва*. 1924. 8 декабря. См. также: Куванова Л.К. Фурманов и Бабель // *Литературное наследство*. М., 1965. Т.74. С.500–512.

⁸⁹ *Правда*. 1924. 29 ноября.

Всему этому замыслу осуществиться не удалось. Еще в октябре 1924 года ЦК в лице Д.З.Мануильского дал понять Ворошилову, что публикация антибабелевских статей на страницах «Правды» нежелательна. Ведь это, «во-первых, подняло бы лишь интерес к его книге, во-вторых, было бы использовано заграничной белогвардейской печатью для дискредитации и нашей армии, и нашего советского режима»⁹⁰. Давая такой ответ, Мануильский руководствовался в первую очередь официальной линией ЦК по отношению к литературе. Воронский, печатавший Бабеля в «Красной нови», проводил в области литературы политику, соответствующую не только идеям Троцкого, но и Ленина, успевшего еще при жизни благословить «Красную новь». Тем не менее Ворошилов еще на протяжении нескольких месяцев продолжал готовить журнальную кампанию против Бабеля и, видимо, до последнего момента полагал, что ему удастся выступить в ЦК. В этом его мог наставлять только Сталин. Не стал бы командующий Московским военным округом по собственной инициативе и вопреки ясно высказанной от имени ЦК точке зрения заниматься на свой страх и риск подготовкой этой акции.

Доклад для Ворошилова Тарасов-Родионов писал, судя по содержанию, скорее всего, в первые дни января 1925 года, а 26 января Троцкий после сокрушительной атаки на него за «Уроки Октября» был снят с должности наркома по военным и морским делам. Это был очередной крупный успех Сталина, после которого «внутрипартийная борьба сменилась паузой»⁹¹. Сталину пришлось даже унимать не в меру расходившихся своих сторонников, в частности, Г.Е.Зиновьева, который уже в конце 1924 года требовал исключить Троцкого из партии⁹². В раскладе политических сил начала 1925 года, с точки зрения Сталина, пожелавшего взять таймаут, выступление Ворошилова было неуместным.

Внешне все выглядело так, что командарм Буденный на страницах «Октября» высказал свое читательское мнение о рассказах Бабеля, с которым редакция «Красной нови» не согласилась и продолжала печатать как самого Бабеля, так и положительные рецензии на его творчество.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф.74. Оп.2. Д.75. Л.2.

⁹¹ Дойчер И. Указ. соч. С.222.

⁹² По этому поводу Сталин сказал: «Сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего – что же у нас останется в партии?» (Цит. по: Дойчер И. Указ. соч. С.264).

ПАМЯТИ ДРУГА

Не стало Марка Исааковича Лапицкого, нашего общего друга и постоянного автора журнала, доктора исторических наук, профессора Российской Академии внешней торговли. Его знали многие, испытывая самые теплые чувства от общения с этим незаурядным, отзывчивым и всесторонне образованным человеком. Оттого так остро была воспринята весть о его внезапном уходе.

М.И.Лапицкий (14 сентября 1940 – 17 декабря 2010) долгое время проработал сотрудником Института международного рабочего движения и Института социологии РАН. Здесь он защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В стенах этих учреждений он обрел заслуженную известность глубокого, яркого исследователя, наделенного от природы талантом образного мышления, делающего его труды по особому интересными, увлекательными как для специалистов, так и для широкого читателя. С первых шагов в науке, еще в ранге младшего научного сотрудника Марк Исаакович завоевал уважение и любовь своих коллег. Он был очень заметен среди когорты ученых-энтузиастов, давших мощный импульс недогматическим, новаторским подходам к сложной социальной проблематике современности. Его ценили за высокие человеческие качества, коммуникабельность, творческий потенциал. Он внес реальный вклад в разработку актуальных тем – истории и историографии социальных движений в XX веке, современного менеджмента и трудовой этики, судеб демократии в условиях кризиса современной цивилизации и т.д. В повседневной жизни академического учреждения, а также Всероссийской академии внешней торговли М.И.Лапицкий являл собой эталон интеллигентности, порядочности, трудолюбия и самодисциплины. Блестяще зарекомендовав себя в профессорском звании, он щедро делился знаниями со студентами, всегда оставаясь для них неформальным проводником в море академических дисциплин и житейских проблем.

Для всех было секретом, когда и как М.И.Лапицкий находит время для изысканий в самых разных областях гуманитарного знания – истории, культурологи, социологии, в автобиографическом жанре и страноведении, отразившихся в увлекательных очерках и воспоминаниях о встречах с загадочными мирами и человеческими характерами. Марк Исаакович сформировался и получил известность как ученый-американист, но только один перечень вышедших за последнее десятилетие его трудов (книг, статей и эссе) способен передать широту науч-

ных интересов, познаний и пытливого любознательности, которыми обладал этот всегда жизнелюбивый, приветливый и неуемный человек, страстный любитель путешествий неизменно «в связке» со своей супругой Натальей Дмитриевной. Вот только некоторые из них: «Труд и бизнес в зеркале религий» (1998); «"Жертва" географии или в поисках себя» (2005); «Путешествие как повод (Латиноамериканские зарисовки)» (2008) и др.

В журнале «Россия XXI», вниманием которого к себе он очень дорожил, М.И.Лапицкий опубликовал ряд интересных статей и этюдов. Он мог бы еще очень многое сделать. Незавершенными остались новые планы. Воображение и широчайшая эрудиция подсказывали ему самые, казалось бы, неожиданные, дерзкие идеи. «Втайне» от окружающих он, например, собирал материал для книги о Шуберте. Обычно в разговоре с ним приходилось слышать «что скажете об этом?», «смогу ли я одолеть эту тему?» За этой совсем не наигранной скромностью, кажущейся неуверенностью в своих замыслах и возможностях крылось не кокетство, а повышенная требовательность к себе, строгость самооценки. Для М.И.Лапицкого – зрелого мастера и высокого профессионала – такой обычай получения одобрения или критики «извне» был связан с естественным процессом вхождения в тему, создания правильного творческого самочувствия, вживания в образ эпохи, какой бы отдаленной она ни была.

Прощаясь с читателями своей замечательной и необычной книги «Путешествие как повод (Латиноамериканские зарисовки)» Марк Исаакович в заключительной главе совсем неспроста коснулся всегда волновавшей его темы вдохновения и не оставлявшего его зова к подчас нелегкому, но радостному труду. Он писал: «Каким бы прекрасным ни было путешествие, оно всегда ограничено пространством и временем. Осуществленная мечта удовлетворения не приносит. Наступает временная пустота. Но без мечты жить невероятно трудно. И вот уже тайком прокрадывается другая мечта, а та старая – осуществленная – стремительно удаляется в прошлое...» Вот таким мы и запомним его – ненавидящим бездеятельность, бегущим от рутины, серых будней, застывших образов и более всего увлеченным реализацией себя по пути к необычному, еще неизведанному, будь то в путешествиях по континентам или в науке. Чтобы все, как он любил говорить, понять по-настоящему.

В.Л.Мальков

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Аватков Владимир Алексеевич

студент магистратуры МГИМО-Университета МИД России

Рыжова Мария Сергеевна

сотрудник аналитического отдела Корпорации
«Экспериментальный творческий центр»

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
руководитель Центра проблем Кавказа
и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Найдыш Вячеслав Михайлович

доктор философских наук, профессор,
академик Академии гуманитарных наук,
академик Российской академии социальных наук,
зав. кафедрой онтологии и теории познания
Российского университета дружбы народов

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Парсамов Юрий Вадимович

аспирант кафедры литературной критики
факультета журналистики РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Avatkov Vladimir Alekseevich

undergraduate student of Moscow State Institute
of International Relations–University

Rijova Maria Sergeevna

the researcher of the analytical department
of the Corporation «Experimental Creative Center»

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center
for the Caucasus Problems and Regional Security,
Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Naidysh Viacheslav Mikhailovich

D.Sci., philosopher, Professor,
Academician of Human Sciences Academy
and Russian Academy of Social Sciences,
Head of the Department of Ontology and Epistemology,
Russia Peoples' Friendship University

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist,
Professor, Chair of History of Russian Literature,
philological faculty of Moscow State University

Parsamov Yuri Vadimovich

postgraduate student of Chair of literary criticism,
Russian State University for the Humanities

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездииковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ, Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109–110

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,

Тучков пер., 11/5

в интернет-магазине «Политкнига.ru» www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»

www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru,

bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Для иностранных читателей

подписка проводится

через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57

e-mail: export@periodicals.ru

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

Отчет об использовании имущества Фонда за 2010 год

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- денежные средства, поступающие от реализации научно-технических договоров,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки составила 5963 тыс. рублей. Добровольных, вступительных и иных взносов не поступало. Фонд осуществляет свою деятельность на полном хозрасчете.

Расходы за истекший год составили 5961 тыс. рублей, прибыль – 2 тыс. рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 0,4 тыс. рублей. В 2010 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2010.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru> или <http://www.ecc.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 16.02.2011. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

1.2011 january-february

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Essence of Time _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Vladimir Avatkov

Static or Dynamic Stability?
Modern Russia-Turkey Relations _____ **48**

Maria Rijova

Ibero-America: Problems and Expectations _____ **60**

Russia in the World

Vladimir Degoev

Getting Closer in Troubled Waters: Russia
and Ossetia in the mid-18th Century _____ **80**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Viacheslav Naidysh

The Theory of Evolution
in the Contemporary
Spiritual Culture _____ **106**

Andrey Ranchin

Philology or Philosophy? _____ **140**

Pages of History

Yuri Parsamov

Behind Side Scenes of Journal
Polemics around "Konarmia"
by Babel' _____ **154**

To Memory of the Friend _____ **184**

РОССИЯ XXI